

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (24)

Сыктывкар, 2019

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2019. № 2 (24).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Нур-Султан), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты № 18-6-6-27 «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата», № 18-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркулярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и в эпоху средневековья»

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

Е-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Черкасова М.С. (Вологда). Сороки и трети как объекты демографического изучения (конец XIV – XVII в.)4 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-4-9	4
Мацук М.А. (Сыктывкар). Купечество города Усть-Сысольска по ревизии 1795 г.: демографические аспекты10 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-10-13	10
Суций С.Я. (Ростов-на-Дону). Геодемографическая динамика населения приморских территорий Юга России в имперский период (середина XIX – начало XX в.)14 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-14-19	14
Вишнякова Д.А. (Сыктывкар). Брачное состояние сельского населения Европейского Северо-Востока России (по материалам Переписи 1897 г.)20 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-20-24	20
Хашба А.Ш. (Сухум). Некоторые аспекты формирования населения Абхазской АССР конец XIX – начало XX в.)25 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-25-29	25
Садыков Т.С., Хасенова Ж.О. (Нур-Султан, Казахстан). Спецпереселенцы в Казахстане в 1930-е гг. (к вопросу освоения Карагандинского угольного бассейна)30 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-30-36	30
Морозов Н.А. (Сыктывкар). Воркуто-Интинский субрегион Коми АССР в 1940–1950-х гг.: социо-демографическое измерение37 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-37-52	37
Захарова Е.Ю. (Челябинск). БАКАЛЛАГ как градообразующий фактор в истории Metallургического района города Челябинска53 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-53-56	53
Абдуразаков М.Ф. (Нур-Султан, Казахстан). Влияние советской власти на процесс урбанизации в Казахстане (вторая половина XX в.)57 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-57-62	57
Мацук А.М. (Сыктывкар). Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг.63 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-63-66	63

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар), Назарова И.Г. (Ухта), Фаузер Г.Н. (Сыктывкар). Демография, труд, расселение населения в Республике Коми: историография середина XX – начала XXI в.67 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-67-74	67
Силин В.И. (Сыктывкар). Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. как демографический источник75 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-75-77	75
Куратов О.А. (Сыктывкар). Материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи как источник по истории миграции населения Европейского Севера России во второй половине XIX в.78 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-78-80	78
Лисовская Г.К. (Сыктывкар). Трудовая миграция в Коми крае конца XIX – начала XX в. по произведениям К.Ф. Жакова81 DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-81-84	81
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»85	85

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 930.2:27-788:314.

DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-4-9

*М.С. Черкасова**

Сороки и трети как объекты демографического изучения (конец XIV – XVII в.)

В статье рассмотрены сороки и трети как единицы деления в Москве, Белоозере, Вологде. Учены обширная научная литература вопроса и разнообразная источниковая база – летописи, акты, приходо-расходные, дозорные, писцовые и переписные книги. Используется сравнительно-исторический метод анализа, акцент делается на демографических аспектах.

Ключевые слова: города, территория, население, государственное, земское и церковное управление, сороки, трети

M.S. Cherkasova

Magpies and thirds as objects of demographic study (late 14-th – 17-th centuries)

The article considers magpies and thirds as units in Moscow, Belozero, Vologda. The extensive scientific literature of the issue and a diverse source base – chronicles, acts, parish-expenditure, sentinel, scribes and census books – are taken into account. A comparative-historical method of analysis is used, focusing on demographic aspects.

Key words: cities, territory, population, state, land and church administration, magpies, thirds

В эпоху Средневековья и Раннего нового времени в городах России формировались и функционировали разнообразные единицы внутригородского деления. Они имели отношение к государственному, земскому, церковному административно-территориальному управлению, налогообложению, демографическому учету и назывались по-разному – концы, трети, половины, сороки, сотни, чети/четверти/четвертаки. В статье рассмотрены демографические аспекты таких единиц, как сороки и трети. Для анализа привлекаются и сравниваются источники по Москве, Белоозеру и Вологде конца XIV–XVII в.

Понятие сорок – весьма многоплановое, объемное, растяжимое и изменчивое во времени, имеющее отношение и к епархиальной организации в городах, и к богослужебной практике, и к религиозному сознанию. Термин сорок обычно трактуется как аналог позднейшего благочиния – совокупности городских приходов. По исповедным книгам XVIII в. А.И. Федорев включает в московский «сорок» 40-43-50 приходских храмов [1, с. 12–13, 42–43].

На память приходит известная метафора про Москву как «сорок сороков». При буквальном понимании (40х40=1600) получается фантастическая цифра количества церквей в столице, даже если учитывать все престолы всех храмов с их пределами – соборных, приходских, ружных, больничных, тюремных, воинских, домашних и т.д. [2, с. 19–21]. На самом деле сочетание «сорок сороков» породили практикуемые в столице

* Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; г. Вологда, ул. Ленина, 15; mscherkasova@mail.ru

торжественные крестные ходы всего московского духовенства, само выражение сформировано как допускаемое в церковно-славянском языке удвоение-усиление, подчеркивающее значимость мероприятия, по типу «Царь царем», «Господин господствующих» [1, с. 43–44].

С сороком была связана и поминальная практика. М.Н. Тихомиров проанализировал известие Воскресенской летописи и Рогожского летописца о погребении погибших в нашествие Тохтамыша в Москве в августе 1382 г. В Воскресенской летописи говорится, что после возвращения вел. кн. Дмитрия Ивановича из Костромы за погребение 80 погибших платили по 1 руб., а всего было истрачено 300 руб., то есть погибло 24 тыс. чел. [3, с. 66]. Такая же численность в Устюжской летописи под 1382 г.: «начаша давать от погребения мертвых от сорока по полтине, и сочтоша того 300 рублей дано, а мертвых сочтено двадцать четыре тысячи» [4, с. 36, 78]. В Рогожском летописце число погибших вдвое меньше: за погребение «группы» из 40 чел. давалась полтина (то же самое, как рубль за 80 чел.), при общих расходах в 150 руб., что показывает 12 тыс. погибших. Возможно, разница летописных данных объясняется тем, что при цифре в 24 тыс. имеются в виду выплаты на похороны не только в Москве, но и в других разорённых нашествием Тохтамыша городах – Дмитрове, Юрьеве Польском, Переславле, Волоке Ламском, Звенигороде, Можайске, Коломне, Рязанской земле. Если приведённые данные понимать как указание на оплату из княжеских средств сорокоуста (наиболее важного в православном каноне) по каждому из 24 тыс. погибших, тогда на поминание одного человека шло по 1,25 коп.

Наблюдения над демографическими аспектами московских сороков можно продолжить применительно к концу XVI в. По приговору царя Фёдора Ивановича с патриархом Иовом, боярской думой и всем Освященным собором от 13 июня 1594 г. в Москве были назначены восемь поповских старост и десятских попов, в подчинении у каждого старосты находился «сорок» – совокупность из 40 приходских священников, олицетворявших церковный приход как таковой. Это дает ориентировочно 320 приходских церквей в столице, а исходя из условной цифры, 40 дворов на приход, – 12–13 тыс. дворов, или (принимая примерно среднюю численность двора в 5–6 чел.) – 60–70 тыс. всего населения Москвы обоего пола на конец XVI в.) [6, № 360]. Не исключаем, что это минимальные цифры, тогда как действительное население столицы на тот момент могло быть 80–100 тыс. чел.

Помимо Москвы, сороки существовали и в северных городах (Белоозере и Вологде), но они там отличались от московских. На их упоминание в дозорных книгах 1616/17 г. одним из первых обратил внимание К.А. Аверьянов. Здесь они являлись по сути городскими приходами, а не крупными административно-церковными подразделениями типа благочиннических округов, как в Москве в Синодальный период. По количеству дворов белозерские сороки были весьма различны и корреляция с цифрой 40 наблюдается не всегда. Например, в Захарьине сороке и сороке свв. Жен-Мироносиц указано по 41–45 дворов (табл. 1). Церковная подоснова сороков ощутима в названиях типа Богословский, Никольский, Воскресенский, Мирносицкий с их привязкой к соответствующим улицам города. Встречаются и «гражданские» наименования сороков, отсылающие нас, по-видимому, к каким-то прежним названиям улиц, обитателям или писцам/переписчикам, например «сорок Жуков и Логоинов»/Захарьин/Белобородов в Белоозерске.

Группировка дворов жилых, дворов пустых и мест дворовых в дозорных книгах 1616/17 г. по Белоозеру и Вологде показывает уровень демографических потерь в них в тяжелые годы смуты и позволяет их сравнить. Часть населения в Белоозерске проживала не на посаде, очень сильно разорённом, а в пределах «города»-крепости. На пространстве белозерского посада, очерченного восемью сороками, уровень разорения достигал 98%! Размер же «сорока» как единицы внутрипосадского деления колебался между 40–70 дворами, составляя в среднем 64 двора. В пределах же крепости дозорной книгой 1616/17 г. было учтено 150 жилых «осадных» дворов, 45 дворов пустых и одно место дворовое. Эти данные должны быть учтены при выведении общей дворовой пустоты Белоозерска, поскольку её уровень выглядит уже не на 98, а на 77%. Так наличие крепости помогло уберечь жизнь многих людей.

В Вологде на посаде в 12 сороках отмечено в целом 498 дворов (жилых из них 207, пустых – 29 и 262 места дворовых), что дает средний размер сорока здесь почти соответствующим буквальному значению этого слова – 41 с половиной двора. В дальнейшем показатель этот изменяется в сторону увеличения (табл. 3). Уровень запустения на Вологодском посаде, очерченном 12 сороками, выглядит намного ниже по сравнению с Белоозером – 52,6%. Скорее всего, процент жилых дворов здесь был выше с учетом их количества и на территории крепости, которая не была охвачена дозором.

Помимо дозорной книги Вологды 1616/17 г., термин «сороки» в значении церковного прихода употребляется в делопроизводственной документации Вологодской архиерейской кафедры 1640–1650-х гг. [9, № 526, 1662, 9218, 9496; 10, л. 36об.]. В переписной книге 1657 г. и окладных «имянных книгах» 1680-х гг. население учтено по «сорокам», хотя это и разные по происхождению источники: первая – официального происхождения, составлена воеводой А.П. Еропкиным и дьяком С. Завесиным; вторые – общинно-посадские, составлены земским старостой О. Поляниным и ларешным Дм. Березиным [7, с. 239; 8, с. 181].

Таблица 1

«Сороки» и дворы в городах Белозерске и Вологде 1616/17 г.

Название сорока	Дворов жилых	Дворов пустых	Мест дворовых
Белозерск			
1. ц. Архангела Михаила	—	3	59
2. Захарьин	5	3	41
3. ц. свв. Жён-Мироносиц	—	—	45
4. Воскресенский	—	—	73
5. Жуков и Логинов	—	9	72
6. Белобородов	1	3	58
7. Андреевский	3	7	101
8. Петровский	—	3	33
Итого в Белозерске	9	21	482
Вологда			
1. Федоровский	13	13	15
2. Кирилловский	27	1	53
3. Козлёнский (Покровский)	9	7	55
4. Бывшей Владышной слободы (Зосимовский)	21	1	4
5. Широкие улицы (Спасский)	20	4	—
6. Богословский	2	1	23
7. Никольский	30	1	3
8. Васильевский	18	2	—
9. Власьевский	3	—	45
10. Леонтьевский	32	1	32
12. Мироносицкий	14	6	14
13. Дмитриевский	18	2	18
Итого в Вологде	208	39	262

Источники: [6, с. 37–75; 8, с. 250–277].

Деление тяглого населения Вологды на сороки отразилось также в сыскной документации о посадских закладчиках в 1640/41 г. (аналогично – в Белозерске в тот же год) и при проведении «посадского строения» (реформы) 1649–1652 гг. Конкретный состав сороков в Вологде в 1617–1687 гг. отражен в табл. 1 и 2, он существенно не менялся – 12-13-14, что соответствует такому же примерно числу земских целовальников – 12-14. Эти выборные люди от земской общины, привлекались в период писцовых работ к проведению обыскных мероприятий в 1628 г. [8, с. 285–286], к сыску закладчиков в 1639/40 г., к «посадскому строению» посада в рамках реформы 1649–1652 гг., а в октябре 1654 г. – к составлению приговора всех вологжан по сооружению обетного Спасо-Обыденного храма во избавление от эпидемии моровой язвы [11, с. 222–223].

К 1657 г. по сравнению с 1617 г. в Вологде добавился новый сорок – Ивановский, который можно связать с пригородным районом Дюдиковая пустынь, где существовал приход церкви Рождества Иоанна Предтечи. За пределами «налогово-сорокового учёта» находились торговые иноземцы, члены Суконной сотни, казённые каменщики и кирпичники, обитатели монастырских дворов. Едва ли не впервые при подведении итогов переписи в 1657 г. среди посадских людей (1578 чел.) выделены братья (111 чел.), дети (474 чел. – это 30% от общего числа учтённых), племянники (11 чел.). Такие «родственные подборки» станут заметны в переписных книгах русских городов начала 1700-х гг.

Сравнение описаний 1657 и 1686/87 гг. показывает в целом стабильную численность вологодского посада – 1,4–1,5 тыс. дворов (или ориентировочно 7–8 тыс. чел. об. пола). Средний же размер сорока во второй половине XVII в. составлял 103–107 дворов. Учёт посадских дворов в «сороковых» книгах 1686/87 г. по сравнению с государственной переписной книгой 1678 г. (1173 дв.) был на 20% полнее, хотя в течение 10 лет после переписи 1678 г. вполне допустим рост тяглого населения (табл. 2). По указаниям земских старост Вологды в 1682 г. относительно выплаты стрелецких денег «по новому гостиному окладу» в размере 1 руб. 7 гривен (на общую сумму 2414 руб.) количество тяглых посадских дворов в городе составляло 1420. Такое же их количество упоминалось в Петровском указе в январе 1702 г. о постройке барок для сплавки их к Архангельску ввиду возможного нападения шведской эскадры [12, № 50, 68].

По Кирилловскому сороку в «имянной книге» Вологды за 1688/89 г. [7, с. 244–245] удалось найти сопоставимый материал в росписи бобыльского оброчного сбора земского сборщика Дм. Полянина от 23 октября

1684 г. [13, № 1]. В ней бобыльских дворов показано больше – не 43, а 54, фамильный же состав бобылей совпадает – Бабины, Бабушкины, Барандины, Волковы, Королевы (Кокорева), Неподставовы, Пасхалины. Сопоставление источников разного происхождения позволило взаимно проверить их демографические показатели и, кроме того, дополнило сведения именных книг информацией о «бобыльских зборах».

Таблица 2

«Сороки» в Вологде во второй половине XVII в.

Название сорока	1657 г.			1686/87 г.			
				Дворов жилых		Людей	
	Дворов посадских и бобыльских	Бобылей на подворьях, чел.	Иных дворов	посадских	бобылей и скудных	посадских	бобылей
1. Фёдоровский	88	–	7	62	42	121	66
2. Кирилловский	173	–	–	117	43	212	59
3. Козленский (Покровский)	73	–	–	36	33	66	51
4. Зосимовский	117	14	9	84	31	141	39
5. Спасский	80	–	–	62	28	107	40
6. Богословский	82	–	–	32	29	55	32
7. Никольский	139	–	–	79	58	139	83
8. Васильевский	91	–	–	42	47	66	58
9. Мироносицкий	65	18	3	52	26	87	37
10. Дмитриевский	83	–	–	61	26	107	39
11. Ивановский	84	12	–	43	27	77	36
12. Власьевский	134	–	–	101	43	177	56
13. Леонтьевский	181	14	9	85	50	159	67
14. Стефановский	118	–	–	62	52	110	63
Всего	1508	48 чел.	28 дв.	918	535	1624	726
Итого	–	–	–	1453 дв.		2350 чел.	

Источники: [7, с. 239–270; 8, с. 190–233].

Дворы вологжан в 1670–1680-е гг. учитывались и в архиерейском казённом приказе в связи со взиманием церковной дани с приходского духовенства. И здесь от сороков уместно перейти к более крупным церковно-административным и налоговым подразделениям – третям. Наличие третей в Вологде уверенно фиксируется приходо-расходными книгами, «выборами» на поповских старост, росписями церквей по третям в документации 1620-х, 1640-х и 1670-х гг. [9, № 2385; 10, л. 36об.; 12, № 156, 157, 161; 14]. В росписях церквей по третям в 1670-е гг. указывалось число приходских дворов в них, от чего зависел размер архиерейской дани. В состав каждой трети входило по 10–12 приходских храмов на посаде (в отличие от ружных, преобладавших в городе, не приходских и не учитываемых в системе архиерейского фиска). Исторически трети восходили, вероятно, к разным церковным юрисдикциям в Вологде и крае, функционировавшим ещё в удельную эпоху, – Успенской (Новгородского дома Св. Софии), Мироносицкой (Ростовской архиепископии) и Владимирской (Московской митрополии). В рамках топографии Вологды указанные названия маркировали: 1) древнейшую часть Вологды (на Верхнем посаде существовавший уже в начале XIV в. Успенский собор), 2) позднейшую часть Верхнего посада (ц. Сретения чудотворной иконы Владимирской Богоматери) и 3) Заречную часть (ц. свв. Жен-Мироносиц). Это отразило не только сопредельное положение Вологды как города и земли, возникшей недалеко от Новгородского и Ростовского рубежей [15, с. 191], но и раннее (с XIV в.) проникновение великокняжеской власти на часть её территории.

Другое основание имело третное деление Москвы в XIV–XV вв., подробно изученное М.Н. Тихомировым. Он связывал его с системой совладения Москвой великими и удельными князьями. Трети в Москве (а ещё в Рязани) являлись частями городской территории и долями в получаемых ими доходах и пошлинах – судебных, торговых [3, с. 99, 196–204]. К.А. Аверьянов попытался соотнести третное деление Москвы с сороками-благочиниями и членением (по Записи о душегубстве) на пять судебно-административных округов [16, с. 22–39]. В отличие от Вологды, в Москве для заседаний поповских старост и десятских дьяконов в рамках сороков-благочиний была организована Поповская изба перед Покровским собором на Красной площади [5, № 360].

По концу XVII в. сведения о «дворности» третей не менее интересны, как информация по исторической демографии, нежели данные о дворности сороков в дозорных книгах 1616/17 г. Табл. 3 суммарно показывает

1337 дворов в 1670–1680-е гг. в трех третях Вологды. Ориентировочно цифра эта сопоставима с данными сороковых именных книг 1680-х гг. (1453 дв.), хотя в абсолютном выражении получается, что посадский учёт дворов был полнее архиерейского.

Таблица 3

«Трети» на вологодском посаде в 1670–1686 гг.

Год	Треть	Состав приходских церквей в трети	Количество учтённых дворов в приходе
1670	Успенская	1. Успения Богородицы	22
		2. Введения Богородицы	40
		3. Живоначалной Троицы	35
		4. Архангела Гавриила	25
		5. Рождества Богородицы	24
		6. Василия Великого	17
		7. Николы Чудотворца на Горе	7
		8. Дмитрия Солунского у убогих дому	8
		9. Архангела Михаила	62
		10. Иоанна Богослова	7
Всего в Успенской трети дворов			247
1674	Мироносицкая	1. свв. Жён-Мироносиц	72
		2. Дмитрия Прилуцкого на Наволоке	54
		3. Николы во Владычной слободе	78
		4. Спаса-Преображения в с. Фрязинове	100
		5. Рождества Богородицы на Нижнем долу	52
		6. Сретения Господня	32
		7. Климента папы Римского	55
		8. вмчк. Георгия	65
		9. Леонтия Ростовского	74
Всего в Мироносицкой трети дворов			582
1686	Владимирская	1. Павла Обнорского в с. Кобылине	16
		2. Петра и Павла	51
		3. Феодора Стратилата	15
		4. Кирилла Белозерского	72
		5. Покрова Богородицы в Козлене	52
		6. вмчц. Екатерины	24
		7. Власия Севастийского	57
		8. Сретения иконы Владимирской Богоматери	83
		9. Дмитрия Прилуцкого в Кобылкиной улице	39
		10. Иоанна Предтечи в Рошенье	81
		11. Николы Чудотворца в Рассыльничьей слободе	13
		12. Афанасия Александрийского на Старой площади	5
Всего во Владимирской трети дворов			508
Итого в трех третях Вологды дворов			1337

Источник: [12, с. 137–138, 141].

Табл. 3 показывает неравномерное распределение дворов по приходам и по третям. Если их число в Мироносицкой и Владимирской третях примерно сопоставимо (соответственно 582 и 508), то в Успенской трети их почти вдвое меньше – 247 дв. Поскольку пространством Успенской трети охватывалась более древняя зона городского расселения (старый Верхний посад XIII–XV вв.), то разница в численности дворов в третях к концу XVII в. отражает общий «сдвиг» населения от верхнего течения р. Вологды к её нижнему течению. Для сравнения укажем, что в Устюге движение населения шло в обратном направлении – от низовьев Сухоны (с нередкими разрушительными разливами) к её верхнему течению, где проживание для людей было более безопасным. Наибольшая населенность Мироносицкой трети была достигнута за счёт включения в её состав пригородного села Фрязинова (приход Спасо-Преображенской церкви – 100 дв.). Во Владимирскую треть также вошло пригородное село – Кобылино, но размеры его были значительно меньше – 16 дв.

Таковы предварительные результаты рассмотрения сороков и третей в Белозерске и Вологде как объектов демографического изучения. Считаем продуктивной методику их исследования, когда привлекаются

и сопоставляются хронологически близкие, но разные и независимые друг от друга писцовые и переписные материалы – земско-посадского, государственного и церковного происхождения.

Источники и литература

1. Федорец А.И. Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворо-владельцев г. Москвы в 40-х – 80-х гг. XVIII в.: дисс... канд. истор. наук. М., 2014. 255 с.
2. Аверьянов К.А. Московские сорок сороков // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории. Период феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991.
3. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957.
4. Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.
5. Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1.
6. Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вологда, 1994.
7. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1 / Отв. ред. И.В. Пугач. М., 2008.
8. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 3 / Отв. ред. И.В. Пугач. Вологда, 2019.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1.
10. ГАВО. Ф. 883 (Собрание Н.И. и И.Н. Суворовых). Оп. 1. Кн. 12.
11. Черкасова М.С. Население Вологды в конце XVII в. // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 4.
12. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.
13. Государственный музей-заповедник Ростовский Кремль. Ф. 184 (Вологодская земская изба). Оп. 1.
14. Приходо-расходные денежные книги Вологодского дома св. Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.
15. Куза А.А. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
16. Аверьянов К.А. Система третного управления Москвой в XIV–XV вв. // Московская власть. Управление Москвой в XII–XVII вв. Историко-биографический справочник. М., 2010.

М.А. Мацук*

**Купечество города Усть-Сысольска по ревизии 1795 г.:
демографические аспекты****

Статья посвящена анализу демографических аспектов купечества города Усть-Сысольска, зафиксированных переписью (ревизией) 1795 г. Рассмотрены вопросы семейного состава, брачности, возрастных характеристик Устьсысольского купечества. Обращено внимание на половую структуру купеческого сословия нового уездного города Европейского Севера России конца XVIII в. Все затрагиваемые в статье сюжеты в столь полном виде рассматриваются впервые в историографии.

Ключевые слова: Коми край, город Усть-Сысольск, купечество, поло-возрастная структура, ревизия 1795 г.

M.A. Matsuk

**Merchants of the city of Ust-Sysolsk according to the revision of 1795:
demographic aspects**

The article is devoted to the analysis of the demographic aspects of the merchants of the city of Ust-Sysolsk, recorded by the census (revision) of 1795. The issues of family composition, marriage, age characteristics of Ust-Sysolsk's merchants are considered. Attention is drawn to the sexual structure of the merchant class of the new county town of the European North of Russia at the end of the 18th century. All the subjects covered in the article in such full form are considered for the first time in historiography.

Key words: Komi region, the city of Ust-Sysolsk, merchants, gender and age structure, revision of 1795

В 1780 году в рамках проводимой в России губернской реформы был создан Усть-Сысольский уезд и образован новый уездный город Усть-Сысольск – административный центр указанного уезда. Структура населения нового города была типичной для подобных уездных центров Европейского Севера России – территории бывшего черносотного Поморья, в котором не было помещичьего землевладения. Основная часть населения города была представлена мещанами. Незначительная по численности, но важная по финансово-экономическому значению для города, часть населения города относилась к купеческому сословию.

Полная демографическая характеристика Устьсысольского купечества зафиксирована переписью населения (ревизией) 1795 г. Ревизская сказка 1795 г. по городу Усть-Сысольску хранится в Национальном архиве Республики Коми в фонде «Переписной комиссии Устьсысольского уездного казначейства» [1]. Этот документ был представлен к печати М.А. Мацуком и В.В. Сморгунным и издан в научном журнале «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» [2].

Данные о купечестве расположены в начале ревизской сказки (л. 1–10 документа, с. 9–16 – публикации). По утвержденному стандарту в ревизской сказке записаны все члены семей купцов (сам глава семьи, жена, дети (при наличии)) с указанием возраста на момент составления переписи. Представленные в ревизской сказке сведения позволяют провести детальный анализ всех демографических аспектов состояния устьсысольского купечества, таких как поло-возрастная структура, брачность, семейный состав купеческого сословия города Усть-Сысольска на период проведения ревизии 1795 г. Данный анализ проводится впервые в историографии и может быть использован для сравнительных характеристик с аналогичными бизнес-сообществами других провинциальных уездных городов Европейского Севера России, что позволит создать обобщающую картину демографического состояния наиболее экономически активной части населения этого региона страны в конце XVIII в.

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, michailmatsuk@rambler.ru

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Всего в купеческом сословии во время ревизии 1795 г. числилось по подсчетам составителей сказки 110 чел. – 55 мужского пола и 55 женского пола. По сравнению с предыдущей переписью 1792 г. произошло увеличение численности купечества: мужского пола – на 19 чел. – с 36 до 55 и женского пола – на 23 чел. – с 32 до 55 чел. [2, с. 16]. Наши подсчеты показывают 109 чел.

В ревизской сказке 1795 г. зафиксировано 25 семей, записанных в Устьысыольское купечество: 1. Степана Григорьева сына Суханова; 2. Прасковьи Егоровой дочери Сухановой; 3. Марии Дмитриевой дочери Суханова; 4. Михаила Лукина сына Малыгина; 5. Ивана Трофимова сына Комлина; 6. Федора Михайлова сына Сидорова; 7. Артемия Мартынова сына Мартынова; 8. Ивана Артемьева сына Мартынова; 9. Василия Васильева сына Колегова; 10. Анны Петровой дочери Сухановой; 11. Василия Васильева сына Лыткина; 12. Михаила Захарова сына Забоева; 13. Кирилла Амвросимова сына Шешукова; 14. Дмитрия Осипова сына Лыткина; 15. Авдотьи Андреевой дочери Сухановой; 16. Петра Евсеева сына Цывилева; 17. Петра Прохорова сына Попова; 18. Алексея Львова сына Суханова; 19. Зиновии Алексеевой дочери Постникова; 20. Федора Григорьева сына Кузнецова; 21. Ивана Васильева сына Колегова; 22. Матвея Иванова сына Новоселова; 23. Ивана Демидова сына Габова; 24. Семена Афанасьева сына Латкина; и 25. Степана Максимова сына Латкина.

Рассмотрим демографические характеристики каждой семьи, отмечая ниже лишь номера семей в приведенном выше списке.

Семья № 1 на момент ревизии 1795 г. состояла из главы семьи, его жены и их шестерых детей: двух сыновей и четырех дочерей. Возраст родителей соответственно 32 и 30 лет. Возраст детей – от 2 лет до 13 лет. Из них – до 5 лет – 1; от 5 до 10 – 2; от 10 до 13 лет – 3. Жена главы семьи Степана Григорьева сына Суханова, вероятно, коми по национальности. Афанасия Игнатьева дочь по национальности, видимо, была русской. Она «взята в Яренской округе Ленской волости у крестьянина Игнатия Ярыгина» [2, с. 3]. То есть данная семья по национальному аспекту смешанная. В семье Степана Григорьева сына Суханова было еще два сына, умерших до составления ревизской сказки 1795 г. Брак Степана и Афанасии был заключен, когда им было, соответственно, не более 18 и 16 лет. В возрасте 17 лет Афанасья уже имела дочь одного месяца от роду. Всего она к 30 годам родила восемь детей (четыре мальчика и четыре девочки), из которых к моменту ревизии 1795 г. было живо шестеро детей.

Семья № 2 в 1795 г. состояла из одной престарелой вдовы 63 лет. Опять, как и в случае с семьей № 1, речь может идти о смешанном коми-русском браке. Петр Суханов женился на дочери Яренского купца Егора Тырина. У них было, как минимум, двое детей. Младшая дочь Любава была отдана замуж за устьысыольского мещанина. А их, вероятно, сын – Иван Петров сын Суханов отделился от родителей и жил своим домом [2, с. 3].

Семья № 3 возглавлялась вдовой Марией Дмитриевой дочери Сухановой. На момент проведения ревизии 1795 г. ей было 52 года. Ее муж Иван Петров сын Суханов умер в возрасте 44 лет. Иван Петров сын Суханов женился на Марии Дмитриевой дочери, которая к тому времени была вдовой. Причем она была на 5 лет старше своего мужа. У них было как минимум двое детей – сыновья Алексей и Ефим. В 1795 г. оба сына проживали с матерью. Ефим был холост, а Алексей был женат. Алексея женили еще при жизни его отца на дочери мещанина города Великий Устюг Степана Скрябина – Елисавете. Молодожены как супруги были отмечены уже при переписи 1782 г., когда Алексею было 16 лет, а его жене Елисавете – 18 лет. В данном случае мы опять встречаемся с фактами: а) межнационального брака и б) тем, что жена старше мужа [2, с. 9]. За 13 лет супружеской жизни у Алексея и Елисаветы детей не появилось.

Семья № 4 возглавлялась вдовой Авдотьей Павловой дочерью Малыгиной. Ей в 1795 г. было 45 лет. С ней жили два холостых сына Алексей и Василий, соответственно 23 и 21 года [2, с. 9–10].

Семья № 5 Ивана Трофимова сына Комлина 44 лет и его жены Натальи Евстафьевой дочери 41 года. Они имели трех детей – Ивана 17 лет, Артемия – 15 лет и Феклу – 8 лет. Наличие других детей не зафиксировано [2, с. 10].

Семья № 6 состояла из главы семьи Федора Михайлова сына Сидорова 37 лет, его жены Катерины Михайловой дочери 31 года и трех детей – Марфы 9 лет, Авдотьи – 6 лет и Михаила 4 лет [2, с. 11].

Семья № 7 состояла из одной вдовы Катерины Семеновы дочери Мартынова 69 лет. Ее муж Артемий Марьянов сын Мартынов умер в возрасте 57 лет. У них было, как минимум, двое детей: Василий и Мария. Василий записался в мещанство со своей семьей – женой и тремя детьми, Мария была выдана замуж [2, с. 11, 92].

Семья № 8 возглавлялась вдовой Прасковьей Прохоровой дочерью Мартынова 52 лет. Ее супруг Иван Артемьев сын Мартынов умер в возрасте 44 лет. Жена была старше своего мужа на 5 лет. В семье было две дочери Марфа и Анна. Обе были рождены в достаточно позднем возрасте: мать их родила соответственно в 35 и 38 лет. Ко времени проведения переписи 1795 г. Марфа уже была выдана замуж, в 17 лет или ранее, а Анна 14 лет проживала с матерью [2, с. 11].

Семья № 9 состояла из главы семьи Василия Васильева сына Колегова 55 лет, его жены Авдотьи Дмитриевой дочери 45 лет и трех детей Павла 20 лет, Филитцаты – 19 лет и Марья 10 лет. В семье был еще один

сын Григорий, который умер в возрасте трех лет. В данном случае мы опять имеем факт межнационального брака. Авдотья Дмитриева дочь была взята в замужество Яренской округи Наволоцкой волости у крестьянина Дмитрия Воронцова [2, с. 11, 12].

Семья № 10 возглавлялась вдовой Анной Петровой дочерью Сухановой 70 лет. С ней записан ее внук Афанасий 14 лет – сын ее умершего сына Ивана Суханова. В данном случае опять имеет место факт межнационального брака. Анна Петрова дочь была взята в замужество у яренского купца Петра Лаврентьева сына Антипина [2, с. 12].

Семья № 11 состояла из главы семьи Василия Васильева сына Лыткина 32 лет и его жены Марфы Ивановой дочери 25 лет. На момент проведения ревизии 1795 г. детей у супругов не было [2, с. 13].

Семья № 12 включала в себя главу семьи Михаила Захарова сына Забоева, 38 лет, его жену Авдотью Афанасьеву дочь 37 лет и детей Афонасия 15 лет, Ивана 7 лет, Авдотью 3 лет и Алексея 7 месяцев. То есть Авдотья Афонасьева дочь родила Авдотью и сына Алексея в достаточно зрелом возрасте [2, с. 14].

Семья № 13 возглавлялась Кириллом Амвросимовым сыном Шешуковым 60 лет. Его жена Анна Григорьева дочь была в 1795 г. в возрасте 58 лет. С супругами жили два женатых сына: Лазарь 38 лет и Степан 21 года. У Лазаря была жена Катерина Климентова дочь 28 лет и дочери Мария 10 лет и Клеопатра – 4 лет. У Степана была жена Ксения Савельева дочь. Ее возраст в документе не указан. У них была дочь Елена 3 лет [2, с. 14].

Семья № 14 состояла из главы семьи Дмитрия Осипова сына Лыткина 34 лет, его жены Катерины Григорьевы дочери 33 лет и их сына Василия 4 лет [2, с. 14].

Семья № 15 возглавлялась вдовой Авдотьей Андреевой дочерью Суханова 66 лет. С ней проживали два сына Андрей 32 лет, холостой и Афанасий 22 лет и дочь Федосья 32 лет. Афанасий был женат на Авдотье Михайловой дочери. В документе указан ее возраст – 13 лет. Однако эта запись находится в граде, относящейся к ревизии 1782 г. Возможно, Авдотье на самом деле было в 1795 г. уже 26 лет. Детей у Афанасия и Авдотьи на момент переписи 1795 г. не было [2, с. 13–14].

Семья № 16 состояла из главы семьи Петра Евсеева сына Цывилева 52 лет, его жены Марии Тимофеевой дочери 48 лет. С ними проживали трое сыновей: Илья 25 лет, Петр – 23 лет и Алексей – 21 года. Алексей был холост, а два его старших брата – женаты. Илья был женат на Пелагеи Афанасьевой дочери 29 лет (жена старше мужа на четыре года). Петр – на Степаниде Назаровой дочери 23 лет. У Ильи и Пелагеи была дочь Анна полугодом. У Петра и Степаниды – дочь Авдотья 2 месяцев [2, с. 14].

Семья № 17 состояла из Петра Прохорова сына Попова 37 лет и его жены Меланьи Степановой дочери 39 лет (жена старше мужа на два года). Петр женился на Мелании, которая была вдовой. Детей у супругов не было [2, с. 14].

Семья № 18 возглавлялась Алексеем Львовым сыном Сухановым 54 лет. Возраст его жены Ефросиньи Дорофеевой дочери в 1795 г. был 53 года. С ними проживали два сына Диомид – 17 лет и Дмитрий – 16 лет. Диомид был холост. Дмитрий имел жену Меланью Степанову дочь 16 лет. У молодых супругов в момент ревизии 1795 г. детей не было [2, с. 14].

Семья № 19 возглавлялась вдовой Зиновией Алексеевой дочерью Постникова 59 лет. С ней проживали ее дети Афанасий 31 года, Дмитрий – 30 лет, Василий – 25 лет, Любава – 22 лет и Ирина – 20 лет. Из них лишь Афанасий был женат. Его жена Зиновия Акилова дочь в 1795 г. была 32 лет. У них были дети Алексей семи лет и Парасковья – одного года [2, с. 14–15].

Семья № 20 возглавлялась вдовцом Федором Григорьевым сыном Кузнецовым 53 лет. С ним жили женатые сыновья Григорий 23 лет и Афанасий 21 года. У Григория была жена Степанида Петрова дочь 26 лет (на три года старше мужа), у Афанасия – Мария Егорова дочь 23 лет (на два года старше мужа). Детей у молодых пар не было [2, с. 15, 18].

Семья № 21 состояла из главы семьи Ивана Васильева сына Конегова 60 лет, его жены Татьяны Дементьевой дочери 58 лет и двух детей Марии 18 лет и Александра 17 лет. Тут тоже вероятен межнациональный брак. Татьяна была дочерью Яренского купца Дементия Лемзанова. Еще надо отметить, что указанные выше дети рождены Татьяной Дементьевой дочерью в достаточно позднем возрасте [2, с. 15].

Семья № 22 состояла из главы семьи Матвея Иванова сына Новоселова 43 лет, его жены Ксении Федоровой дочери – 25 лет и их сына Матвея – 5 лет. Обращает на себя внимание довольно большая разница в возрасте супругов. Возможно, что для Матвея Иванова сына этот брак был вторым [2, с. 15].

Семья № 23 состояла из главы семьи Ивана Демидова сына Габова 35 лет и его жены Парасковьи Петровой дочери 21 года. И тут бросается в глаза большая разница в возрасте супругов. На момент проведения ревизии 1795 г. детей у них не было [2, с. 15].

Семья № 24 состояла из главы семьи Семена Афанасьева сына Латкина 34 лет, его жены Устиньи Ивановой дочери 31 года и их детей: Ивана – 10 лет, Николая – 7 лет, Михаила – 4 лет и Григория – одного года. [2, с. 15–16].

Семья № 25 состояла из главы Степана Максимова сына Латкина 23 лет и его жены Александры Петровой дочери – 16 лет. Тут тоже возможен межнациональный брак: Александра являлась дочерью Яренского купца Петра Ивакина. Детей у молодой пары на время проведения ревизии 1795 г. не было [2, с. 16].

Приведенные данные показывают объективную картину демографического состояния купеческих семей города Усть-Сысольска в 1795 г.

Теперь рассмотрим цифровые показатели, отвлекаясь от конкретных семей.

Начнем с возрастных характеристик. По возрасту мы выделили следующие категории: до 3-х лет; от 3 до 10 лет; от 10 до 15 лет; от 15 до 30 лет; от 30 до 40 лет; от 40 до 50 лет; от 50 до 60 лет и старше (табл. 1). В одном случае возраст не указан.

Таблица 1

Возрастные категории купеческого сословия города Усть-Сысольска в 1795 г.

Пол	До 3 лет	От 3 до 10 л.	От 10 до 15 л.	От 15 до 30 л.	От 30 до 40 л.	От 40 до 50 л.	От 50 до 60 л.	От 60 л. и старше
Муж.	3	7	3	20	12	2	4	2
Жен.	3	8	6	15	9	4	6	4
Итого	6	15	9	35	21	6	10	6

Итак, в купеческом сословии присутствовали все выделенные нами возрастные категории. Самой старой представительнице купечества города Усть-Сысольска во время ревизии было 70 лет.

Соотношение более крупных блоков возрастных категорий выглядит так: дети до 15 лет, то есть до официального возраста начала вступления в брак, составляли 27, 78%; жители репродуктивного возраста – от 15 до 50 лет – 57,41%; население пострепродуктивного возраста – от 50 лет и старше – 14,81%.

Теперь рассмотрим состояние брачности представителей купеческого сословия города Усть-Сысольска по блокам репродуктивного и пострепродуктивного возрастов.

Таблица 2

Таблица показатели брачности купеческого сословия города Усть-Сысольска в 1795 г.

Состоят в браке					
Численность населения	От 15 до 30 л.	От 30 до 40 л.	От 40 до 50 л.	От 50 до 60 л.	От 60 л. и старше
Муж.	8	10	2	3	2
Жен.	11	8	3	3	0
Обоего пола	19	18	5	6	2
Вдовы, вдовцы					
Муж.	–	–	0	1	0
Жен.	–	–	1	3	4
Обоего пола	–	–	1	4	4
Не женаты, не замужем					
Муж.	12	2	–	–	–
Жен.	4	1	–	–	–
Обоего пола	16	3	–	–	–

Итак, в категории от 15 до 30 лет примерно поровну разделялись состоящие в браке и холостые (незамужние). В категории от 30 до 40 лет абсолютное большинство составляли мужчины и женщины, состоящие в браке.

В более старших возрастных категориях постепенно росла доля вдов (вдовцов) по сравнению с находящимися в браке.

Таким образом, анализ демографических показателей устьсысольского купечества 1795 г. демонстрирует, вероятно, обычную для провинциального города конца XVIII в. в России картину. Как мы отмечали, в начале данной статьи полученные сведения нуждаются в сравнительном анализе с аналогичными показателями как в плане географическом, с другими маленькими уездными городами России конца XVIII в. (ревизия 1795 г.), так и в плане хронологическом – с показателями по городу Усть-Сысольску за первую половину XIX в.

Источники и литература

1. ГУРК «Национальный архив Республики Коми». Ф. 343. Оп. 1. Д. 1.
2. Мацук М.А., Сморгун В.В. Ревизская сказка города Усть-Сысольска 1795 года // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 3 (39). С. 7–118.

С.Я. Суций*

Геодемографическая динамика населения приморских территорий Юга России в имперский период (середина XIX – начало XX в.)**

Целью данной статьи является анализ основных факторов и темпов демографической динамики приморских территорий Юга России во второй половине XIX – начале XX в. Исследование показало, что опережающий рост населения приморских территорий Дона, Кубани, Крыма и нижнего Поволжья оставался устойчивым трендом. Центральную роль в ускоренном росте населения приморских районов Крыма и кубанского Причерноморья с конца XIX – начала XX в. играет развитие курортного комплекса. Только на северном побережье (район Новороссийска) наряду с рекреацией этому росту способствовало развитие промышленности и транспортной инфраструктуры. В имперский период торговля и транспортировка грузов являлись основными факторами ускоренного роста населения на нижнем Дону, а также в нижнем Поволжье.

Ключевые слова: приморские территории, демографическая динамика, Юг России, сеть поселений, рекреационно-курортный комплекс, индустриализация и урбанизация, городская система

S.Y. Suschiy

Geodemographic dynamics of the population of coastal territories of the South of Russia in the imperial period (mid-19th – early 20th centuries)

The purpose of this article is to study the main factors and rates of demographic dynamics of coastline territories of the South of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. The research indicated that the outstripping population growth in the coastal territories of the Don, Kuban, Crimea and the lower Volga region remained a steady trend. The significant role in the accelerated population growth in the coastal regions of Crimea and the Kuban Black Sea region from the late XIX - early XX centuries has been played by the development of the resort complex. Only on the northern coast (Novorossiysk region) together with recreation sphere, this growth was assisted by the development of industry and transport infrastructure. During the imperial period, trade and transportation of goods were the main factors of accelerated population growth in the Lower Don, as well as in the lower Volga.

Key words: coastline territories, demographic dynamics, South of Russia, settlement network, Recreation and resort complex, industrialization and urbanization, city system

Береговая зона южных морей начала входить в состав Российского государства уже с середины XVI в., после присоединения Астраханского ханства. Однако выйдя к северному побережью Каспия, России приостановила свое движение в южном направлении почти на полтора столетия. Не привела к устойчивому расширению российских приморских территорий и последовавшая в петровский период активизация территориальной экспансии в Азовско-Черноморском и Каспийском бассейнах. Коренной перелом приходится на последнюю треть XVIII – первую половину XIX в., когда все побережье Азовского моря, северное и восточное Причерноморье, а также самая значительная часть береговой линии Каспийского моря оказываются в составе империи.

Необходимо учесть, что система расселения приморских территорий южных морей сложилась задолго до этого времени. Удобные для торговли и поселения берега притягивали к себе людей с глубокой древности, и на протяжении тысячелетий в пределах одного места могло сменять друг друга множество поселений, относящихся к различным народам и культурам. Эту «базовую» систему расселения использовало и Российское государство.

* Суций Сергей Яковлевич (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, улица Чехова, 41, e-mail: SS7707@mail.ru

** Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований: «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности» (№18-05-80043).

Плотность приморской поселенческой сети, формы и характер заселения, этнодемографическая структура местного населения, хозяйственная специализация и темпы его количественного роста зависели от множества факторов, в т.ч. от историко-культурной и социально-экономической специфики данных территорий в дороссийский период их развития; наличия условий для организации новых поселений, строительства портовых сооружений. Свою роль играли и уже сложившаяся система торговых коммуникаций, транспортная доступность конкретного берегового участка со стороны суши и т.д.

Особенности рельефа и ландшафта, климатические, погодно-метеорологические и гидрографические условия также входили в группу основных условий развития прибрежной поселенческой сети. Далеко не везде побережье оказалось удобным для создания даже сельских поселений, не говоря уже о городских центрах. Достаточно значительные участки побережья оставались незаселенными. Таким, в частности, оказалась значительная часть северо-восточного и восточного Приазовья, отдельные участки северо-восточного Причерноморья, почти все северное и северо-восточное побережье Каспийского моря.

В целом в территориальных пределах современного юга России береговая зона в середине XIX в., в силу различных причин, почти нигде не обладала плотной поселенческой сетью и значительной численностью населения.

Восточное Причерноморье, северо-восточное и восточное Приазовье

Береговая зона восточного Причерноморья была присоединена к России в 1829 году. Однако еще несколько десятилетий, пока продолжалась затяжная Кавказская война, данные территории не имели необходимых условий для заселения и хозяйственного освоения. Весьма неоднозначным в демографическом аспекте оказался и ее итог. После поражения в войне самая значительная часть черкесов предпочла эмиграцию в Османскую Порту, что сократило демографический потенциал восточного Причерноморья на математический порядок. Территории от Анапы до Сухума обезлюдели и требовали нового демографического освоения, занявшего немалое время.

Если заселение восточного Причерноморья в последней трети XIX в. **только начинается**, то поселенческая сеть приазовских территорий Дона и Кубанской области к этому времени уже в целом сложилась. При этом она в значительной степени ограничивалась Таганрогским заливом, становясь разреженной южнее Должанской косы. Характер побережья, занятого дельтой Кубани и обширными плавнями (лиманы и болота, поросшие надводной и подводной растительностью), не позволили создавать поселения в непосредственной близости от морских берегов. Не способствовали заселению и низкие, периодически затапливаемые песчаные косы побережья.

Однако, несмотря на дисперсный характер поселенческой сети северо-восточного и восточного Приазовья, именно на территориях, приближенных к морской акватории, в середине XIX в. располагаются крупнейшие центры Донского и Кубанского регионов. На Дону – это Таганрог и Ростов (табл. 1), которые до 1887 г. административно относились к Екатеринославской губернии, но экономически были связаны с областью Войска Донского.

Таблица 1

Динамика населения городских центров нижнего Подонья

Города	1811 г.	1840 г.	1867 г.	1897 г.	1914 г.
Азов	–	2,3	14	27,5	26,5
Таганрог	7,4	22,5	25	51	68,4
Ростов	4	9,0	39,1	120	172,3

Источники: [1–5].

В Кубанской области одним из эпицентров быстрого демографического и экономического роста в 1850–1860-е гг. становится приморский Ейск, стремительно увеличивающий в эти десятилетия свой торгово-экономический потенциал. Во второй половине 1860-х гг. по численности населения он превосходил столичный Екатеринодар в три с лишним раза. Сопоставим по размеру с административным центром Кубани в это время был и Темрюк, второй город восточного Приазовья (табл. 2).

Но завершение Кавказской войны существенным образом меняет систему сложившихся торговых связей. Уже в 1870-е гг. эпицентр морской торговли всего южнороссийского макрорегиона начинает смещаться из бассейна Азовского в Черное море, обладавшее более выгодным географическим расположением. Население Новороссийска, крупнейшего центра Черноморского округа Кубанской области, за 1873–1897 гг. выросло на порядок (с 1,62 тыс. до 16,9 тыс. чел.).

Ускоренные темпы демографического роста демонстрируют и другие центры восточного Причерноморья, число жителей которого в последней трети XIX в. увеличилось в несколько раз. Впрочем, и на рубеже XX в. размеры местного населения все еще были весьма незначительны (57,5 тыс. чел. в – 1897 г.), что от-

четливо фиксируется не только при сравнении демографического потенциала всей Черноморской губернии* с отдельными округами Кубанской области. Наиболее недонаселенной оставались южные территории восточного Причерноморья (Сочинский и Туапсинский уезды), в пределах которых в конце XIX в. на один кв. км приходилось всего 2–4 жителя – на порядок меньше, чем в большинстве округов Кубанской области (рис. 1).

Таблица 2

Динамика населения ведущих городских центров Кубанской области и Черноморской губернии

Города	1818 г.	1840 г.	1867 г.	1897 г.	1914 г.
<i>Кубанская область</i>					
Анапа	–	–	–	7	11,5***
Ейск	–	2,45*	28,1	35,4	54,8
Темрюк	–	–	7	14,7	17,6**
Екатеринодар	4,3	7,7	8,8	66	102,2
Армавир	–	1,4	3,8	18	44
Майков	–	–	–	34,2	52,3
<i>Черноморская губерния</i>					
Новороссийск	–	–	0,43	16,2	69
Сочи	–	–	–	1,35	9,4
Туапсе	–	–	–	1,39	10,4**

Источники: [1–5].

* 1849 г.

** 1910 г.

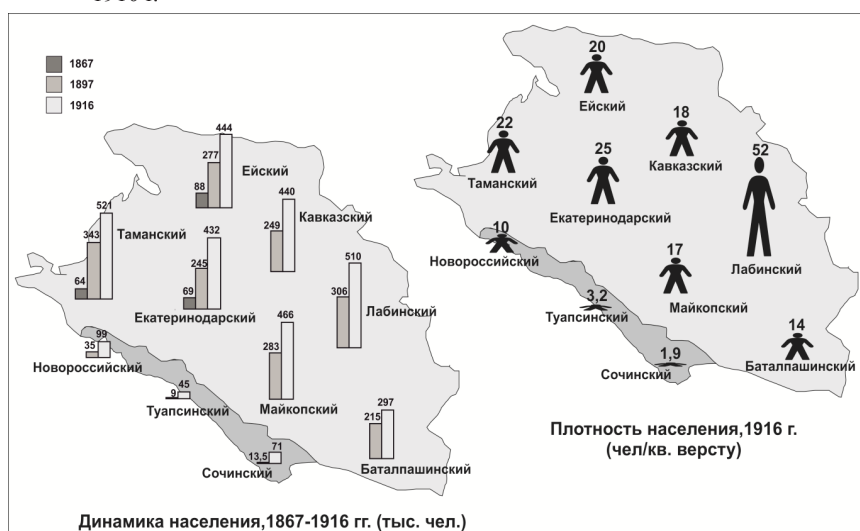

Рис. 1. Населения отделов Кубанской области и уездов Черноморской губернии

Источники: [4–6]

Геодемографические тренды развития приморских районов восточного Приазовья и Причерноморья, сложившиеся в последних десятилетиях XIX в., еще отчетливей проступают в начале XX в. В пределах нижнего Подонья продолжается опережающее социально-экономическое развитие Ростова. Динамично растет и приморский Таганрог. В целом поселенческая сеть северо-восточного Приазовья (несколько городских центров, сельские территории Таганрогского и Ростовского округов) заключала к 1917 г. почти треть всего населения Области Войска Донского**.

Расселенческая плотность в пре-

делах данной зоны достигала максимальной величины, составляя 55–65 чел./кв. км, сокращаясь с удалением от побережья (рис. 2).

Продолжался быстрый рост населения и восточного Причерноморья, составившего территорию Черноморской губернии, население которой в последние два десятилетия имперского периода выросло в 3,7 раза (с 57,5 тыс. до 215 тыс. чел.). Демографический потенциал сопредельной Кубанской области, также отличавшейся очень динамичным ростом, за это время увеличился только на 61% (что, впрочем, также превосходило общеимперский показатель).

Стремительный по своим темпам демографический рост Причерноморья во многом объяснялся все еще незначительным размером местного населения – даже ограниченный приток мигрантов мог заметно увеличивать его численность. Между тем быстрое развитие курортно-рекреационной сферы привлекает новых переселенцев. А расширение курортной инфраструктуры становится одним из локомотивов ускоренной

* Она была создана в мае 1896 г. путем преобразования в самостоятельную губернию Черноморского округа Кубанской области.

** В середине 1860-х гг. данный показатель составлял 28,3%, во второй половине 1890-х гг. – 30,5%. При том, что территория данных районов составляла менее 12% площади Области Войска Донского.

урбанизации приморских территорий. За два неполных десятилетия население Сочи и Туапсе вырастает более чем в 7 раз.

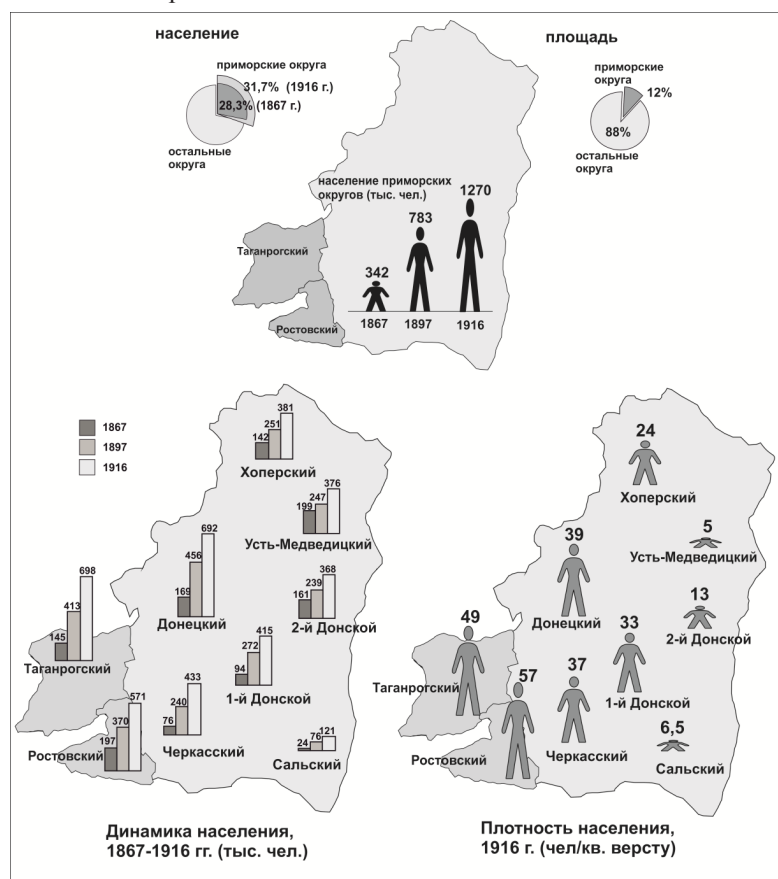

Рис. 2. Население округов области Войска Донского
Источники: [4-6]

населению приморского центра) – с 10 до 5–6 тыс. А в 1860–1861 гг. с территории Крыма эмигрировало в Османскую Порту более 150 тыс. крымских татар – 60% от общей их численности и 40% от всего населения полуострова.

Довоенную численность населения (345 тыс. чел.) Крыму удалось восстановить только спустя 20 лет, в последней трети XIX в., которая была связана с быстрым ростом населения, обусловленного как естественной динамикой, так и возросшим миграционным притоком. При этом приморские центры и территории демонстрировали более высокие темпы (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ведущих городов Крыма, 1811–1915 гг., тыс. чел.

Города	1811 г.	1840 г.	1867 г.	1897 г.	1914 г.
<i>Приморские центры</i>					
Евпатория	5,3	9,8	7,7	17,9	30,4
Керчь	1,5	8,2	19,3	33,3	53,0
Феодосия	1,5	4,7	9,9	24,1	32,6
Ялта	—	0,4	1,1	13,2	23,3
Севастополь	—	41,1	11,1	53,6	60,0
<i>«Внутренние» центры</i>					
Бахчисарай	8,9	12,4	11,4	13,0	15,5
Белогорск	6,8	12,1	14,4	12,9	17,1
Симферополь	2,5	12,8	17,8	49,1	71,7

Источники: [1–5].

Различались и причины демографического роста отдельных центров полуострова. Если быстрый рост Севастополя был связан с восстановлением его военно-стратегической роли, то стремительное развитие

На севере восточного Причерноморья, наряду с рекреацией (Анапа, Геленджик), основным драйвером роста городов становится промышленность – крупный индустриально-торговый узел формируется в районе Новороссийска. Появление серьезного конкурента самым непосредственным образом сказывается на демографической динамике приазовских городов Кубани. По темпам роста Ейск и Темрюк (в 1897–1914 гг. их население выросло соответственно на 55 и 20%) существенно уступали черноморским городам. Хотя первый из них все еще оставался вторым центром Кубанской области. При этом сельские районы восточного Приазовья в конце имперского периода демонстрировали демографический рост, характерный для большинства других территорий Кубанской области.

Крымский полуостров

В первой половине 1850-х гг. полуостров стал ареной крупной военной кампании, самым негативным образом отразившейся на размерах его населения. В результате войны число жителей Севастополя – крупнейшего центра полуострова – сократилось с 41 тыс. до 8–10 тыс., Евпатории (второго по

Ялты, население которой в последней трети XIX в. выросло в 12 раз, было связано с рекреацией. Южный берег Крыма (в первую очередь, его юго-западный участок от Фороса до Алушты) быстро превращается в курортную зону для привилегированных слоев империи, включая аристократию и непосредственно саму царскую семью. Поселенческая сеть западного (с центром в Евпатории) и юго-восточного (Судак, Феодосия) побережья полуострова с определенным отставанием относительно ялтинского участка также постепенно дополняет свою хозяйственную специализацию рекреационной деятельностью. Тогда как «внутренние» города полуострова, за исключением столичного Симферополя, демонстрируют очевидную экономическую (а с ней и демографическую) стагнацию.

Геодемографические тенденции последней трети XIX в. еще отчетливее проявились в начале XX в. За 1897–1915 гг. население Крыма выросло на 66% (с 547 до 907 тыс. чел.). Значительная часть южного побережья полуострова по-прежнему относилась к зоне опережающего демографического роста (рис. 3). Способствовало социально-экономической активизации прибрежных территорий и постепенное расширение курортной зоны, в которую в это время активно включаются территории между Судак и Феодосией. Быстро растет и торгово-промышленная Керчь, население которой перед 1917 г. уже превышало 50 тыс. чел.

В целом по уровню своего хозяйственного и демографического освоения и общему демографическому потенциалу побережье Крыма до самого конца имперского периода превосходило береговую зону кубанского Причерноморья, что было связано с наличием в пределах приморских территорий полуострова развитой городской сети, получившей развитие задолго до вхождения Крыма в состав России.

Северное и западное побережье Каспийского моря

Нижнее Поволжье. Поселенческой доминантой волжской дельты и всего северного Прикаспия с XIV в. являлась Астрахань, расположенная в 60–70 км от побережья в месте разделения Волги на многочисленные рукава. Данное место, позволяющее надежно контролировать волжско-каспийскую торговую сеть, сохранялось в качестве основного средоточия системы расселения нижнего Поволжья и в российский период.

Тем самым, помимо непосредственно береговой поселенческой сети, можно было выделить более обширную систему расселения, включающую удаленные от моря территории, но связанные с ней в своей социально-экономической деятельности и торговле. В конце 1860-х гг. на два приморских уезда (Астраханский и Красноярский) приходилось 21,9% жителей Астраханской губернии. К концу XIX в. этот показатель вырастает до 32,5%, свидетельствуя об опережающем демографическом развитии данных территорий.

Еще более ускорился рост населения нижнего Поволжья в начале XX в. Но распределялся по территории он уже более равномерно, и доля населения приморских районов Астраханской губернии к 1914 г. почти не изменилась по сравнению с началом столетия (33%).

При этом в системе расселения данного региона своим демографическим потенциалом по-прежнему выделялись два района. На севере Астраханской губернии – Царевский уезд, на юге – Астрахань с прилегающими сельскими территориями, включавшими помимо Астраханского земли сопредельного Красноярского уезда. За период 1897–1914 гг. население Астрахани выросло на 45% (со 113 до 164 тыс. чел.). А в общей сложности в двух приморских уездах губернии, занимавших около четверти ее территории, в середине 1910-х гг. проживало 438 тыс. жителей, почти 43% ее оседлого населения.

Дагестан. На протяжении древности и средневековья проживание и хозяйственная деятельность местных этнокультурных сообществ на приморских равнинах Дагестана были сопряжены с серьезными угрозами, предопределяя отток населения в горы. Включение региона в состав России позволило решить проблему безопасности. Но побережье и равнинные территории региона в последней трети XIX в. все еще оставались малопривлекательными для горских народов. Внутренние районы региона продолжают концентрировать

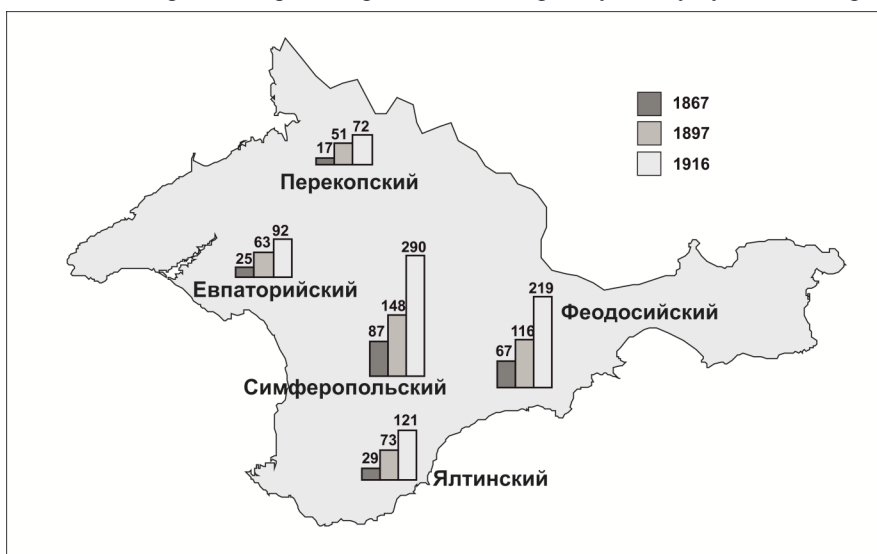

Рис. 3. Динамика населения крымских уездов Таврической губернии, 1867–1916, тыс. чел.

Источники: [4–6]

основную массу населения. Во второй половине 1860-х гг. его плотность в двух приморских округах (Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском) составляла 13-15 чел. на кв. версту, тогда как в Даргинском и Кюринском – соответственно 41,5 и 28, а в большинстве других горных округов Дагестана – 16–19 чел. на кв. версту (табл. 4).

Таблица 3

Динамика ведущих городов Крыма, 1811–1915 гг., тыс. чел.

Территории	Численность населения, тыс. чел.			Плотность: чел./кВ верста	
	1867 г.	1897 г.	1914 г.	1867 г.	1916 г.
Темир-Хан-Шуринский	66,8	97,4	118,5	13,4	15,0
Кайтаго-Табасаранский	42,1	91,0	83,9	15,3	28,9
Аварский	30,5	37,7	47	19,7	49,9
Андийский	35,8	49,6	56,7	16,9	18
Гунибский	46,6	55,9	72,9	12,8	18
Даргинский	63,9	80,9	92,4	41,5	60,5
Казикухумский	34,7	45,5	63,6	19,2	50
Кюринский	59	77,7	120	28,6	29,9
Самурский	51,2	35,6	86,9	16,7	17,5
Кизлярский	12,0	102,4	117,7	0,7	9,7

Источники: [4–6].

Крупнейшим центром дагестанского Прикаспия в последней трети XIX в. оставался Дербент. Но по темпам развития его уже значительно обгоняли новые города, возникшие в российский период. Среди них выделялись еще один приморский центр Петровск (Махачкала) и административная столица Дагестана – Темир-Хан-Шура (Буйнакск).

Сохранились основные черты сложившейся в дороссийский период системы расселения Дагестана и в начале XX в. Большинство его горных районов в это время демонстрировало более быстрый рост населения, чем приморские территории. Демографический потенциал Темир-Хан-Шуринского округа в 1897–1914 гг. вырос на 21,7%, а Кайтаго-Табасаранского – даже несколько сократился. При том, что в большинстве горных округов области данный рост составил 25–40%. Таким образом, несмотря на быстрое распространение трудового отходничества, основная масса горцев по-прежнему предпочитали жизнь в традиционных для себя местах обитания. И массовый спуск горцев на равнину, активное хозяйственное и демографическое освоение ими приморских территорий западного Прикаспия начались только в советский период развития Дагестана.

Итак, социально-экономические реформы последней трети XIX – начала XX в. существенно активизировали рост населения приморских территорий на большей части Юга России. Наиболее очевидным был этот опережающий демографический рост в пределах приазовских районов Области Войска Донского, южного берега Крыма Таврической губернии и практически на всей территории Черноморской губернии (восточное Причерноморье).

При этом максимальное ускорение в своем развитии получили крупные приморские промышленные и торгово-транспортные центры, ключевые транспортные развязки в Азово-Черноморском и Каспийском субрегионах юга России (Ростов, Таганрог, Астрахань, Керчь, Ейск, Новороссийск), а также ряд рекреационных городов крымского Причерноморья (Ялта, Феодосия, Евпатория).

Источники и литература

Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819.

Города в России. СПб., 1914.

Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.

Статистический временник Российской империи. Выпуск первый. СПб., 1871.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., 1897 // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg (дата обращения: 07.08.2019).

Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918.

Д.В. Вишнякова*

Брачное состояние сельского населения Европейского Северо-Востока России (по материалам Переписи 1897 г.)

В статье на основании материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи рассматривается брачная структура сельского населения Европейского Северо-Востока России. Выявляются половозрастные различия брачного состояния.

Ключевые слова: Европейский Северо-Восток России, Первая всеобщая перепись населения, брачная структура, сельское население

D.V. Vishnyakova

Marital status of the rural population of the European North-East of Russia (based on the census of 1897 yr.)

The article considers the marriage structure of the rural population of the European North-East of Russia on the basis of the materials of the First General census of the Russian Empire. Age and sex differences of marriage state are revealed.

Key words: European North-East of Russia, First General population census, marriage structure, rural population

Анализ брачной структуры является важным элементом изучения воспроизводства населения. Распределение населения по брачному состоянию отражает динамику таких демографических процессов, как брачность, рождаемость, смертность, миграции и позволяет прогнозировать их возможные изменения в будущем. Изучение брачного состава населения в конце XIX – начале XX в., когда в России происходили значительные экономические, социальные и демографические изменения, связанные с процессом модернизации общества, представляется нам необходимым для рассмотрения общей демографической картины, так как брачная структура лежит в основе формирования численности и организации домохозяйств, оказывает существенное воздействие на ряд демографических процессов.

Семейное состояние населения Российской империи по данным переписи 1897 г. было проанализировано в работе М.С. Тольца, им были рассмотрены во всероссийском масштабе доля и численность лиц состоящих и не состоящих в браке, вдовых и разведенных, построены таблицы брачности и таблицы овдовения [1]. Распределение населения по брачному статусу в различных губерниях и уездах страны могло существенно отличаться от среднероссийских показателей в силу региональной, конфессиональной и национальной специфики. Данная проблематика нуждается в дальнейшем исследовании. Результаты отдельных работ показывают, что брачная структура населения в регионах соответствовала традиционному типу, тем не менее выявляются особенности в брачном состоянии населения [2, 3, 4, 5]. В предлагаемой статье рассматривается брачная структура сельского населения Европейского Северо-Востока России в конце XIX в. К изучаемой территории были отнесены Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, а также Печорский уезд Архангельской губернии. Источником, содержащим наиболее полную информацию по описываемой проблеме, послужила первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [6]. В работах автора представленной статьи ранее были освещены вопросы брачной структуры жителей г. Усть-Сысольска и населения Европейского Северо-Востока России в конце XIX в. в целом [7, 8]. В данном исследовании более подробно рассматривается брачное состояние сельских жителей по отдельным уездам, проводится сравнительный анализ брачной структуры населения различных районов изучаемого региона.

Среди демографических факторов, влиявших на брачность населения, рассматриваются динамика численности населения, его половозрастная структура, национальный состав. По данным Переписи 1897 г., в Усть-Сысольском уезде (без города) численность постоянного населения составляла 81 985 чел. (36 581 муж.

* Вишнякова Дарья Викторовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая 26, vishnyakova_dari@mail.ru

и 45 404 жен.), временного – 3 391 чел. (2 396 муж. и 995 жен.). В Яренском уезде (без города) насчитывалось постоянного населения 44 089 чел. (20 668 муж. и 23 421 жен.), временного – 750 чел. (463 муж. и 287 жен.), в Печорском – 33 893 чел. (16 150 муж. и 17 743 жен.) и 1099 чел. (603 муж. и 496 жен.) соответственно. В составе жителей исследуемой территории преобладало коми население, его удельный вес занимал около 79%. Также проживали представители русского и ненецкого этносов, на долю которых приходилось соответственно 18 и 2-3% от общей численности жителей трех уездов.

Независимо от вида и формы брака различают: не состоящих в браке и состоящих в браке. В условиях моногамного брака не состоящие в браке делятся на: никогда не состоявших в браке, вдовых и разведённых [9]. Как показывает рис. 1. преобладающая доля населения Европейского Северо-Востока России в конце XIX в. состояла в браке. В сельской местности удельный вес этой категории населения был заметно выше, чем в городской. Доля вдовых среди сельских жителей была не намного, но ниже, чем среди городских. Показатели категории никогда не состоявших в браке среди городского населения были более высокими.

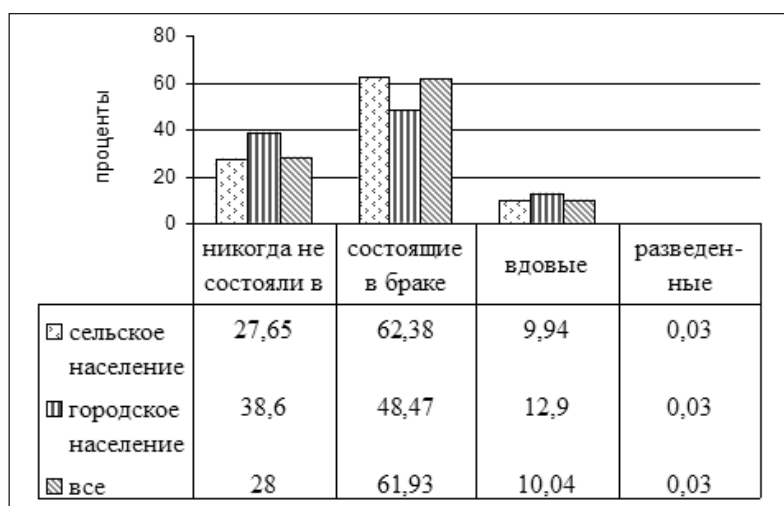

Рис. 1. Распределение населения Европейского Северо-Востока России по брачному состоянию, 1897 г.

Как правило, распределение по брачному состоянию комбинируют с группировками по полу и возрасту, получая брачную структуру как всего населения, так и населения разного пола и возраста. Каждая половозрастная группа населения подразделяется по категориям брачного состояния, определяется удельный вес той или иной категории в составе половозрастной группы. По законодательству того времени вступление в брак допускалось по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей – в 18 лет [10]. Однако если до необходимого возраста оставалось менее полугода, то с разрешения местных церковных властей брак все же мог быть заключен. На основании материалов используемого источника, были выделены следующие возрастные группы: 15–16 лет, 17–19, 20–29 года, далее десятилетние возрастные группы до группы 50–59 лет, затем открытый интервал «60 лет и старше».

Распределение сельского населения изучаемой территории по брачному состоянию по уездам (по данным Первой переписи 1897 г.) показано в табл. 1, 2, 3.

Таблица 1

Распределение сельского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 г. (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
Все нас. 15 лет и старше	274	668	58	0	254	616	130	0
В том числе в возрасте:								
15–16	1000	0	0	0	994	5	0	0
17–19	945	55	0	0	812	187	1	0
20–29	388	609	3	0	251	735	14	0

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
30–39	53	939	8	0	70	878	51	0
40–49	36	931	32	0	60	791	148	0
50–59	33	885	82	0	75	651	273	0
60 лет и более	31	652	316	0	68	358	572	0

Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 7. Вологодская губерния. Тетр. 2. табл. V. СПб., 1904.

Как показывают данные табл. 1, 2, 3, в целом по трем исследуемым уездам в сельской местности в младших бракоспособных возрастах до 20 лет существенно преобладали лица, никогда не состоявшие в браке, что являлось следствием сложившегося в Коми крае довольно зрелого брачного возраста. После 20 лет удельный вес этой категории снижался, причем среди женщин более резко, чем среди мужчин. В средних возрастах увеличивалась доля состоящих в браке. Исходя из представленных данных, можно отметить раннюю тенденцию повышения числа вдовых. Доля вдовых начинала расти среди женщин уже с возраста 30–39 лет, с наиболее резким скачком в возрасте от 50 лет, увеличиваясь в последующей возрастной группе. Среди мужчин число вдовых росло незначительно, скачок этой категории лиц наблюдался в возрастной группе от 60 лет и старше.

Таблица 2

Распределение сельского населения Яренского уезда Вологодской губернии по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 г. (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
Все нас. 15 лет и старше	320	630	50	0	268	581	151	0
В том числе в возрасте:								
15–16	999	1	0	0	999	1	0	0
17–19	964	35	0	0	853	147	0	0
20–29	534	465	1	0	287	693	20	0
30–39	73	917	10	0	66	862	72	0
40–49	34	943	23	0	74	750	175	0
50–59	37	893	70	0	90	594	316	0
60 лет и более	29	659	312	0	81	306	608	0

Составлено и подсчитано по: см. табл. 1.

Распределение по семейному положению имело свои отличия в каждом отдельно взятом уезде. Доля лиц, никогда не состоящих в браке, среди женщин по Печорскому уезду в возрастной категории 17–19 лет была меньше, чем в других уездах. В связи с более ранним вступлением в брак на данной территории. Среди мужчин доля лиц, никогда не состоящих в браке, заметно снижалась в возрасте 20–29 лет. Среди всех уездов по Яренскому уезду доля лиц данной категории в возрасте 20–29 лет была заметна выше. По нашим расчетам удельный вес лиц, никогда не состоящих в браке, к возрасту 40–49 лет по Усть-Сысольскому уезду составлял у мужчин 4%, у женщин – 6%, по Яренскому – 3 и 7% соответственно, по Печорскому – 5 и 7% соответственно. По Европейской России среди сельского населения 3% мужчин и 4% женщин, достигших возраста 40–49 лет, оставались вне брака [11]. Таким образом, уровень окончательного безбрачия среди женщин сельской местности изучаемой территории был несколько выше, нежели среди женского сельского населения Европейской России в целом.

Таблица 3

Распределение населения Печорского уезда Архангельской губернии по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 г. (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
Все нас. 15 лет и старше	307,5	651	41	0,5	270	585	144	1
В том числе в возрасте:								
15–16	1000	0	0	0	986	14	0	0
17–19	962	38	0	0	781	217	2	0
20–29	397	598	5	0	228	749	23	0
30–39	92	893	14	0,5	93	829	77	1
40–49	48	929	22	1	74	772	151	3
50–59	53	867	78	2	93	647	259	1
60 лет и более	38	751	210	0	106	328	563	3

Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.1. Архангельская губерния. Тетр. 3. Табл. V. СПб., 1904.

Максимальное число состоящих в браке приходилось по Усть-Сысольскому уезду у мужчин на возрастной интервал 30–39 и 40–49 лет, у женщин – на интервал 30–39 лет, по Яренскому уезду у мужчин – на возрастную группу 40–49 лет, у женщин – 30–39 лет, по Печорскому – у мужчин на интервал 40–49 лет, у женщин – 30–39 лет.

Среди лиц, состоящих в браке, обращает на себя внимание большая разница между количеством женатых и замужних. В сельской местности состоящих в браке по Усть-Сысольскому уезду насчитывалось 13 894 муж. и 16 782 жен., по Яренскому уезду – 7 674 муж. и 8 219 жен., по Печорскому – 6 507 и 6 653 соответственно. Наибольшая разница в количестве состоящих в браке среди мужского и женского населения отмечена в Усть-Сысольском уезде. Так, число замужних в этом уезде превышало число женатых на 21%, по Яренскому – на 7%, по Печорскому – на 2%. Такое различие по уездам в состоянии в браке лиц мужского и женского пола в достаточной степени может быть объяснено процессами оттока мужского трудоспособного населения в другие регионы. Так как перепись учитывала имеющееся наличное население, то часть женатых мужчин, занимающаяся отходничеством, соответственно не учитывалась. В наибольшей степени отход был характерен именно для Усть-Сысольского уезда, что объясняет такую значительную между мужчинами и женщинами разницу в числе лиц, состоящих в браке.

Удельный вес вдов по всем уездам повышался примерно одинаково. В возрасте от 60 лет наименьшая доля вдовцов была зафиксирована в Печорском уезде. Доля вдов среди всех женщин была более чем в два с половиной раза выше, чем среди мужчин. Более высокий уровень мужской смертности и более частое вступление в повторный брак вдовцов обуславливали значительный удельный вес вдовых женщин, увеличивавшийся с возрастной группы 20–29 до группы старше 60 лет. Наибольший удельный вес вдовых был зафиксирован в Яренском уезде.

Исходя из долей населения с тем или иным брачным статусом по возрастным группам, может быть рассчитано среднее число лет жизни в каждом брачном состоянии. Этот показатель дает представление о том, сколько лет в среднем один человек проживает в том или ином брачном статусе на протяжении всей жизни (или в определенном возрастном периоде) при существующем брачном составе населения. По данным переписи населения 1897 г. по Европейскому Северо-Востоку России среднее число лет жизни в браке (в возрастном периоде от 15 до 59 лет) составляло у сельского населения 28 лет у женщин и 29,2 лет у мужчин. Средняя продолжительность пребывания во вдовстве у жителей сельской местности равнялась 3,7 годам у женщин и 0,8 – у мужчин. По Европейской России в целом среднее число лет пребывания в браке в аналогичном возрастном интервале у женщин составляло 31,6 год, у мужчин – 32,9 года [12].

На текущем состоянии распределения населения по брачному статусу отражаются как социо-культурные нормы матримониального поведения, так и ситуация на «брачном рынке», в частности, соотношение численности полов в тех или иных категориях брачного состояния и брачного возраста.

**Соотношение численности полов по возрастным группам сельского населения
Европейского Северо-Востока России, 1897 г.**

Уезд	Возраст	Численность женщин на 100 мужчин в возрастных группах			
		15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет
Усть-Сысольский		132	154	132	122
Яренский		113	125	114	111
Печорский		118	115	108	105

Составлено и подсчитано по: см. табл. 1, 3.

Как показывают материалы таб. 4, соотношение мужчин и женщин у коми складывалось неблагоприятно, наблюдался дисбаланс полов. Половозрастные диспропорции в сельской местности в связи с оттоком молодых мужчин для устройства на работу в другие поселения проявлялись уже с возрастной группы 15–19 лет, усугубляясь в возрасте 20–29 лет. В различных районах рассматриваемой территории соотношения между мужчинами и женщинами в бракоспособном возрасте отличались. Наибольшая разница в численности полов в сторону превалирования женского населения была характерна для Усть-Сысольского уезда. Таким образом, в основных брачных возрастах наблюдался определенный дисбаланс полов в сторону превалирования женского населения, ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна, как для женихов.

В рассматриваемый период брачное состояние сельского населения Европейского Северо-Востока России характеризовалось наличием региональных особенностей. Среди них – более высокая степень окончательного безбрачия у женщин, наличие значительного удельного веса вдов в общей брачной структуре, более низкие на общероссийском фоне показатели средней продолжительности пребывания в браке. Среди факторов, влиявших на складывание брачной структуры сельского населения, можно отметить относительно высокий брачный возраст, отсутствие устойчивых традиций браков между вдовыми, выраженный дефицит мужского населения в ряде районов в основных брачных возрастах, связанный с оттоком в другие регионы.

Источники и литература

1. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. ст. / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 138–153.
2. Барашкова А.С. Эволюция брачности якутов (конец XIX – начало XXI века) // Историческая демография. 2015. № 1 (15). С. 33–37.
3. Зверев В.А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4. С. 63–70.
4. Оконова Л.В. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению семейного состояния калмыцкой степи Астраханской губернии // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 18–22.
5. Шаламова С.А. Специфика семейного положения молодежи губернских и областных центров восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам переписи 1897г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск, 2011. С. 377–380.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 1. Архангельская губерния. Тетр. 1, 3. СПб., 1899, 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 7. Вологодская губерния. Тетр. 1, 2. СПб., 1901, 1904.
7. Вишнякова Д.В. Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) // Историческая демография. 2015, № 1(15).
8. Вишнякова Д.В. Брачная структура населения европейского Северо-Востока России в конце XIX в. // Демографическая история России и регионов. Межрегиональный научный сборник. Сыктывкар, 2018. Вып. 2: Динамика численности городского и сельского населения России.
9. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5. Отд. 1. N 3807; Свод законов гражданских. СПб., 1909. Ч. 1. Ст. 3.
11. Тольц М.С. Указ. соч. С. 140.
12. Там же. С. 151.

А.Ш. Хашба*

**Некоторые аспекты формирования населения Абхазской АССР
(конец XIX – начало XX в.)**

В статье анализируются сокращение и численный рост, этнодемографическая динамика населения и ареалы его расселения в конце XIX – начале XX в. Исследуется соотношение коренного населения абхазов к другим этническим группам, проживающим в Абхазии.

Ключевые слова: Абхазия, перепись населения, депортация, численность, этнодемографическая динамика

A.Sh. Khashba

**Some aspects of the formation of the population of the Abkhazian ASSR
(late XIX – early XX centuries)**

The article analyzes the reduction and numerical growth, ethnodemographic dynamic of the population and the areas of its settlement in the late XIX-early XX centuries. The ratio of the indigenous population of Abkhazia to other ethnic groups living in Abkhazia is studied.

Key words: Abkhazia, census of population, deportation, population, ethno-demographic dynamic

Рассматривая население Абхазской АССР, невозможно не обратить внимание на те процессы, которые происходили на территории современной Абхазии в XIX в. и которые повлияли на ее численный и этнический состав.

Изучению данной проблематики посвятили свои работы известные абхазоведы: Г.А. Дзидзария, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, Т.А. Ачугба, Р.Х. Агуажба, Л.И. Цвижба, Ю.Г. Аргун. В ходе исследования использовались результаты работ вышеуказанных ученых, а также архивные и статистические материалы, которые позволили воссоздать примерную демографическую картину того времени.

Численный и национальный состав населения Абхазии в XIX в.

Основная область расселения абхазов в начале XIX в. называлась Большой Абхазией. Жители Большой Абхазии, в свою очередь, подразделялись на следующие территориальные группы: *бзыбцы* (отчасти нынешний Гудаутский район), *гумцы и абжаквинцы* (Сухумский район), *гулрипишцы, абжуйцы* (Гулрипшский и Очамчирский районы) и *самурзаканцы* (Галский район). В горной части Большой Абхазии проживали полу-независимые от владетельской власти племена *цабальцев* (цебельдинцев), *дальцев* и *псхувцев*. Общее число жителей Большой Абхазии, по приблизительным данным 30-х гг. XIX в., составляло около 80 тыс. чел. [1]. Согласно Ф.Ф. Торнау, в пределах современной Абхазии насчитывалось около 100,0 тыс. абхазов, а общее число абхазов и абазин достигало до 128,8 тыс. чел. [2]. Согласно перечневой ведомости о числе деревень и дворов в Абхазии в первой половине XIX в. насчитывалось 8 720 [3]. Приведенные численные данные населения Абхазии в первой половине XIX в. весьма противоречивы, так как точные статистические сведения отсутствуют. Многочисленные архивные источники и литературные данные свидетельствуют о том, что коренным населением Абхазии являлись абхазы [4]. Дюбуа де Монпере, который находился в Абхазии в 1833 г., в своей книге сообщает, что «в состав Абхазии входили пять абхазских этно-территориальных групп, а именно бзыбцы, которые занимали территорию от Гагры до Анакопии, численностью 18 700 чел.; гумцы и абжаквинцы, чьи поселения располагались между Анакопией и р. Келасури, проживали 8 100 чел.; цебельдинцы, которые заселяли горную долину р. Кодор, насчитывали 15 000 чел., и абжуйцы, проживавшие между реками Галидзга и Кодор, достигали до 10 500 чел.» [5]. Таким образом, все население Абхазии состояло из 52 300 чел. Пятую этно-территориальную группу – самурзакан – не присоединили к абхазам, так как этот район в то время находился под властью князя Мегрелии.

* **Хашба Астанда Шалвовна** (Сухум) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований. 3849000, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44 astanda13@rambler.ru

В Абхазии в первой половине XIX в. господствовали натурально-хозяйственные отношения. После присоединения края к России в его экономической жизни происходили сдвиги. Они влияли на расширение роли и значения населенных пунктов Абхазии. Однако проводимая колониальная политика российского царизма и провокационные акции правительства султанской Турции положили начало насильственной массовой депортации абхазов в Турцию. Основные этапы переселенческой волны пришлось на 1864, 1866–1867, 1877–1878 гг. Как известно, первая крупная волна изгнания коренного этноса связана с окончанием Кавказской войны (1864 г.), вторая волна – с Лыхненским восстанием 1866 г., третья – с Русско-турецкой войной (1877–1878 гг.). Точных подсчетов численности населения в крае и изгнанного населения никто не вел. Г.П. Лежава в своей работе приводит данные, которые были опубликованы в книге «Распределение населения в Кавказском наместничестве», в которой утверждалось, что численность населения доходило до 95 910 чел. [6]. Так в 1860-х гг. происходит резкое сокращение населения. Г.А. Дзидзария приводит такие сведения о численности населения Абхазии: к январю 1866 г. в пределах бывшего Сухумского военного отдела проживало 79 190 чел. Население по округам распределялось следующим образом: Сухумский – 16 475 чел., Бзыбский – 20 090 чел., Абживский – 32 182 чел., приставство Цебельдинское – 1 044 чел. [7]. В работе Л.И. Цвижба дополняется численность населения Абхазии по округам за 1867 год (Драндский округ – 16 505 чел. (25,4 %); Окумский округ – 21 858 чел. (33,7%); Пицундский округ – 26 483 чел. (4,08%); Цебельдинский округ – 87 чел. (1,1%)) [8]. Общая численность населения к 1867 г. составляла 64 933 чел. В последующие годы число проживающих в крае динамично возрастает. К маю 1867 г. количество населения, вследствие колонизации края, проводимой царским правительством, увеличивается до 66 800 чел. Так, на 1 января 1875 г. численность населения составляла 73 468 чел. [9], а к январю 1876 г. достигла 78 785 чел. [10], т.е., по сравнению с 1867 г. она увеличилась на 11 985 чел. Такой рост численности населения происходил не за счет естественного прироста, а за счет широкой колонизации края, проводимой царизмом.

Следует отметить, что в результате изгнания коренного населения почти совершенно опустели современные Гагрский, Сухумский, Гудаутский, Очамчирский и Гулрыпшский районы. Только Галский район оказался почти нетронутым, так как район прочно защищали русские войска.

Опустевшие земли абхазов раздавали всем желающим. На «очищенные» земли массово и стихийно заселялись переселенцы из глубин российских губерний, Западной Грузии – мегрелы, из азиатской Турции – армяне, греки, турки и др. Пришлые народы давали свои названия здешним местностям: Анастасьевское, Бамбора, Баклановское, Михайловское, Николаевское, Полтавское, Эстонское, Георгиевское, Ольгинское, Сергиевское, Марьинское, Павловское и др. Мигранты стремились осесть в тех местах, где имелись привычные для них природные условия. Это относится особенно к сельским жителям, которые испытывают влияние природной среды в процессе производства и выработки определенных трудовых навыков, используемых ими в новых ареалах поселения.

Абхазы всячески старались эмигрировать на родину. Выселялись абхазы в Турцию «административным порядком» с «лишением права возвращаться обратно» [11]. Говоря о возвращении абхазов на родину, Ю.Г. Аргун приводит резолюцию Александра II: «О возвращении и речи быть не может» [12]. «Им запретили селиться в междуречье рек Кодора, Аапста и в окрестностях Сухума. Такое распоряжение приняло правительство с той целью, чтобы вблизи Сухума заселить более надежных для государства людей...» [13]. Тем не менее изгнанные абхазы по возвращению на родину стремились попасть на прежние места своего жительства, но им запрещено было селиться. Они оседали в худшие места, где вынуждены были начинать жить с самого начала. Так, к 1 января 1881 г. вернулось 13 258 абхазов, что составляло 21% всего населения края [14]. В начале 1883 г. население Абхазии насчитывало 64 189 чел. [15]. Несмотря на происходившие процессы эмиграции абхазов, программа переселения продолжалась усиленными темпами, что привело к уменьшению численности коренного населения и к увеличению численности переселенцев, где общее число жителей округа составило к 1886 г. – 67 834 чел. Л.И. Цвижба приводит численность абхазов и других этнических групп в 1886 г. по участкам. В Гумистинском участке по 32-м населенным пунктам (далее – н.п.) общее число жителей составляло 6597 чел., из них абхазы – 391 чел., русские – 606 чел., мегрелы – 2 277 чел., прочие народы – 3 323 чел.; в Гудаутском участке в 16 н.п. общее число жителей составляло – 14 887 чел., из них абхазы – 13 404 чел., русские – 361 чел., мегрелы – 31 чел., прочие народы – 1 081 чел.; в Кодорском участке в 33 н.п. общее число жителей составляло 15 821 чел., из них абхазы – 15 633 чел., мегрелы – 172 чел., прочие народы – 16 чел.; в Самурзаканском участке при 65 н.п. общее число жителей составляло 30 529 чел., из них мегрелы – 984 чел., самурзаканцы – 29 520 чел., русские – 4 чел., прочие народности – 21 чел. К прочим народам, населявшим Абхазию в 1886 г., относились греки (2 056 чел.), эстонцы (637 чел.), армяне (1 037 чел.), немцы (245 чел.), молдаване (148 чел.), болгары (95 чел.), малороссы (126 чел.), грузины (62 чел.), черкесы (16 чел.), латыши (9 чел.), поляки (4 чел.), евреи (4 чел.) [16]. Тем самым этнический состав населения Абхазии в конце XIX в. значительно изменился и стал полиэтническим, и увеличение общей численности населения происходило не

естественным путем, а механически, за счет пришлого населения. Наравне с ростом численности сельского населения росло и городское население, происходило это благодаря развитию торговли и промышленности. В 1850 г. Сухум представлял собой небольшое городское поселение. Немногочисленное городское население было представлено в основном мегрелами, торговавшими в Сухуме. К 1886 г. число жителей Сухума увеличилось до 1 279 чел. [17], а в 1897 г. до 7 998 чел. (5 582 муж. и 2 416 жен.). По Сухумскому округу на 100 мужчин приходилось 81,0 женщин и 43,3 по г. Сухум [18].

В 1897 г. была проведена Всеобщая перепись населения Российской империи. В переписи впервые были учтены такие вопросы, как абсолютное количество населения с распределением по вероисповеданиям, условиям, полу и возрасту, а также семейному положению. Были получены данные о грамотности населения, количестве и размерах хозяйств, подробные материалы по половозрастному и семейному распределению населения и т.д.

Наиболее достоверная информация о численности абхазов и всего населения Абхазии в конце XIX в. была отражена в материалах первой Всеобщей переписи Российской империи 1897 г. В таблице «Состав наличного населения обоего пола» приводятся данные, характеризующие дифференциацию населения по месту жительства (табл. 1).

Таблица 1

Состав наличного населения обоего пола на 1897 г.

Уезды, округа и города в них	Всего оба пола	По месту рождения			
		Местные	Других уездов Кутаисской губернии	Других губерний	Других государств
Сухумский округ	106 179 100%	75 278 70,9%	16 528 15,6%	6 416 6,0%	7 957 7,5%
г. Сухуми	7 998 100%	1 831 22,9%	3 063 36,3%	1 723 21,5%	1 381 17,3%

Составлено и рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XVI, 1905 г. С. 2.

Анализируя данные таблицы, следует отметить, что местное население из общего числа населения округа составляло 70,9%, тогда как все переселенцы составляли 29,1%.

Иноподданных по Сухумскому округу было учтено – 9 671 чел. (6 445 муж. и 3 226 жен.). Основная часть иностранцев представлены турецкими подданными – 9 349 чел. (96,6%). Представители других иноподданных представлены следующим образом: из Персии – 191 чел. (1,9%), Австро-Венгрии – 52 чел. (0,5%), Германии – 31 чел. (0,3%), Греции – 20 чел. (0,2%), Франции – 9 чел. (0,09%), Болгарии – 6 чел. (0,06%), Великобритании – 6 чел. (0,06%), Дании – 6 чел. (0,06%), Сербии – 3 чел. (0,03%), Швеции – 1 чел. (0,01%), Румынии – 1 чел. (0,01%) [19]. Необходимо отметить, что на момент переписи в качестве временно прибывших были учтены по Сухумскому округу – 3 204 чел., г. Сухум – 434 чел. [20]. Можно предположить, что временные жители являлись сезонными рабочими, которые были заняты в основном на табачных плантациях. Показатели проведенной первой Всероссийской переписи населения 1897 г. больше отражают данные о родном языке, нежели об этническом составе населения края. По Сухумскому округу абхазский язык признали родным 58 697 чел. (55,3%), картвельские языки – 25 873 чел. (24,4%), (из них мегрельский – 23 810 чел. (22,4%), сванский – 92 чел. (0,1%), имеретинский – 141 чел. (0,1%), аджарский – 1 830 чел. (1,7%)), русский язык – 6 011 чел. (5,7%), индо-европейские языки – 12 146 чел. (11,4%), (из них греческий – 5 393 чел. (5,1%), армянский – 6 552 чел. (6,2%), персидский – 186 чел. (0,2%)), турецко-татарские языки – 1 548 чел. (1,5%), (из них турецкий – 1 347 чел. (1,3%), татарский – 171 чел. (0,2%)), прочие языки – 1 904 чел. (1,8%). По городу Сухум абхазский язык признали родным всего лишь 144 чел. (1,8%), картвельские языки – 2 474 чел. (30,9%), (из них мегрельский – 1 522 чел. (19,0%), сванский – 1 чел. (0,01%), имеретинский – 66 чел. (0,8%), аджарский – 885 чел. (11,1%)), русский язык – 1 936 чел. (24,2%), индо-европейские языки – 2 320 чел. (29,0%), (из них греческий – 1 143 чел. (14,3%), армянский – 1 083 чел. (13,5%), персидский – 87 чел. (1,1%)), турецко-татарские языки – 452 чел. (5,7%), (из них турецкий – 323 (4,0%) чел., татарский – 106 чел. (1,3%)), прочие языки – 930 чел. (11,6%) [21].

Наблюдаемый механический прирост в целом в крае динамичен. Он происходил по нескольким причинам: за счет возвращающихся депортированных абхазов на родину, колонистов, переселения в Абхазию мегрелов из Западной Грузии. Следует также отметить, что численность картвелоязычного населения по сравнению с другими колонистами выходит на первое место. Абхазия превратилась в многонациональный край, и языком межнационального общения являлся русский язык.

Изменение численности и национального состава Абхазии с 1897 по 1926 г.

Изменение динамики этнодемографической ситуации в Абхазии продолжалось и в начале XX столетия. Одним из ценных справочных изданий для исследования этнодемографической ситуации в республике является «Кавказский календарь» (далее – КК), издававшийся ежегодно с 1845 по 1917 г. В нем собраны статистические, справочные и адресные сведения о Кавказском крае. В КК за 1901 и 1902 гг. общая численность населения Абхазии составляла 100 498 чел. [22]. К 1908 г. по календарю число жителей Сухумского округа достигло 129 653 чел. Численность населения в округе и на участках распределялась следующим образом: г. Сухум – 20 189 чел., местечко Гудауты – 2 645 чел., местечко Очемчири – 977 чел.; Гумистинский участок – 21 060 чел., Гудаутский участок – 22 790 чел., Кодорский – 23 561 чел., Самурзаканский – 38 431 чел. [23]. Естественный прирост населения на 1 января 1908 г. составил + 1 155 чел. В издании КК в 1910 г. опубликованы новые сведения о количестве населения по Сухумскому округу на 1 января 1909 г. Этнический состав в номере приводится только по Сухумскому округу без выделения городского населения, также из абхазского населения выделены самурзаканцы как отдельный этнический массив. К январю 1909 г. абхазов было учтено 73 492 чел., из них самурзаканцев 35 516 чел. Другие этнические группы были представлены следующим образом: русские – 2 648 чел., мегрелы – 12 371 чел., армяне – 7 165 чел., греки – 4 079 чел., сваны – 170 чел., имеретинцы – 218 чел., молдоване – 225 чел., турки – 677 чел., немцы – 642 чел., латыши – 139 чел., болгары – 235 чел., гурийцы – 35 чел., эстонцы – 424 чел., другие – 155 чел. [24]. Следует предположить, что цифры о количестве абхазов в Самурзакане занижены. И это, в первую очередь, связано с ассимиляционными процессами, происходившими в уезде, а также тем, что говорившие как на абхазском, так и на мегрельском языках абхазы, без их ведома, были записаны грузинами, чем искусственно было занижено их количество. В последующих выпусках календаря и других изданиях наблюдается динамика стремительного роста общей численности населения, который происходил за счет непрекращавшихся миграционных процессов представителей других этнических групп. Так, по данным Т.А. Ачугба к 1917 г. число жителей Абхазии достигло 91 тыс. чел. [25].

Более точную картину по этническому составу, родному языку, по полу, возрасту и т.д. воссоздала Всесоюзная перепись 1926 г. В материалах переписи нашел отражение продолжавшийся переселенческий процесс, который носил организованный характер.

Для создания первых очагов промышленности социалистической индустрии требовалось привлечение извне рабочей силы и квалифицированных кадров. Привлечение извне трудовых ресурсов привело к массовому заселению переселенцами Абхазии.

Административно-территориальное деление ССР Абхазия состояло из пяти уездов (Сухумский, Гудаутский, Кодорский, Гагрский, Галский), четырех городов (Сухум, Гудаута, Очамчира, Гагра) и 394 сел. Численность населения республики составляла 201 016 чел. (104 410 муж. (51,9%) и 96 606 жен. (48,1%)). Этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 55 918 чел. (27,8%), армяне – 25 677 чел. (12,8%), грузины – 67 494 чел. (33,6%), (здесь вместе с аджарцами, лазами и сванами), греки – 14 045 чел. (7,0%), русские – 12 553 чел. (6,2%), украинцы – 4 647 чел. (2,3%), эсты – 779 чел. (0,4%) [26].

Произошло изменение численности городского и сельского населения. Так, городское население составляло 32 244 чел. (из них 16 785 муж. и 5 459 жен.), сельское население – 168 772 чел. (из них 87 625 муж. и 81 147 жен.) [27].

В сравнении с 1897 по 1926 г. уменьшается численность абхазов, резко падает удельный вес с 55,3 до 27,8%. Изменились ареалы расселения этнических групп. Так, коренное население республики (абхазы) в большинстве своем было лишь в Гудаутском (17 846 чел. (57,9%)) и Кодорском (21 762 чел. (65,8%)) уездах. Меньше всего абхазы были учтены в г. Сухум – 658 чел. (3,1%). Согласно переписи 1926 г. в Гальском уезде избежали искусственной ассимиляции абхазов – 12 963 чел. (25,9%). Удельный вес всех этнических групп повысился с 44,7 до 73,6% (русские в г. Сухум – 5 104 чел. (23,7%), в уездах Сухумском – 2 345 чел. (4,2%), Гудаутском – 2 447 чел. (7,95%), Гагринском – 2 173 чел. (21,9%); армяне в уездах Сухумском – 12 365 чел. (22,3%), Гудаутском – 5 784 чел. (18,8%), Гагринском – 2 559 чел. (25,7%), меньше всего в г. Сухум – 2 023 чел. (9,4%); грузины в уездах Гальском – 36 802 чел. (73,4%), Сухумском – 15 583 чел. (28,1%), Кодорском – 6 762 чел. (20,4%), г. Сухум – 5 036 чел. (23,3%), Гагрском – 1 934 чел. (19,4%), меньше всего в Гудаутском – 1 377 чел. (4,5%); греки в Сухумском уезде – 10 531 чел. (20,0%), г. Сухум – 2 298 чел. (10,7%), в других уездах составляли менее 1%; украинцы в г. Сухум – 2 234 чел. (10,4%), в уездах Сухумском – 1 755 чел. (3,2%), Гудаутском – 526 чел. (1,7%), в других уездах составляли менее 1% [28].

С изменением этнической структуры Абхазии непоправимый урон был нанесен определяющему признаку этноса – языку. Язык выступает в роли главного средства передачи этнокультурной информации, который в дальнейшем обеспечивает сохранение национального самосознания. В 1926 г. из 55 918 абхазов, проживавших в Абхазии, родным языком признали абхазский – 47 053 чел. (84,1%), картвельские языки – 8 755 чел.

(15,7%), (из них собственно грузинский – 19 чел. (0,04%), мегрельский – 8 736 чел. (15,6%), русский – 73 чел. (0,1%), турецко-османский – 17 чел. (0,03%), прочие неозначенные – 7 чел. (0,01%). Анализируя показатели по родному языку, следует отметить, что власти советской Грузии интенсивно внедряли грузинский язык среди самурзаканцев, однако население все же лучше освоило не грузинский, а мегрельский язык.

Таким образом, численность абхазов в XIX в. **сократилась за счет депортации в Турцию. Те немногочисленные абхазы, которые вопреки всем созданным указам смогли вернуться на Родину, не смогли максимально увеличить свое количество на своей родной земле, тогда как число жителей республики увеличивалось быстрыми темпами благодаря переселенцам.** Увеличение населения Абхазской АССР происходило за счет механического прироста, а не естественного воспроизводства. Тем самым численность коренного населения республики – абхазов – уменьшилась и достигла 27,8%. Наша попытка исследования освещаемого периода, разумеется, не претендует на полномасштабность и окончательность. Несмотря на то, что издано большое количество исследовательских работ по формированию и изменению этнодемографической ситуации в Абхазии, многие вопросы все еще остаются открытыми.

Источники и литература

1. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 76–77.
2. Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Черкесск, 1994. С. 104.
3. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга I / Составители Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2005. С. 26–28.
4. Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958; Он же. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, 1982; Он же. Торнау Ф.Ф. и его кавказские материалы XIX века. М., 1976; Труды I. Сухуми, 1988.
5. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1. С. 123.
6. Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989. С. 8.
7. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга I / Составители Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2005. С. 298.
8. Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001. С. 79.
9. Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989. С. 8.
10. Дзидзария Г.А. Труды I. Сухуми, 1988. С. 90.
11. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 282–286.
12. Аргун Ю.Г. Быт и культура современных абхазов (этнографические очерки). Сухуми, 1976. С. 8 (на абх. яз.).
13. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга I / Составители Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2005. С. 466.
14. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 384.
15. Там же. С. 396.
16. Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001. С. 30, 132, 134–135, 138–141.
17. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 92.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. С. VII.
19. Там же. С. 85.
20. Там же. С. 1.
21. <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html> (дата обращения: 07.11.2019).
22. Кавказский календарь 1901. С. 34–37.
23. Кавказский календарь. Тифлис. 1910. LXV. Ч. 1. С. 450; 501–503.
24. Там же.
25. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. С. 140–141.
26. <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html> (дата обращения: 07.11.2019).
27. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_26_b.php?reg=97 (дата обращения: 08.11.2019).
28. <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html> (дата обращения: 07.11.2019).

*Т.С. Садыков, Ж.О. Хасенова**

**Спецпереселенцы в Казахстане в 1930-е гг.
(к вопросу освоения Карагандинского угольного бассейна)**

Статья посвящена анализу проблем освоения Карагандинского угольного бассейна в 30-е гг. XX в. Карагандинский угольный бассейн должен стать базой развития цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности.

Выявлена специфика переселенческой политики сталинизма, тесно связанной с общей политикой принудительного труда. Анализ обозначенных архивных источников и материалов позволяет сделать вывод о репрессивном характере принятых решений Центра. Многочисленные и насильственные миграции миллионов советских людей имели серьезные демографические, экономические, социокультурные последствия для Казахстана. Данные источников о трудностях условий жизни и труда демонстрируют и героический труд спецпереселенцев в развитии и формировании промышленного гиганта Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Карагандинский угольный бассейн, спецпереселенцы, депортация, принудительный труд

T.S. Sadykov, Zh.O. Khassenova

**Special immigrants in Kazakhstan in the 1930th years
(to a question about mastering of Karaganda coal basin)**

Article is devoted to the problem analysis of Karaganda coal basin mastering in the 30th years of XX century. The Karaganda coal basin has to become the base of non-ferrous metallurgy, mechanical engineering, chemical industry development.

The specifics of Stalinism resettlement policy were revealed, which closely connected with the general policy of involuntary servitude. The analysis of designated archival sources and materials allows to draw a conclusion on the repressive nature in making decisions of Center. Numerous and violent migrations of millions of Soviet people had serious demographic, economic, sociocultural consequences for Kazakhstan. Data of sources on difficulties of living conditions and work demonstrate also heroic labor of special immigrants in development and formation of industrial giant in Central Kazakhstan.

Key words: Karaganda coal basin, special immigrants, deportation, involuntary servitude

Одной из важнейших задач отечественной науки является объективный анализ исторического прошлого Казахстана. В этой связи изучение вопроса освоения Карагандинского угольного бассейна в 30-е гг. XX в. открывает перед исследователями героические страницы истории спецпереселенцев на территории Казахстана.

История освоения Карагандинского угольного бассейна берет начало с открытия угольного месторождения казахом Аппаком Байжановым, который в 1833 г. нашёл куски каменного угля в урочище Караганды, в 25 км южнее реки Нуры. Земля эта издревле принадлежала двум казахским родам – Сармантай и Мурат. В 1856 г. месторождение было куплено за 250 руб. купцом Н. Ушаковым, который и начал добычу карагандинского угля. Первая горная выработка была заложена в 1857 г. Она называлась «Ивановским разрезом». Уголь добывали для нужд небольшого Спасского медеплавильного завода. К концу XIX в. наследники Ушакова и компании пришли к полному разорению и сдали в аренду эти предприятия французам. Жан Карно (сын президента Франции Сади Карно) весной 1905 г. стал официальным владельцем, заплатив хозяевам 766 тыс. руб. В 1907 г. эти предприятия перешли во владения «Акционерного общества Спасских медных руд», основанного в Лондоне Джимом Гербертом. 11 мая 1918 г. В.И. Ленин подписал постановление СНК РСФСР «О национализации Спасского медеплавильного завода и других предприятий». В 1920 г. геологический ко-

* **Садыков Тлеген Садыкович** (Нур-Султан, Казахстан) – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева; **Хасенова Жазира Оралбековна** (Нур-Султан, Казахстан) – старший преподаватель кафедры истории Казахстана ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

митет ВСНХ командировал в Караганду группу специалистов во главе с крупным учёным-геологом профессором А.А. Гапеевым для проведения геологических исследований. В 1923 г. на карагандинских угольных копях прекратилась добыча угля из-за остановки Спасского медеплавильного завода. Однако начиная с 1926 г. интерес к карагандинскому углю вновь возрастает в связи с начавшимся процессом индустриализации в республике. Так, в 1928 г. в газете «Советская степь» была опубликована большая статья К.И. Сатпаева «Нужна магистраль на Караганду», в которой он обосновывает целесообразность ускоренного строительства железной дороги, которая откроет широкий простор для развития экономики Центрального Казахстана.

Согласно форсированному курсу индустриализации, в мае 1929 г. принят первый пятилетний план, по которому планировался рост промышленного производства на 136%. Так, в 1929 г. создаётся трест «Казстройуголь», в задачу которого входили строительство и эксплуатация шахт Карагандинского бассейна. 13 января 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «Казстройуголь» был реорганизован в самостоятельный эксплуатационный трест «Карагандауголь» с подчинением его непосредственно ВСНХ СССР. Это давало возможность обеспечить централизацию работ, развернуть широкомасштабное строительство третьей угольной базы страны. Уже 21 января принято специальное постановление «О плане развития Карагандинского угольного месторождения» [1, с. 73]. В постановлении отмечалось, что «Карагандинский угольный бассейн должен стать базой развития цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности» [1, там же]. Последовавшие в карагандинские степи геологические экспедиции показали, что Карагандинское и Саранское месторождения составляют только часть обширного угленосного бассейна, который геологи назвали Карагандинским. Уже к октябрю 1930 г. подсчитаны геологические запасы, которые составили громадную цифру – 8,6 млрд. тонн. 21 января 1931 г. было вынесено постановление Совета труда и обороны (СТО), в котором Караганда была признана крупнейшей топливной базой промышленности и железных дорог Казахстана и соседних областей.

Освоение Карагандинского угольного бассейна пришлось на период форсированной индустриализации в Казахстане. Превращение Карагандинского бассейна в третью угольную базу СССР имело огромное значение. На освоение бассейна советским правительством были отпущены средства в размере 20 млн. руб., а также большое количество технического оборудования. Нельзя не заметить, что все же главной проблемой строительства Карагандинского угольного бассейна был вопрос обеспечения его квалифицированными рабочими кадрами, привлечения рабочей силы. «Объективно обеспечить район необходимыми кадрами для трудоемкой угольной промышленности власть была не в состоянии. В карагандинском регионе отмечался хронический дефицит продовольствия, отсутствия благоустроенного жилья, полноценного медицинского обслуживания, потому желающих остаться в карагандинском регионе было мало. Выход был найден с помощью принудительного труда» [2, с. 124]. Забегая вперед, отметим, вовлечение в производство прибывающих в Караганду спецпереселенцев было неизбежным.

Известно, что началом проведения политики ликвидации кулаков стало постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Газета «Правда» опубликовала статью «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня», в которой прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов снести его с лица земли». Так политика ликвидации кулачества как класса стала воплощаться в жизнь в грандиозных масштабах. По многим областям страны были составлены местными отделами ГПУ совместно с комитетами деревенской бедноты и местными активистами списки кулаков. В эти списки вошла целая армия крестьян-середняков, основная «вина» которых состояла в непризнании коллективизации или уклонении от нее. Они были подвергнуты раскулачиванию, жестокой репрессии. Казахстан был определен как одно из мест кулацкой ссылки. Так, «к 29 августа 1930 года были переселены из Средней Азии в Казахстан 281 человек, внутри республики – 7 535» [3, с. 96].

«Раскулаченные и высланные кулаки проходили первоначально по ведомству ГУЛАГ ОГПУ и именовались спецпереселенцами. В 1933 г. их перекрестили в трудпоселенцев, а места их расселения переименовали из спецпоселков в трудовые поселки, или сокращенно трудпоселки. Так называемые новые контингенты, депортированные до 1939 г., считались по своему статусу административно-высланными: некоторые из них были депортированы на фиксированный срок (пять или, реже, десять лет). Тот же статус имели и депортированные в апреле 1940 г. семьи польских граждан» [4, с. 6].

Необходимо заметить, что сталинские депортации явились лакмусовой бумагой, выражением внешней и внутренней политики советского государства со всеми их противоречиями и особенностями. Этнические депортации стали ярким свидетельством импульсов политического курса страны. Так, следствием внешнеполитических импульсов стали депортации этнических контингентов – немцев, поляков, финнов, румын и др. Ко второму виду (внутренней политики) в качестве примера можно отнести калмыков, «наказанные народы» Северного Кавказа и др. Главным является факт отсутствия у них за рубежом титульного государства, их

можно использовать для решения сугубо внутренних задач. В целом депортации следует рассматривать как масштабное историческое явление, затронувшее миллионы советских граждан. Депортации «являлись составной частью тоталитарной государственной системы миграций в СССР, обусловленной сложным сочетанием политических и экономических факторов. Их стержневыми и определяющими элементами безусловно являлись так называемые кулацкая ссылка и тотальные депортации «наказанных народов» в годы Великой Отечественной войны» [4, с. 7].

Специфическая депортационная политика СССР тесно связана с общей политикой принудительного труда в СССР. Многочисленные и насильственные миграции миллионов советских людей имели самые серьезные демографические и экономические последствия. В целом выявлены «пятьдесят две сквозные депортационные кампании и около ста тридцати депортационных операций» [4, с. 11].

Так, в 30-е гг. XX в. выселение из насиженных мест шло сначала по социальному, а затем по национальному признаку [5]. Следует отметить, что использование спецпереселенцев (горнорабочие, рабочие-металлурги, строительные рабочие) на строительстве и шахтах производилось на основе договоров, заключенных Управлением НКВД с хозяйственными органами.

Первые спецпереселенцы прибыли в Карагандинскую область весной 1931 г. 18 марта 1931 г. специальная комиссия под руководством заместителя председателя СНК СССР А.А. Андреева приняла решение об увеличении количества переселения раскулаченных в Казахстан до 150 тыс. хозяйств, с выделением мест поселения в Акмолинском и Каркаралинском округах. Однако данное решение было пересмотрено в силу несостоятельности регионов принять такое большое количество спецпереселенцев. «В течение двух лет с начала кампании переселения раскулаченных кулаков (1930–1931 гг.) в Казахстан было выслано 50 929 семей спецпереселенцев» [6, с. 24].

В 1931 г. созданы пять районных комендатур – Акмолинская, Осакаровская, Таинчинская и Шортандинская, Карагандинская, относящиеся к управлению спецпереселенцев ОГПУ в Акмолинске. «Первые четыре комендатуры были ориентированы на создание земледельческих хозяйств. Карагандинская комендатура была на прямую связана со строительством города Караганды. Спецпереселенцы использовались, как правило, для работы на шахтах и подсобных предприятиях “Карагандауголь”» [7, л. 129]. На территории Карагандинской области в подчинении Акмолинской, Карагандинской и Осакаровской районных комендатур находились 32 спецкомендатуры (32 спецпоселка). «Первые спецпереселенцы прибыли в Казахстан из Поволжья, Центрально-Черноземной области, Нижегородского края, Московской области и Средней Азии. Среди них были и семьи, высланные внутри самого Казахстана» [6, с. 17–18]. Национальный состав спецпереселенцев представлен был пестрой палитрой – русские, украинцы, немцы, поляки, белорусы, евреи, эстонцы, мордва, литовцы, татары и др. Так, освоение Карагандинского региона стало одной из главных целей переселения огромного количества людей в Центральный Казахстан. Первые поселки спецпереселенцев начали строить летом 1931 г., среди них были Новая Тихоновка, Пришахтинск, Майкудук и Компанейский. В них были назначены коменданты, в обязанность которых входил контроль за выполнением советских законов и распоряжений местных административных органов спецпереселенцами. «Карагандинская группа спецпереселенческих поселков к концу 1931 г. насчитывала 59 078 человек» [8, л. 38].

Условия, в которых оказались спецпереселенцы, были тяжелыми. Рабочие страдали от холода, голода, тяжелейших жилищных условий, и многие, не выдержав тягот и лишений, погибали. В большинстве своем им не предоставлялось стационарное жилье. Как правило, их выгружали в голой степи, где им приходилось выживать, приспосабливаясь, теряя при этом не только здоровье, но и своих родных и близких. «Сколько народу погибло, и никакого учета погибших никто не вел, видно кому-то было угодно, чтобы их всех списали, как классовых врагов. Из 11-ти тысяч человек, привезенных в конце лета 1931 года в поселок № 11, к весне 1932 года в живых осталось менее 4-х тысяч» [9].

Так, депортированные (спецпереселенцы) волею советских государственных чиновников с весны 1931 г. стали очевидцами и непосредственными участниками освоения Карагандинского угольного бассейна. Трудоустройством спецпереселенцев занимался спецотдел при тресте «Карагандауголь», изначально определив их недалеко от шахт в трудпоселки-обсервации («промышленные спецпоселки»). Следует отметить, что до середины августа они трудились исключительно на строительстве поселков, в которых им предстояло жить. Спецпереселенцев старались закрепить к тем шахтам, которые территориально тяготели к тому или иному поселку. Появились спецпереселенческие шахты № 20, 7, 19, 15. При этом им запрещалось поселяться в рабочих пришахтных поселках, несмотря на то, что спецпоселки находились на значительном расстоянии от многих шахт. Правда, были исключения, которые согласовывались между райкомендатурой и угольным трестом. Разрешалось проживать в бараках при шахтах в основном одиноким спецпереселенцам, которые трудились на аварийных работах, а также специалистам, высококвалифицированным рабочим и ударникам. Вместе с тем каждый подобный случай требовал согласования с органами ОГПУ. Например, в 1933 г. непо-

средственню в Караганде было позволено проживать 1 518 одиночкам и 328 семейным, которых поселяли в отдельные бараки [10, л. 22]. Уже в конце августа 1931 г. на основании договоров, заключенных НКВД с хозяйственными субъектами, спецпереселенцы уже были широко задействованы в строительстве и на шахтах. «К концу 1931 г. они уже составляли 40% рабочей силы угольного треста и около 60% от всех сотрудников строительного треста» [11, л. 10].

В 1932 г. в тресте «Карагандауголь» «из всего прироста рабочей силы в количестве 6833 человека, 3641 человек (или 53%) были из числа спецпереселенцев, казахи составляли 2060 человек (30%), 1132 человек (17%) представляли местные кадры. В целом в 1931–1932 годах на тяжелых физических работах – угольных разработках и строительстве Карагандинской железной дороги были заняты более 30 тысяч раскулаченных спецпереселенцев» [12, с. 3]. И даже в 1934 г. «половину всех рабочих угольного треста по-прежнему составляли спецпереселенцы» [13, л. 21]. Заметим, что «удельный вес спецпереселенцев среди рабочих не везде был одинаковым, варьировался в рамках 50–85%. Так, наибольшее число их было занято на шахте № 3/26 – 1 366 человек» [13, л. 17]. Условия труда и зарплата спецпереселенцев были «приравнены к вольнонаемным работникам, но при этом не имели права вступать в профсоюз. С рабочих-спецпереселенцев удерживали до августа 1931 г. 25% зарплаты, до февраля 1932 г. – 15% на расходы, связанные с их административным обслуживанием» [4, с. 62]. Об отношении к работающим трудпоселенцам говорится в протоколе Карагандинского горисполкома от 1 января 1933 г.: «...Самовольно бросающих работу (спецпереселенцев) или уволенных с производства за прогулы, лодырничество и другие поступки лишать работы на срок от 5 до 15 дней со снятием с пайка как самого виновного, так и членов его семьи. По истечении срока взыскания их направлять на менее оплачиваемую работу в пределах спецпайка, со снижением пайка до 400 грамм. Установить, что хлеб выдается рабочим и членам их семей на следующий день после выхода на работу. Районной комендатуре выявить наиболее злостных прогульщиков из спецпереселенцев, оформить материалы и добиться их выселения в концлагерь» [14, с. 28–29].

Уже в 1931 г. население Караганды составило около 100 тыс. чел. Это породило массу проблем, которые надо было незамедлительно решать. Поэтому стремительно создавались новые объекты производственного труда, образовательные учреждения. Все было впервые – первые школы, механизированные мастерские, кузница, литейные мастерские, кирпичный и деревообрабатывающий заводы, первое автотранспортное предприятие. «В 1932 г. трест “Карагандауголь” имел уже 70 машин и 700 лошадей. 7 ноября 1931 г. вступила в строй первая электростанция мощностью в 1400 киловатт. Загорелись первые электрические лампы. В мае 1931 г. недалеко от поселка Большая Михайловка молодыми агрономами из “Агролесса” был заложен питомник “Зелентрест”, который сегодня превратился в зеленую зону города. В 1931 г. был открыт горный техникум. В первый год в нем обучалось 50 студентов, а в 1932 г. их количество достигло 250. В техникуме работали замечательные преподаватели, среди них были и спецпереселенцы. Так, химию преподавал профессор Я.Я. Додонов, горное дело и геологию С.А. Завадский, получивший высшее горное образование еще до революции» [15].

Карагандинский угольный бассейн создавался в малонаселенной местности, удаленной от основных экономических центров страны на тысячи километров, при отсутствии железнодорожной связи с другими районами СССР. Технические средства были недостаточными, особенно не хватало электроэнергии. Имеющиеся ресурсы электричества не могли обеспечить в полной мере потребности строящегося угольного бассейна. Большой проблемой было водоснабжение Караганды. По решению СНК СССР началось строительство водохранилища на реке Нура, в строительство которого государство вложило более семи миллионов рублей. Усилиями рабочих строительство водохранилища было завершено в конце декабря 1933 г. Одновременно с созданием энергетической базы бассейна, его транспортной связи, проведением водных ресурсов в Караганде в начале 1930-х гг. развернулось шахтное строительство. Так, «силами спецпереселенцев построены шахты № 8, 9, 12, 18. Уже в конце первой половины 1931 г. в бассейне работали 16 наклонных шахт, заложено было еще 12 таких шахт. Кроме них, в Караганде было заложено еще 33 разведочно-эксплуатационные шахты, из них в 17 шахтах велась добыча угля, 11 шахт находились на реконструкции. В 1932 г. шахтерами Карагандинского бассейна добыто 803 тыс. тонн угля» [15].

Участвуя в развитии угольной промышленности, спецпереселенцы втягивались в работу, трудились, организовывали производственные бригады, трудовые соперничества между собой. Так, «в 1933 г. в тресте “Карагандауголь” соревнованием было охвачено более 3 тыс. человек, или 85% работающих спецпереселенцев. В эти годы они приняли участие в строительстве новых шахт: шахты «А», им. Костенко, «Б», им. Бакимера, трех мощных шахт: № 20 с годовой мощностью 600 тыс. тонн, двух вертикальных № 31 и 33/34 каждая мощностью по 759 тыс. тонн. Спецпереселенцы работали и на должностях инженерно-технического персонала. Так, из 510 человек ИТР треста “Карагандауголь” 50 из них были спецпереселенцами (9,8) К марту 1935 г. на шахтах работало 5608 спецпереселенцев, в строительстве было занято 1339 человек, всего в промышленности области – 11 574 трудпоселенцев» [13, л. 1–1об., 4, 21–21об., 49, 107].

10 февраля 1934 г. «населенный пункт, возникший на территории строительства государственного треста по эксплуатации Карагандинского каменноугольного бассейна» был преобразован в город Караганда (Караганды). Началось строительство города. Город Караганда к этому времени состоял из разбросанных на большой площади рабочих поселков – Старый город, Майкудук, Тихоновка, Новая Тихоновка, Компанейск, Михайловка, Федоровка, Узенка и др. В 1935 г. Казахский краевой комитет ВКП(б) принимает постановление «О планировке города Караганды». Постановлением СНК КССР от 3 августа 1936 г. Караганда становится областным центром, где развернулось бурное строительство. В 1938 г. горком и горсовет Караганды рассмотрели и утвердили генеральный план города, разработанный проектировщиками Московского института «Мособлпроект» – архитекторами А.И. Кузнецовым, А.Н. Карнауховым, О.П. Кепне, П.С. Шумским. 9 февраля 1939 г. СМК КазССР и ЦК КП (б) Казахстана утвердили проект строительства (Нового) города Караганды. За короткий срок вырос Новый город, с широкими улицами, зелеными скверами, десятками многоэтажных домов, школами, гостиницами, магазинами, больницами, банями, административными зданиями, со всем тем, что необходимо городу. Много внимания уделялось строительству дорог, тротуаров, освещению улиц, озеленению, канализации, водопроводу и другим мероприятиям по благоустройству города. Основным градообразующим предприятием города был трест «Карагандауголь». Первым управляющим треста «Карагандауголь» был К.О. Горбачев.

Первая пятилетка, при всех ее успехах, характеризовалась довольно низкой производительностью труда. Нужно было сломать старые низкие нормы выработки, учиться трудиться по-новому, более производительно. В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. на шахте «Центральная-Ирмино» забойщик Алексей Стаханов за смену нарубил отбойным молотком 102 тонны угля и перекрыл норму выработки в 14 раз. «11 сентября 1935 года в газете “Правда” была опубликована статья “Важный почин в Донбассе”. Так было положено начало стахановскому движению в стране. Передовая статья из газеты “Правда” о почине А. Стаханова была опубликована в карагандинской газете “Большевистская кочегарка” и обсуждена на шахтах. 17 сентября бригада Тусупа Кузембаева на шахте № 1 за смену добыла 173 тонны угля при норме 144. Уже 25 сентября эта бригада выдала за смену 220 вагонов. В последующем бригада забойщиков Т. Кузембаева довела добычу до 400 тонн» [16, с. 18]. Одновременно с Т. Кузембаевым высокопроизводительно работал ряд бригад и участков на других шахтах Караганды. Именно в эти годы республика и страна узнали знатных шахтеров – М. Ракишева, А. Топаева, Аринова и др.

Во второй половине 1930-х гг. продолжалось исследование геологами Карагандинского бассейна. Разведками были охвачены Промышленный, Саранский и частично Шерубай-Нурунский районы. В 1939 г. разведка углей в бассейне была передана специально созданному для этих целей тресту «Казахуглеразведка» Наркомата угольной промышленности. Большой вклад в исследование качества карагандинских углей внес профессор Я.Я. Додонов. Будучи репрессированным и высланным в Караганду, он еще в 1931 г. создал здесь химическую лабораторию. Это было первое научно-исследовательское учреждение в Караганде, с которого начиналась большая наука города. Профессор Я.Я. Додонов в своих научных трудах показал большие перспективы развития химической промышленности в Караганде и области. Научные идеи Додонова не утратили своей актуальности и сегодня.

В 1930-е гг. Караганда представляла собой гигантскую стройку. Активно шло строительство крупных шахт – № 20, 21, 33, 34, шахт-гигантов «А» – им. Костенко, «Б» – им. Бакимера, обогатительной фабрики, цементного, кирпичного и рудоремонтного заводов, различного рода мастерских, хлебозавода, водопровода, электростанции, железнодорожное строительство. В 1938 г. вступили в эксплуатацию новые шахты № 31 и № 33–34 с вертикальными стволами, каждая мощностью по 500 тысяч тонн, а в 1939 г. – наклонные шахты 1-бис, 17-бис, 19-бис, 20-бис и 6-новая. В этом же 1939 г. началась эксплуатация Куу-Чекинского месторождения. Уголь Караганды дал мощный толчок для развития Центрального Казахстана и области, способствовал рождению новых городов и рабочих поселков. В 1937 г. на карте Карагандинской области появились города Балхаш и Байконур, рабочий поселок Джезказган, а в 1938 г. рабочие поселки – Коунрад, Моинты. Словом, 30-е гг. XX в. в истории г. Караганды и Карагандинского угольного бассейна стали могучим рывком в будущее.

Приток спецпереселенцев в Казахстан усилился со второй половины 1930-х гг., сыграв огромную роль в формировании национальной структуры населения республики. «С января 1936 г. руководство НКВД Украины и Казахстана обсуждало вопрос о выселении еще 15 тыс. польских и немецких хозяйств (или как полагали около 45 тыс. чел.) из приграничной зоны в Казахстан» [4, с. 48]. 28 апреля 1936 г. принято постановление СНК № 776-120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств» [4, с. 56]. Следует отметить, что была допущена ошибка в расчете. На самом деле среднестатистическая семья на момент выселения состояла не из трех, а из пяти человек. Поэтому в итоге переселено было не 45, а около 70 тыс. чел. Юридически переселенцы 1936 г. во всех отношениях приравнивались к высланным ранее переселенцам-кулакам. Право свободного передвижения за

ними сохранялось только в пределах административного района вселения. На местах их обеспечивали землей и техникой, расселяли «по типу существующих трудовых поселков НКВД». Их жилищное, бытовое и трудовое обустройство полностью возлагалось на ГУЛАГ НКВД. «Всего в ходе этой операции было переселено 69 283 чел., из них 64 319 – в Северном Казахстане, а 4964 перенаправлены в Южный Казахстан» [4, с. 49]. Следует отметить, что всего за годы советских принудительных миграций с территории Прибалтийских республик, Западной Украины и Западной Белоруссии было выслано в Казахстан 104 тыс. поляков и членов их семей.

21 августа 1937 г. принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) №1428-326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» [4, с. 83] в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край. «Постановление СНК КазССР от 09 октября 1937 года предписывает расселить в Карагандинской области 2 600 хозяйств переселенцев-корейцев, расселить 1 тыс. 100 семей корейцев на территории трудпоселка № 13 совхоза “Карагандауголь” Тельманского района, а находящиеся там семьи трудпоселков срочно переселить в Карагандинский и Осакаровский трудпоселки. 900 семей корейцев-углекопов расселить при шахтах № 9 и 12 второго рудника для использования их на работах в этих шахтах. Обязать “Карагандауголь” перевести работающих на втором руднике вольнонаемных рабочих и трудпоселенцев на работу в другие шахты. В освобождающихся жилых помещениях расселить корейцев. 200 семей корейцев служащих и специалистов расселить по районам области» [17, с. 117–150]. Так, в 1937 г. в угольной промышленности Центрального Казахстана стали трудиться депортированные в Казахстан корейцы-переселенцы. «2558 семей корейцев (1600 чел.) были размещены на шахтах № 8/9, 13, 14, 15/19, 16/20, 17, 98 им. Горбачева, а также в поселках Компанейск, Майкудук, Зеленая Балка. Вместе с тем, в начале 1939 г. в тресте «Карагандауголь» трудоустроились только 116 человек» [18, л. 132об.]. Трудности трудоустройства этих спецпереселенцев объясняются переполненностью населенных пунктов, поэтому многие корейцы устраивались на работу не по специальности. Вынужденные оставаться на чужбине, они внесли огромный вклад в экономическое развитие Центрального Казахстана. Возросшая к концу 1930-х гг. угольная промышленность Казахстана сыграла большую роль в индустриализации СССР, благодаря труду всех рабочих, в том числе и спецпереселенцев. Среднесуточная добыча угля в Карагандинском угольном бассейне в среднем за год на одну единицу составляла 729 тонн, т.е. в 6,5 раза выше, чем в 1932 г. Спецпереселенцы Карагандинской области работали не только в специально созданных на территории поселков спецпереселенцев совхозах, но и на различных промышленных предприятиях области. В документах Карагандинского облисполкома приведен перечень более 70 предприятий, учреждений и организаций, в которых в 30-х гг. прошлого века работали трудпереселенцы [19 с. 313–323].

Значимость Карагандинского угольного бассейна особенно остро встала в годы Великой Отечественной войны, когда фронту нужны были уголь, газ, свинец, когда весь Казахстан был превращен в прочный тыл, и каждый труженик работал самоотверженно во имя Победы, а репрессированные социальные группы и депортированные народы еще и во имя справедливости и свободы. И забывать об этом сегодня нельзя. Они собрали и сдали в фонд обороны несколько миллионов рублей, много ценных вещей, собрали средства на постройку мощной танковой колонны «Шахтер Караганды» и эскадрильи самолетов. В первые послевоенные годы в угольной промышленности Центрального Казахстана спецпереселенцы, депортированные продолжали вносить свой вклад в развитие угольной промышленности региона и были распределены следующим образом: трест «Ленинуголь» – 1248 чел., «Сталинуголь» – 2620, «Кировуголь» – 2137, «Каруглеразрез» – 1312, Промжилстрой – 466, на шахте № 8/9 им. Горбачева – 377, на шахте № 31 – 288 чел. и на шахте № 31-бис – 321 спецпереселенец [20, л. 324].

Благодаря самоотверженному труду спецпереселенцев и депортированных народов, Карагандинская область сегодня является центром промышленности и индустрии Республики Казахстан.

Источники и литература

1. История индустриализации Казахской ССР. Документы и материалы. Алма-Ата, 1967. Т. 1.
2. Ким М.Ю. Караганда, Жизнь людей в городе угля. 1931–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 216 с.
3. Жангуттин Б.О. Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е годы: численность и состав // Отан тарихы. 2001. № 3.
4. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с. (Россия. XX век. Документы).
5. Шаймуханова С.Д., Макалаков Т.Ж. Вклад спецпереселенцев и депортированных народов в развитие экономики Центрального Казахстана // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6498> (дата обращения: 19.09.2019).
6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М.: Наука, 2003.
7. Государственный Архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1487. Оп. 1. Д. 272.
8. ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 15.
9. Чиров Д. О жизни, о судьбе // Индустриальная Караганда. № 192 (16614). 21 августа 1988 г.

10. ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44.
11. ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 12.
12. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы // Соц. исследования. 1996. № 7.
13. ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 136.
14. Кекильбаев А.К. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998.
15. Сулейменова М.Ж., Нугман Б.Г. Трудовой вклад репрессированных социальных групп и депортированных народов СССР в развитие угольной промышленности Центрального Казахстана в 30–40-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6345> (дата обращения: 19.09.2019).
16. Новиков В. XX век. Карагандинский угольный бассейн: люди, события, факты (30-е годы) // Индустриальная Караганда. 2001. 13 января.
17. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда, 1997.
18. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1184.
19. Жумашев Р.М., Михеева Л.В. Спецпереселенцы в Карагандинской области: сборник документов и материалов. Караганда: Карагандинский гос. ун-т, 2007. 324 с.
20. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1107.

Н.А. Морозов*

Воркуто-Интинский субрегион Коми АССР в 1940–1950-х гг.: социо-демографическое измерение

В статье раскрываются особенности промышленного освоения территории Воркуто-Интинского субрегиона, особое внимание уделяется составу и движению населения, проанализированы особенности медико-санитарного обслуживания различных категорий населения, проблемы рождаемости в местах лишения свободы.

Ключевые слова: Печорский угольный бассейн, угольные моногорода Воркута и Инта, п. Абезь, состав и движение населения, локальные сообщества, рождаемость в концлагере, медицинский персонал, санатории, Дом матери и ребенка, синдром детской госпитализации

N.A. Morozov

Vorkuto-Intinsky subregion of the Komi ASSR in the 1940–1950s: socio-demographic dimension

The article reveals the features of industrial development of the territory of the Vorkuta-Intinsky subregion, special attention is paid to the composition and movement of the population, the features of medical care for various categories of the population, the birth rate in prisons are analyzed.

Key words: Pechora coal basin, coal monocities of Vorkuta and Inta, Abez village, resettlement support structure, population composition and movement, local communities, birth rate in a concentration camp, medical personnel, sanatoriums, mother and child's house, hospitalization syndrome

Основная цель исследования: синхроническое изучение взаимосвязанных тенденций, составляющих жизнь городов Инты и Воркуты, рабочего поселка Абезь Интинского района; диахроническое изучение демографических аспектов жизни локальных сообществ в 1940–1950-х гг. с точки зрения системных противоречий и перемен (конфликты среди заключенных 1945–1947, амнистия 1953, реабилитация 1954–1956, ликвидация северных лагерей с 1957–1958 гг.); выяснение того, как нынешняя жизнь городов определяется их прошлым.

Объект исследования: локальные сообщества монгородов, их компактность и обособленность; врачебно-медицинская подсистема; социальная структура; взаимоотношения различных социальных групп; сопротивление насилию и произволу администрации лагерей.

Методы анализа: контент-анализ источников, статистические методы, метод сравнения, биографический метод, эмпирические и описательные методики, картографирование, кейс-стади, обобщение и концептуализация.

Первый очерк о регионе Инта–Абезь–Воркута написали Троицкий Николай Александрович (1903–2011; псевдоним Б.Ф. Яковлев) и А. Бурцов. С позиций структурно-функционального подхода авторы дали общую характеристику лагерно-производственного комплекса Инта–Абезь–Воркута (гл. 2). Выделены основные социальные группы населения, вкратце показаны их взаимоотношения. Особо выделена категория женщин-политзаключенных, трагизм детей, родившихся в местах лишения свободы. Содержится характеристика смертности подневольного населения. Отмечено постепенное улучшение медико-санитарной помощи больным как со стороны вольнонаемного медперсонала, так и медиков из числа заключенных, содержится анализ взаимоотношений этих двух категорий [1].

В статье В.И. Ильина [2] использован уникальный архивный материал, который позволил воссоздать картину глубокого социального расслоения населения Воркуты, которое приводило к серьезным социальным конфликтам. Это исследование открывало новые возможности в изучении социальной структуры наших северных городов (появляется модель «город-крепость» и «город-Корпорация»), их сложной социальной жизни и констатировали пропасть между теорией и практикой в реализации партийно-государственной политики тех лет (например, в том, что касается нормативных и реальных аспектов социальной стратификации).

* **Морозов Николай Алексеевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Коми республиканской академии государственной службы и управления, кафедра государственного и муниципального управления, moroz_04@rambler.ru.

В августе 2008 г. британские историки из Высшей медицинской школы университета Суонси (Swansea) начали вместе с российскими коллегами 3-летний беспрецедентный исследовательский проект по изучению врачебной практики и медицинской службы в бывших сталинских лагерях, поскольку, по мнению специалистов, эта тема остается неисследованной. Три проблемы оказались в центре данного проекта:

- 1) вопрос о том, чему служили врачи ГУЛАГа: заботились ли они об узниках или решали «экономические» задачи, связанные с угрозой невыполнения плана из-за нехватки заключенных?
- 2) в чем заключалась разница между советской «гражданской» и тюремной медициной?
- 3) какое влияние оказала система подневольного труда на советскую медицину в целом?

Итоги исследования были представлены на симпозиуме, который состоялся 26–29 мая 2005 г. в Центре Грегинго университета Суонси в Среднем Уэльсе. В изданном сборнике материалов (12 эссе, каждое примерно в 15 страниц), прослежены связи между советским режимом и профессиональным медицинским сообществом. Показано, как «государство и специалист танцевали в амбивалентном и не всегда гладко согласованном партнёрстве» [3].

Энн Эппельбаум на основе архивных документов приводит уникальные свидетельства о быте и нравах подневольного населения, анализирует лагерную иерархию, отмечает национальные и социальные особенности взаимоотношений заключенных, кошмар рабского труда, голода и унижений, описывает цену жизни и смерти, достоинства и низости, отчаяния и надежды, вражды и любви... [4].

Благодаря самоотверженному труду энтузиастов-историков и краеведов мы получили возможность узнать об истории медицины в Печорском крае и городе Инте. Несмотря на очерковый и биографический характер этих публикаций, слабую аналитику, мы получили возможность дополнить их исследования с привлечением архивного материала по Инте, Абези и особенно Воркуте. В русле региональной урбанистики идут интересные публикации Л.А. Максимовой [5].

Исследования «воркутинского феномена» канадским историком Аланом Баренбергом [6] показали, что Воркута была и остается активным городским центром со значительным населением, не связанным с прошлым, где границы, разделяющие лагерь и город, были достаточно проницаемыми, что позволяло заключенным устанавливать социальные связи, которые в конечном итоге помогали им в переходе к гражданской жизни. Своими публикациями Баренберг вносит важный исторический вклад в наше понимание принудительного труда в Советском Союзе и его порочного наследия.

Многие исследования носили в значительной степени справочно-биографический характер, что было связано со спецификой историко-архивной и краеведческой работы [7]. Но существовала традиция системного и ситуационного анализа данной проблематики [8], предпринимались попытки картографирования системы поселений Инто-Воркутинского региона с использованием картосхем литературных дел Интинского и Воркутинского ИТЛ из фондов ГАРФ, зарисовок по памяти бывших репрессированных [9].

В последние годы ведутся перспективные исследования локальных сообществ указанного региона с позиций социокультурного подхода [10]. Не остались в стороне и эконом-географы, которые активно разрабатывают модель самодостаточного арктического города, готового к решению стратегических задач на основе выполнения функций, целенаправленно формируемых с учетом местных ресурсов и возможностей межрегионального взаимодействия – на примере Воркуты [11].

Таким образом, в рамках традиционного системного и структурно-функционального подхода представители отечественной и зарубежной историографии сформулировали достаточно обоснованные модели социальных взаимоотношений различных групп населения Воркуто-Интинского субрегиона в период 1940–1950-х гг. При этом очевидно, что социо-демографические исследования находятся в начальной фазе изучения этой сложной и многогранной темы.

Заметно, однако, что от общих вопросов истории (особенно истории медицины) и социологи переходят к более конкретным: как менялись взаимоотношения между специалистами-заключенными и местными администрациями лагерей? Как было организовано взаимодействие врачей северных строек по лечению заболеваний, источником которых были невыносимые условия эксплуатации подневольной рабочей силы? Насколько эффективной была медицинская помощь беременным женщинам, женщинам и мужчинам, пораженных туберкулезом, венерическими заболеваниями, а также душевнобольным? В каких пределах медицина тех лет могла оказывать помощь детям, родившимся в местах лишения свободы и отправленных в детские учреждения для детей «врагов народа»?

Сложилось *два подхода* к этой проблеме: одни считают, что при всех своих недостатках лагерные санчасти в самых уродливых вариациях содержали все-таки в себе элементы милосердия. Достаточно появления одного-двух настоящих врачей, и санчасть становилась источником спасения [12]. Другие утверждают, что лагерные врачи были частью Системы и зачастую поступали вопреки клятве Гиппократата [13].

«Врачи находились под страшным давлением противоборствующих сил. Если у них из-за неоказания медицинской помощи слишком много заключенных умирало, им грозили неприятности или даже лагерный срок, с другой стороны, на них воздействовала самая жестокая и агрессивная часть лагерной уголовной элиты, которой нужны были освобождения от работы. Если врач хотел давать отдых действительно больным пациентам, он должен был сопротивляться натиску блатных» [14].

Из многого, что было необычным в лагерной жизни, возможно, самое странное было одновременно самым естественным: лагерный врач. Он был в каждом лагпункте. Если квалифицированных врачей не хватало, в лагпункте имелся, по крайней мере, санитар или фельдшер (с медицинским образованием или без него). Когда заключенный с нетяжелой формой цинги работал в бригаде, его шатающиеся зубы и волдыри на ногах никого не интересовали. На его жалобы начальство отвечало в лучшем случае презрением и насмешками. Сделавшись доходягой, он становился предметом злых шуток и издевательств. Но когда у него сильно поднималась температура или симптомы болезни принимали критический характер – иными словами, когда он уже «проходил» как больной, – этому самому умирающему немедленно давали «противоцинготный» или «пеллагрозный» паек и предоставляли всю доступную в ГУЛАГе медицинскую помощь. Этот парадокс был неотъемлемым элементом лагерной системы. С самого ее зарождения с больными заключенными обращались иначе, чем со здоровыми...

Среди заключенных возникали сообщества, которые способствовали выживанию. Члены этнических группировок – украинских, прибалтийских, польских, – которые доминировали в некоторых лагерях в конце 1940-х, создавали целые системы взаимопомощи. Другие эски за годы лагерной жизни терпеливо ткали свои независимые сети знакомств. А некоторые довольствовались одним-двумя чрезвычайно близкими друзьями.

Особую социальную группу составляли священники. К примеру, в поселке Инта и других территориальных образованиях комбината «Интауголь» их было 266 человек (всех конфессий). Это была настоящая «катакомбная» церковь, богослужения велись главным образом в шахтах и других потаенных местах (в Воркутлаге были известны своей духовной стойкостью священники Картанас, Станкявичюс, в Абези – епископ Лакота, в Инте – Мядджас и Василяускас)...

Рассмотрим социальный состав населения Инты и Воркуты в послевоенный период. Это были самые трудные годы. Главной проблемой людей был хлеб насущный. Интинские ветераны помнят, что такое «сухарик»... На Воркуте баланду не ели, а «трамбовали», избыточную кашу с маслом – «жрали», а вкусные деликатесы – «кушали». Возникали такие минигруппы по два-четыре человека, которые «вместе кушают», т.е. делят трапезу. Это подлинные консорции, члены которых обязаны друг другу взаимопомощью и взаимовыручкой.

Состав такой группы зависел от внутренней симпатии ее членов друг к другу, а точнее, от комплиментарности – поведенческого феномена, известного у всех высших животных [15]. Речь идет о консорциуме как ячейке локального сообщества, которая помогла выжить – и обогатиться интеллектуально! – каждому из его участников. Власть идеи, интеллекта, великого терпения ради Истины – вот ключевое звено цепочки властных отношений, которые сейчас принято называть стратегиями выживания...

Социальному сплочению этих локальных сообществ способствовало осознание этнической идентичности в рамках землячеств – украинского, литовского, белорусского и др. Наряду с этим, переплетаясь, активно развивалась и профессиональная идентичность – локальные сообщества группировались по местам работы/службы.

Социальные группы населения Воркуты и Инты к окончанию войны были представлены «гражданским населением» (6000 рабочих и служащих на Воркуте + 1500 в Инте, 3220 военнослужащих Воркуты + 950 в Инте, 6000 трудармейцев Воркутлага + 200 в Инте). Весьма интересен национальный состав 1666 охранников Воркутлага в 1942 г.: 975 коми, 496 русских, 162 украинца, 24 белоруса, девять татар и других национальностей.

В 1950 г. по Инте – из 950 военнослужащих 500 охранников (два старших офицера, 19 младших офицеров, 77 сержантов и 402 рядовых, 250 коми, 125 русских, 15 украинцев, 10 белорусов). К ним примыкал «надзорсостав», надзиратели – 431 чел., из них в подразделениях особого режима – 343 (на 25000 заключенных, в том числе 4500 женщин) (из отчета о работе политотдела Минлага за 1950 г.).

На 1 июля 1951 г. в Управлении Минлага работали 350 чел., в охране заключенных и надзоре – 3600 чел., вольнонаемных рабочих и служащих – 2650 чел., на спецпоселении и спецпереселенцев – 1250 чел., и 29 тыс. политзаключенных.

В шахтах работали 1113 вольнонаемных и 8000 заключенных, в капстроительстве – соответственно 10 и 913, на подсобно-вспомогательных работах – 14 и 395, в сельском хозяйстве – 381 и 398, ЖКХ – 141 и один, транспортно-разгрузочном отделе – 207 и 201, автобаза – 101 и 44, ТЭЦ – 209 и 224, в геологоразведке – 123 и 0, в интендантском снабжении – 0 и 22. Итого – 2650 вольнонаемных и 11410 заключенных [16].

Анализ соотношения этих двух категорий населения на весну 1953 г. показывает, что по большинству видов занятости преобладали заключенные. По режимным соображениям в геологоразведке не было ни одного

заклученного. На Интинской ТЭЦ соотношение примерно равное. А вот на участках с наиболее комфортными условиями труда (и оплаты труда) наблюдается преобладание вольнонаемных (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение вольнонаемных и заключенных
по предприятиям и организациям комбината «Интауголь» на 1 апреля 1953 г.***

Предприятия и организации	Вольнонаемные	Заклученные	Всего
Шахты	1113	8042	9155
В том числе: шахта №9	171	1201	1372
Шахта №11/12	–	716	716
Строительно-монтажная контора	24	1298	1372
В том числе: капстроительство	10	913	923
1-й стройучасток	–	377	377
2-й стройучасток	10	292	302
3-й стройучасток	–	244	244
Подсобно-вспомогательные предприятия	14	385	399
В том числе: ДОК	2	158	160
Кирпичный завод	–	157	157
Шлакоблочный завод	12	54	66
Мехмастерские	–	16	16
Жилищно-коммунальный отдел	141	1	142
Транспортно-разгрузочный отдел	207	201	408
Автобаза	101	44	145
ТЭЦ	209	224	433
В том числе: капстроительство	4	112	116
Эксплуатация	205	112	317
Сельское хозяйство	381	398	779
Леспромхоз лемью	107	766	873
Геологоразведочный отдел	128	–	128
Центральные пошивочные мастерские ОИС	–	22	22
Всего по комбинату	2650	11410	14060

Списочный состав заключенных за январь–сентябрь 1951 г. показывает стабильную цифру – около 35 тыс. чел. по всем подразделениям и лагпунктам. Санитарная служба зафиксировала за этот же период времени среднее количество детей от матерей-заклученных – 244 ребенка. Анализ численности женщин-политзаклученных и «бытовичек» вместе с уголовницами показывает, что соотношение их в среднем было 1 к 10. Следовательно, число детей, родившихся от матерей с 58-й статьей, было в 10 раз меньше, чем от матерей указанных двух категорий. Но парадокс в том. Что шансов выжить у детей от матерей первой категории было во много раз больше (табл. 2).

Таблица 2

Справка о состоянии санитарной службы Минлага за октябрь (январь–сентябрь 1951 г.)**

Месяц	Списочный состав з/к	В том числе дети, родившиеся в зоне	Из них умерли
Январь	34 132	217	2
Февраль	34 952	244	1
Март	35 014	232	3
Апрель	34 946	235	1
Май	34 788	253	1
Июнь	34 827	261	1
Июль	34 737	243	–
Август	34 748	257	2
Сентябрь	34 644	253	1

* НАРК. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 891. Л. 71–72.

** ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 459. Л. 77, 80.

В послевоенные годы местные сообщества «вольных» и подневольных людей, несмотря на свою многочисленность, были территориально дисперсны и фрагментарны с точки зрения внутренней и внешней среды социальных взаимодействий. Огромное значение имело живое общение людей, в котором существовали два круга – ближний и дальний. Следовательно, для спасения детей, чьи родители пострадали от массовых репрессий, были задействованы все средства и связи не только с вольнонаемными врачами, но также и с врачами далеко за пределами Коми АССР.

Врач-рентгенолог Джозеф Шолмер пишет, что в начале 1950-х гг. существовали многочисленные подпольные организации по национальному признаку, которые имели руководящее ядро, технических специалистов (в том числе бывших военных), информационную службу и «политическое бюро». Русские группы были наиболее осведомленными, организованными и решительными. Бывшие офицеры Красной армии даже тайно разрабатывали планы на случай новой войны между СССР и США [17].

В Инте такие организации продолжали действовать и после закрытия лагеря, уже в конце 1950-х гг., причем считалось важным устанавливать и поддерживать обширные связи с подобными антикоммунистическими организациями в национальных республиках СССР (наиболее многочисленной была организация западных украинцев «Объединяния»).

Существовали товарищества по интересам (спорт, коллекционирование, здоровый образ жизни, благоустройство территорий обитания и проч.). Все три вида идентичности представляли своеобразные каналы коммуникаций, которые пронизывали все сферы жизнедеятельности – подневольную и вольнонаемную, четких непреодолимых препятствий между теми и другими не было. Яркий пример – совместная работа вольных и заключенных в шахтах, на стройплощадках, учеба детей в школах, сфера медицинского обслуживания – при этом психологическая пропасть ощущалась остро и болезненно (молодая учительница 1-й школы выходит замуж за бывшего политзаключенного, и директор школы В.И. Ширяев ничего с этим поделать не может!).

В этом социальном пространстве огромную роль играли национальные землячества – украинское (Олекса Брыль), белорусское (Лариса Гениуш), литовское (о.Казимиерас Василяускас), латышское (Эдвардс Сидрабс), польское (Болеслав Рутковски), еврейское (поэт Иосиф Керлер на Воркуте)... Связи и обмен информацией были отлажены великолепно. Использовались самые разные коммуникативные технологии – если над бараком взвивался черный флаг – все знали, что люди просят поддержки, и она не заставляла себя ждать. Тем не менее законы конспирации требовали определенной замкнутости локальных сообществ вольных и подневольных, зависимых и независимых, – скованных особой психологией и менталитетом.

Как указали Барнс, Баренберг и другие историки, национальные сети стали повсеместными в ГУЛАГе во время и после Второй мировой войны из-за большого притока заключенных из западных окраин Советского Союза, особенно из стран Балтии и Западной Украины [18].

Многие из этих заключенных активно сражались против установления или восстановления советской власти в своих странах и поэтому были хорошо подготовлены к работе в тайных сетях в послевоенном ГУЛАГе. Такие национальные сети заключенных часто продолжались и после освобождения, поскольку вид помощи, который они могли оказать, оставался столь же важным в городе Воркуте, как это было в лагерном комплексе. Таким образом, многие бывшие заключенные оказались не в состоянии вернуться в западные пограничные районы из-за подозрений КГБ, и этот опыт, несомненно, укрепил чувство национальной идентичности...

Высокая социальная мобильность тружеников того времени не позволяла создавать стабильные локальные сообщества. Большинство интинских специалистов горного дела и рабочая сила прибыли из Воркуты. Например, жизненные траектории врача Евгения Петровича Адарича (1905 г.р.) и геолога Бориса Федоровича Бельшева. Бельшев Борис Федорович, один из первых геологов Инты, сын профессора Томского университета, репрессирован на 5 лет, работал в геологоразведке на Воркуте, в Инте и Абези. После освобождения в 1939 г. уехал в Иркутск, стал кандидатом наук, в Алма-Ате защитил докторскую диссертацию. Присутствовал на защите Константин Генрихович Войновский-Кригер и Василий Арсентьевич Барабанов (1900–1964), бывший начальник строительства железной дороги на участке Абезь – Сивая Маска. По свидетельству Айно Куусинен, они узнали друг друга и успели пообщаться [19].

Осмысливая этот социальный опыт, мы можем сказать о его «исторической актуальности», обозначающий способность людей к максимальному соучастию в социокультурных процессах при минимальном ущербе для собственной личности и деятельности ее «защитных механизмов».

Больничные городки (Сангородки).

Воркутинский ИТЛ. 10 мая 1938–1960-е гг.

Из литерного дела Речлага №3/6 за 1950 год :

На 1 января 1950 в Речлаге насчитывалось 1397 женщин (:3). На 1 дек.1949 – 3219 больных заключенных: поступили за декабрь – 1405, выписаны 1477 (умерли 24 чел.). Производственные травмы за декабрь 1949 г. – 293 случая, из них 6 смертельны и 22 тяжелых [20].

п.Мелкие шахты. С октября 1951 – Сангородок туберкулезный (ОЛП-10, см. рис. 1).

Сангородок лаготделения № 2 при шахте № 14 (Аяч-яга). В 1949 – 18 бараков на 1200 заключенных, затем до 2500 чел., смертность – по 30-40 человек в месяц. Начальник ОЛПа Мухин, нач.санчасти Норд (с 1951 г. – майор Васильева) [21].

Поселок Октябрьский: Сангородок женский 4-го лаготделения (далее л/о) при шахте № 6. С 1 августа 1949. При лимите наполнения 2700 чел., разместились в 1952 г. 3462 чел. Периметр зоны 1380 м. 56 бараков, в том числе в 15 бараках 1-го лагпункта располагался Сангородок Два дома младенцев – на 61-м л/о на 120 мест (при цементном заводе) и в 68 л/о на 240 мест (сельхоз «Горняк»).

Станция Песец, 63-е женское лаготделение (с 14 июня 1951)

Санчасть Полярно-Уральского управления Воркутлага (ОЛП-3, с 14.06.1951 – л/о 31). Рудник Харбей, добыча молибдена (с 1950). База – станция 106-й км ветки Чум-Лабытнанги (ныне – ст. Полярный Урал). 170 км от Воркуты. Закрыто весной 1953. На 1 октября 1951 списочный состав – 845 чел., в лазарете – 85 человек больных [22].

Станция Пышор – 65-й лагпункт женский, с 1945 г.

Станция Сейда – 64-й лагпункт женский, с 1945 г., сельхоз Заполярный (11-е лаготделение), Дом матери и ребенка для кормящих матерей, 350 детей (на 1 марта 1952).

Станция Чум, 65 км к югу от Воркуты. Сангородок (ОЛП-66, с 14.06.1951 – л/о 66) женский, для каторжанок (с 20.06.1950), с домом младенца. Здесь с 20.06.1950 г. находился женский 66-й лагпункт – инвалидный Сангородок и зона венерических больных (с 14.06.1951 – лаготделение № 66). Начальником отделения был П.С. Гончаров, а с февраля 1954 г. – Лигерман [23].

В 1951 г. здесь были 771 человек – 661 каторжанка и 110 заключенных женщин. При лаготделении был Дом матери и ребенка, а также Дом младенца на 120 мест (в 1.5 км от станции). В структуру отделения входили:

1. Женская зона № 1 (закрыта в июне 1953), стационары №№ 1 и 2 с хирургическим отделением и амбулаторией (подкомандировки на ст.Сивая Маска и в сельхозе «Победа»).

2. Женская зона № 2 облегченного режима, которая включала следующие подразделения:

лагпункт № 1 – сельхоз «Горняк», находился в 8 км на север от станции «Сивая Маска» (140 км южнее Воркуты), здесь были 240 женщин-заключенных (1953, июнь–сентябрь).

лагпункт № 2 – ст. Пернашор,

лагпункт № 3 – ст. Хановей – тяжелые туберкулезники, начальник Трубников (переведен в Абезь летом 1956).

Лагпункт № 4 – ст. Сивая Маска, переведен на общий режим, начальник Садиков. Партийная организация отделения – 38 коммунистов и 3 кандидата в члены партии (05.03.1957).

Первичная партийная организация здесь существовала с января 1953 по февраль 1957 гг., что косвенно указывает на время существования самого лагподразделения.

Ст. Никита на железной дороге Чум-Лабытнанги, в 90 км от Воркуты на восток. Лаготделение № 67 (позднее № 11) на 500 человек, Создано по приказу МВД СССР 00237 от 7 мая 1951 г. Здесь с 14.06.1951 находился туберкулезный сангородок — 7 каторжан и 846 заключенных (в их числе 200 женщин). 7 бараков площадью 877 кв.м. находились в неудовлетворительном состоянии. Начальник – старший лейтенант медицинской службы Гилевич (с 18 дек.1951) [24].

Станция Инта, 70-й лагпункт женский. Женщины работали также в с.Адзьва-вом, где одно время был сельхоз «Усинский».

Речной лагерь (особлаг №6, Речлаг). 27 авг.1948 – 26 мая 1954.

Лагпункт № 1 (Сангородок) в 4-м л/о при шахте № 6. 3000 з/к. Л/п №1 Сангородок, 700 з/к в 15 бараках, нач. капитан Фруктов Николай Петрович (с 10.08.1953). Большое кладбище з/к.

6-е л/о (мелкие шахты №№ 9,10,11). Нач.санчасти подполковник мед.сл.Герман Петрович Абиин.

7-е л/о Речлага, при кирпичном заводе № 2, 2000 з/к, женское. Периметр зоны 900 м., 17 бараков, 3 стационара на 180 мест. Начальник майор Корнев с апреля 1950 [25].

8-е лаготделение на Предшахтной при конторе Горстрой, женское, 1100 чел. Начальник – майор Жухлин Михаил Алексеевич с 16 января 1951 г. База торгового отдела комбината Воркутуголь.

9-е л/о Речлага, 2500 з/к при шахте № 8. 37 жилых бараков, 6 стационаров.

Лаготделение 12, женское, при кирпичном заводе № 1, образовано в ноябре 1950.

Л/о № 14 Речлага при шахте № 6 и ТЭЦ-2. 2000 з/к на 01.06.1954. Сангородок для туберкулезных больных, в километре от станции «Шахта № 6». Кладбище з/к [26].

Интинский ИТЛ. 17 нояб.1941 – 30 окт.1948.

Комедантский отдельный лагпункт (КОЛП), в его структуре был лагпункт № 2 – санитарно-лечебный, с 1942 г., 303 заключенных.

Сангородок (больничный) ОЛП-10 (1944–1946).

Сангородок ОЛП-5, пересыльный и больничный (1946–1948), ст.Предшахтная.

Сангородок ОЛП-15, п.Кырта: хирургия (на 45 мест) и терапия (на 70 мест).

Дом младенца на 40 детей в сельхозе Кедровый Шор.

Минеральный лагерь (особлаг № 1, Минлаг). 28 февр.1948 – 6 марта 1957.

Сангородок (5-е лаготделение). Существовало с 25 июня 1948 по 1956 гг. Дислокация – ст.Предшахтная. Профиль – карантинный, пересыльный, больничный. Сангородок со временем разделился на два поселка – Северный (для заключенных) и Южный (для вольнонаемных).

4-е женское отделение Минлага с Домом младенца и яслями для новорожденных (2399 чел., в основном бытовички). В 1950–54 гг. появился Новый сангородок (Новобольничный городок). Были построены 4 кирпичных здания – инфекционное, терапия, хирургия, родильное отделение.

10-е инвалидное лаготделение (п. Абезь), с 1949 г. Лагпункт № 1 женский, 2427 чел., лагпункт № 6 женский, 830 чел. Итого 3261 женщин. Много верующих, в том числе сектантов.

Северный железнодорожный лагерь (Печорлаг).

6-е отделение (станция Печора): 25-й (220 заключенных, с 1941 г.) и 26-й (303 чел., с 1947 г.) лагпункты на ст. Косью, лазарет.

7-е отделение (Воркута):

Станция Хановей – 10-й лагпункт мужской, больница, известен с 1945 г., 359 заключенных, в том числе 162 политических.

Ст. Мусюр, 15-й лагпункт женский, больница венерических больных на 160 чел., в том числе 29 политических (все сведения о численности – на 1952–53 гг.)

8-е отделение (станция Инта):

Ст. Кочмес, 14-й лагпункт, больница на 600 чел, в том числе 345 политических, известен с 1941 г.

Ст. Сарма-ю, 21-й женский лагпункт на 300 коек, известен с 1939 г.

11-е сельхоз отделение женское, около 1000 чел., в том числе 133 политических (Косью):

1-й лагпункт на ст. Косью, с 1946 г., 418 чел., в том числе 28 политических

3-й лагпункт на ст. Абезь, с 1940 г., 330 заключенных, 94 политических

7-й лагпункт на ст. Амшор, с 1941 г., 162 чел., в том числе 9 политических.

В Инте первый Больничный поселок возник в 1940–1942 гг. на том месте, где сейчас городское кладбище. Сюда по лежневке приходили пешие этапы заключенных с пристани 35-й километр, что на реке Уса при впадении реки Большая Инта, и заболевших оставляли в небольшом лазарете при пересыльном пункте. В 1943–1944 гг. его переместили на 3-й строительный район, на правый берег речки Угольной – рядом с Военным городком, к которому с восточной стороны примыкала огороженная колючей проволокой зона 12-й колонны мобилизованных немцев (с 1 мая 1946 г. – временный спецпоселок № 1).

Таким образом возник Новый Сангородок (ОЛП № 10) с оздоровительным пунктом на 500 заключенных, не считая временного оздоровительного пункта на 1000 коек, но вскоре его перенесли на станцию Предшахтная, куда по железной дороге или в пешем строю с вокзала прибывали многочисленные этапы заключенных, среди которых особо выделялся Франкфуртский этап, который шел из Германии в Череповец, а затем часть осужденных за сотрудничество с немцами прибыла в Инту. Это было в конце января – начале февраля 1946 г. Среди прибывших были самые известные впоследствии люди Инты – Николай Печковский, Александр Ордынец, Ольга Ивановна Ачкасова-Юниус, Эмма Гольдакер, Лариса Антоновна Миклашевич-Гениус, Тамара Вераксо и др. Они создали на базе Дома культуры шахтеров настоящий профессиональный театр и новый круг общения, новую социальную группу.

Центром медицины стал новый Сангородок, находившийся примерно в километре от Предшахтной. Там, на возвышенном сухом месте, в 1946 г. стояли 5-6 деревянных барачков, в которых находились на излечении больные заключенные. Первыми врачами были Евгений Петрович Адарич и Карл Карлович Клинберг, в палатках и полуземлянках, а затем в женском бараке принимавшие роды у первых рожениц Инты. Это опытные терапевты Генрих Леопольдович Глазер и Алексей Михайлович Дьяков, опытный врач из Ленинграда, патологоанатом Марк Захарович Котик, детские врачи Антонина Владиславовна Добровольская и Ольга Семеновна Садыкова, заведующая первым акушерским отделением Людмила Михайловна Чмелюк,

зубной врач Мария Николаевна Цыбина, опытный психиатр Петр Павлович Нокс, первый руководитель новой поликлиники № 1, врач Анна Михайловна Семенова. Органично вписались в новый коллектив медики Анна Дмитриевна Лукьянова, Макс Абрамович Хигер, Цилия Михайловна Выгон, Архип Степанович Косматый, Татьяна Георгиевна Новикова, первый санитарный врач Инты Абрам Ефимович Трахтенбойт, врач-эндокринолог, а затем заведующая туберкулезным отделением Тамара Михайловна Суркова.

В 1950 г. начал оформляться и новый Больничный городок при 5-м лаготделении Минерального особого лагеря № 1. Первыми были построены вблизи реки Угольной два кирпичных одноэтажных корпуса, в которых разместилось инфекционное отделение городской больницы (для вольнонаемных и заключенных). В 1952 г. было сдано в эксплуатацию здание терапии, на двух этажах которого также разместились многие отделения больницы. Через два года было построено двухэтажное здание роддома.

В центре города 10 декабря 1955 г. была построена поликлиника № 1, которой долгие годы руководила Клавдия Михайловна Кобец. В 1950–1960-е гг. здесь работала целая плеяда замечательных врачей – А.Н. Ушакова, Л.В. Орлова, Н.П. Балюнова, Е.П. Адарич, супруги С.М. и Л.Л. Борисовы, И.И. и Е.М. Отлейкины, хирурги Д.Е. Раппопорт, Г.В. Щербина, А.В. Переляева и др.

В 1950–1951 гг. начальником санчасти пятого лагерного отделения работала врач Таисия Яковлевна Генис, жена начальника теплосилового хозяйства Инты вольнонаемного инженера Наума Борисовича Брейзмана. В узком кругу друзей они рассказывали о многих «чудесах» лагерной жизни. Особенно тягостное впечатление в 1952 г. произвело дело кремлевских врачей. В комбинате «Интауголь» было немало евреев, в том числе и среди врачей. Все переполошились, даже закоренелые коммунисты. Друг семьи Брейзмана В.М. Быховский узнал, что среди «убийц в белых халатах» оказался и муж его двоюродной сестры – Борис Ильич Збарский, лауреат Ленинской премии, трижды Герой социалистического труда. Это он бальзамировал тела Ленина и Георгия Димитрова. Арестована была и его жена Женя Збарская (девичья фамилия Перельман). Вскоре на Воркуте и в Инте появились врачи и медработники, пострадавшие от этой новой волны репрессий [27].

Абезь. Абезьское лаготделение №10 (до 1950 г. – шестое лаготделение). Поселок Абезь располагался в 100 км северо-восточнее Инты на правом берегу р. Уса (см. схему 1). Здесь в лагпунктах № 1, 2, 3, 4, 5, 6 содержались 11379 политзаключенных. По приказу МВД СССР № 00502 от 1949 г. лимит наполнения был установлен в пределах 5 000 чел., но в феврале–марте 1950 г. по просьбе управления Минлага он был увеличен до 11 000, фактически:

На 1.12.1949	На 1.01.1950	На 25.02.1950	На 1.04.1950	На 1.07.1950	На 1.09.1950
5 133	5 788	9 000	9 087	10 599	11 100

К моменту передачи в Минлаг Абезь уже была инвалидным лаготделением. Сюда посылали инвалидов и неизлечимо больных не только из Инты, но главным образом из Воркуты и Устьвымлага (соответственно 10000 и 400 человек).

Лагпункты	Количество заключенных	В том числе уголовных	Примечания
№ 1	1363	3	Мужской
№ 2	2427 ж.	2	Женский
№ 3	2431	7	Мужской
№ 4	2723	3	Мужской
№5	1605	1	Мужской
№ 6	830 ж.	–	Женский
Всего	11379 (3250 ж., 3.0%)	16	

Источник: ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566.

Врач-зэк (или бывший зэк), работая в медслужбе, становился членом лагерной администрации («придурком»), в частности, получал более высокую категорию питания. В его обязанности входили контроль за качеством пищи, прием больных в медпункте и выдача освобождений от работы, направление тяжелобольных в больницу, лечение госпитализированных пациентов и участие в так называемых медкомиссиях, которые после беглого осмотра эзков оценивали их физическое состояние и зачисляли в ту или иную «трудовую категорию» по состоянию здоровья.

Медкомиссии для эзков, сидевших в лагере, проводились чаще всего ежеквартально. Они созывались также для оценки физических сил тех, кого выписывали из больницы. Врач принимал участие в обсуждениях, когда дело доходило до обмена заключенными с соседними лагерями. Роль врача в комиссии оказывалась самой неблагодарной, ибо от его решения или молчаливого согласия в значительной мере зависела судьба заключенных; тех, кто получил высшую «трудовую категорию» по состоянию здоровья, отправляли на самые тяжелые «общие работы» за пределами лагеря, где многие быстро деградировали как психически, так и физически и погибали от истощения и голода.

«Сидело несколько врачей. Осматривали, говорили: «Так. Дистрофия есть?» – «Есть». – «Цинга есть?» – «Есть». Слушать не слушали никогда. «Ноги распухшие?» – «Распухшие»», – вспоминает медицинскую комиссию в Абезьском лагере бывшая заключенная Сусанна Печуро, попавшая туда в возрасте 17 лет. Регулярный осмотр комиссия проводила раз в квартал, иногда чаще – если приезжали так называемые работорговцы (представители других лагерей, которым требовалась дополнительная рабочая сила).

Как уточняет исследователь истории санитарной службы ГУЛАГа Борис Нахпетов, во врачебно-трудовую комиссию входили не только медики: возглавлял ее начальник лагерного отделения, также участвовали в заседании его помощник, начальник УРЧ (учетно-распределительной части) и руководитель производства. Но решающий голос в определении трудовой категории заключенного был за врачом – начальником санчасти, который советовался с коллегами-медиками (их в комиссии могло быть несколько).

Самой больной проблемой лагерной медслужбы был дефицит лекарств и элементарного оборудования. Врачи, а нередко это были выдающиеся специалисты, оказывались беспомощными перед болезнями, которые там свирепствовали: истощение от голода («дистрофия»), авитаминозы (цинга, пеллагра и куриная слепота), а также многочисленные инфекционные (туберкулёз, краснуха, брюшной и сыпной тиф, венерические заболевания и чесотка). Частыми бывали обморожения, разного рода раны и увечья, грыжи, непроходимость кишечника, гнойные инфильтраты и другие болезни, требующие хирургического вмешательства. По словам врача-з/к Йозефа Шольмера, особенно частыми среди заключенных воркутинских лагерей в 50-е гг. были недомогания, связанные с гипертонией и туберкулёзом...

Стационары и больницы были для борющихся за жизнь эзков единственным прибежищем, где они могли встретить доброе отношение и получить настоящую помощь. Врачи, исполнявшие свой профессиональный долг, в меру имевшихся в их распоряжении возможностей давали эзкам надежду и оказывали помощь.

...Весной 1942 г. в Абезь из местечка Мишяг (25 км севернее п. Канин Нос) переехал крупный лазарет Севжелдорлага. Начальником санотдела 4-го Абезьского отделения (вместо Новосадовой) был доктор Василий Николаевич Пудов, инспектором отдела работала Раиса Исаевна Штаркман – член семьи репрессированных, добрая, умная и прекрасная женщина. Ее муж служил в штабе Киевского военного округа, был расстрелян в 1938-м, и ей пришлось отбыть срок лишения свободы восемь бесконечно долгих лет. Сын Борис был на фронте.

Здесь уже сложился небольшой коллектив медработников местной больницы для вольнонаемных, которую возглавляла Ася Моисеевна Шехтер, добрый, внимательный, отзывчивый врач. Она оказывала огромную помощь в организации глазного отделения для заключенных. Работали прекрасные хирурги: глазной врач-хирург Борис Матвеевич Болтянский, Косич Олимпиада Степановна, Подсадный (вольнонаемный врач из Киева), врачи – Дмитриева, Куниевская, Савичева, Зебров, Иван Наркисович Иванцевич, средние медицинские работники: Екатерина Низовцева, Селякова Серафима, Раиса Ивановна Штаркман, Шмелева Дуся, Галина Синотова, Макарова Полина, Рассказова Мария, Вафушев Ким, Волкова Валентина. Обязанности медстатистика исполнял С.С.Васюхнов, потомок волжских бурлаков (освободился в 1946 г.).

На 6-м причале (6-й лазарет) работал молодой фельдшер И.П. Морозов, будущий глава Коми АССР. Начальником лазарета в годы войны был врач П.Н. Никифоров. В селе Абезь, что в устье Лемвы, впадающей в реку Уса, был небольшой медпункт (амбулатория), которым заведовала вольнонаемная врач Големба [28].

Уже в сентябре 1944 г. в Абези работали два Сангородка (№ 1 и 4). В лазарете на станции Кочмес (около 200 больных) работала врач Тамара Александровна Шарбе (уроженка Ленинграда, приговорена по 58-й статье, освободилась в 1941-м, оставлена в лагере по директиве № 185). Среди больных был генерал К.П. Пядышев, которого осудили за прорыв немцами Лужского оборонительного рубежа на подступах к Ленинграду. Здесь, на берегу быстрой северной речки Кочмес, он нашел последнее пристанище.

...Марк Каганцов, врач скорой помощи Воркуты, был удивлен, когда узнал, что в его родном городе «в года совсем былинные, когда срока огромные брели в этапы длинные» (В. Высоцкий) были граждане Франции. Вот они на фотографии – пять человек. На вопрос, откуда эта фотография, ему была предъявлена книга Пьера Ригульо «Французы в ГУЛАГе» (Париж, 1984). Действительно, сказал он, – Воркута вне времени и пространства. Вот так из искреннего удивления врача (которого за многие годы работы трудно удивить) вырастает символ опорного пункта освоения Крайнего Севера, города-крепости.

Одним из этих французов был Арман Малумян (1928–2007), сын профессора, врача-травматолога. Вскоре после возвращения из Парижа в Москву и затем на историческую родину и опять в Москву (1949) он был арестован и отправлен на Воркуту со статьей 58-6 (шпионаж). Освободился в середине 1950-х, вернулся в Париж. Был на поселке 7-й шахты старый казах, который помнил отца начальника особого воркутинского лагеря № 6 (Речного лагеря, то бишь Речлага) Деревянко по Беломорканалу и его дядю – по лагерям Печоры. И это был самый старый обитатель воркутинского лагеря (летом 1953 г. ему было 104 года) [29].

Еще одна история. Американец Джеймс С., отбывший срок в Воркутлаге, работал фельдшером санчасти

26-й шахты и на выходные собрался в город навестить дочь своего соседа, старого и больного литовца Альгирдаса Ш., который уже не мог ходить, а жил один. Девочка попала в больницу, которую недавно, пару лет назад, построили в самом центре города, на Московской улице. Рядом с больницей – двухэтажным зданием с неоклассическими колоннами – возвышался памятник Сталину. Мимо шли по своим делам горожане, неярко светило северное летнее солнце.

Подойдя ближе, Джеймс машинально отметил символику памятника – он стоял в окружении небольшого чугунного заборчика с греческим орнаментом, который обрамлял небольшой скверик, очертаниями похожий на лодку викингов. При этом Сталин стоял на «корме» этой посуды, сжимая в руках свиток непонятно чего. И вспомнился ему рассказ посадчика – ветерана шахты, грека из местечка Кабардинка, что возле Новороссийска – о том, что греческий орнамент – это очертания морской волны, а волна – символ жизни. Невесело улыбнувшись этому парадоксу – символ Зла в оковах символа моря – он зашагал дальше... Было холодное лето 1953 года...

Хотя Воркутинская детская больница действительно была построена в эпоху послевоенного сталинизма заключенными, это был также важный элемент городской инфраструктуры, который продолжал использоваться долгое время и после смерти Вождя. Она, как и многие другие сооружения, построенные заключенными и вольными, стоял как физическое проявление продолжающегося влияния Системы на жизнь советских граждан.

Кроме того, существование этой больницы сформировало жизнь детей и их семей на протяжении десятилетий. Именно в ней они получали медицинскую помощь, которая улучшила их жизнь, а кого-то и спасла от смерти. Кроме того, это были не только дети чиновников лагеря и рабочих, завербованных из-за пределов города. Чем больше заключенных освобождались из Воркуты в течение 1950-х гг., тем больше медицинскую помощь получали уже потомки бывших невольников – сотни, если не тысячи людей...

Там, где теперь улицы Московская и Шахтная, был лагерь, потом его перенесли на другую сторону шахты, западную, а на месте зоны стал строиться вольный поселок, который в ноябре (26-го) 1943 г. был преобразован в город Воркуту. Было тогда в новом городе мало вольных и много заключенных... (вольного населения было не более 5 тысяч человек. – М.Н.) [30].

В отличие от детей вольнонаемных рождение детей заключенных оформлялось справкой санотдела, где записана мать ребенка, а в графе «отец» ставился прочерк. Такие дети были в спецприемниках (Домах малюток) до двух лет, после чего их отправляли из Воркуты, Абези или Инты в детские дома министерства здравоохранения или образования, как правило, в более теплые края (сельхоз Красный Яг на Печоре, инвалидный лагпункт Адак на Усе, Архангельскую или Кировскую области). Матери после освобождения имели право вернуть ребенка, но если у них было поражение в гражданских правах, им запрещался выезд из мест лишения свободы, и воссоединение семьи откладывалось на несколько лет. Тогда женщины заключали фиктивный (а порой и настоящий) брак, чтобы супруг мог привезти ребенка.

Собираясь установить памятник матери, умершей в Минлаге в 1954, И.М. Хорол решил, что это должен быть символический памятник всем женщинам Гулага, погибшим в Инте. Поэтому, кроме личной памятной надписи «Хорол Зинаида Осиповна. 1908–1954. Светлой памяти дорогой мамочки, бесчеловечно убитой Гулагом», на цоколе памятника выбита еще одна надпись: «Безвестным и бесчисленным женщинам – жертвам сталинского террора. Имена ваши бессмертны». Памятник поставлен в километре от бывшего Сангородка Минлага (5-го лаготделения).

На 1 января 1949 содержащиеся в местах заключения осужденные женщины с детьми и беременные размещались в специально приспособленных помещениях (домах младенца) и в меньшей части в отдельных секциях общих барачков. Стоимость содержания одного ребенка, находящегося в детских учреждениях при местах заключения, обходился в день в 19 рублей 21 копейку или 7.012 рублей в год. Эта сумма складывалась из:

зарплаты аппарату и охране – 8 рублей,
питания – 7 руб. 50 коп.;
медикаментов и дезсредств – 1 руб. 26 коп.;
затраты на инвентарь – 1 руб. 20 коп.;
игрушки – 25 коп. и расходы – 1 рубль.

Средняя стоимость содержания одной заключенной женщины, имеющей при себе ребенка, обходилось в день в 12 руб. 72 коп. или 4,643 руб. в год. Общая стоимость содержания находящихся в местах заключения детей в год составляет свыше 170 млн руб. и неработающих беременных женщин и кормящих матерей в декретный период около 65 млн руб. Детей до 4-х летнего возраста было на 1 мая 1949 г. по всем местам лишения свободы около 26.000 чел. [31].

29 мая 1949 г. Указом «О возрасте детей, которые могут находиться при осужденных матерях в местах заключения» и постановлением Совмина № 2213 «О сокращении срока содержания при осужденных матерях

детей и передаче детей старше двух лет на содержание близких родственников осужденных или в детские учреждения» возраст содержащихся в детских учреждениях ГУЛАГа был снижен до двух лет. Дети более старшего возраста подлежали передаче на содержание близким родственникам осужденных матерей, а при их отсутствии или нежелании – в дома ребенка Минздрава СССР (на апрель насчитывалось 650 домов ребенка) и детские дома министерств просвещения союзных республик. Приказ МВД СССР № 0367 от 9 июня разъяснял, что «в случае отсутствия близких родственников или их отказа принять ребенка на содержание, детей в возрасте от 2 до 3 лет передавать в дома ребенка Министерства здравоохранения СССР, а детей старше 3 лет – в детские дома Министерств просвещения союзных республик»; этим же приказом предписывалось ежемесячно сообщать в ГУЛАГ данные о количестве переданных на содержание близким родственникам или в детские учреждения детей. Что происходило с детьми заключенных?

Еще в начале XX века детскими врачами Германии был выявлен так называемый «синдром госпитализации», который проявлялся у детей, надолго оторванных от родителей (больницы, детские дома и приюты). По данным Всемирной организации здравоохранения, в первые годы жизни у большинства воспитываемых вне семьи детей появлялись расстройства личности, которые выражались в поверхностных социальных связях, трудностях торможения эмоциональных реакций и иногда в ограниченности познавательной и перцептивной функции.

Поздние расстройства личности появлялись и в том случае, если дети после нескольких лет пребывания в этих учреждениях возвращались в семью... К трехлетнему возрасту они научаются более или менее самостоятельно одеваться, есть, быть опрятными и говорить. В основном они похожи на детей своего возраста, воспитываемых в домашних условиях. Правда, эти дети несколько отстают почти во всех областях развития психомоторики, существенно чаще болеют, чем воспитывающиеся в семье дети, и чаще детей, которые ходят в ясли. У них меньше сопротивляемость организма, живут они более изолированно, в защищенном от инфекции окружении [32].

Подходили к концу турбулентные 1950-е годы. Воркута и Инта приобрели вид благоустроенных городов, они стали настоящей базой дальнейшего освоения Севера. Абезь постепенно утрачивала позиции, достигнутые в 1940-е гг. Приходили в упадок мелкие поселки по трассе железной дороги от станции Косью до Воркуты и от станции Чум до станции Полярный Урал. Начался и постепенно набирал силу отъезд бывших заключенных и вольнонаемных. Им на смену приходили новые люди, но они попадали в те социальные условия, которые сложились в лагерное время. Грань между двумя самыми крупными социальными группами постепенно стиралась, многие привычки и традиции переходили к новичкам...

В 1959 г. на шахтах Воркуты было 2 405 руководящих и профессиональных должностей. 712 из них (28,5%) были заняты бывшими заключенными, осужденными по политическим статьям, 163 (6,5%) – членами Коммунистической партии. Среди 116 начальников производственных отделений 42 были бывшими заключенными и 17 коммунистами. Среди 721 наблюдателя было 240 бывших заключенных и 35 коммунистов. В комбинате «Печоршахтострой» среди 720 инженеров и менеджеров было 119 бывших заключенных и 134 члена партии. Среди 89 руководителей Капитальной шахты 86% были бывшими заключенными [33].

Для многих бывших заключенных и изгнанников, оставшихся в Воркуте, социальные сети стали мощной силой. Архивные и мемуарные свидетельства говорят, что социальные сети, сформированные в лагере, выходили за пределы «зоны» после освобождения. Бывшие заключенные полагались на других бывших заключенных, чтобы помочь утвердиться на свободе, особенно при поиске рабочих мест и жилья. Такая помощь (реципрокность по К. Поланьи) может принять форму временного места за пределами пространства и времени, чтобы искать постоянное жилье, сочувственное рассмотрение для поиска работы или постоянного жилья в общежитии.

Социальные сети, сформированные на третьем этапе кризиса идентичности, не только расширялись и адаптировались к новым обстоятельствам. В городе остались не только бывшие заключенные и ссыльные. Различные не заключенные сотрудники лагерного комплекса и связанных с ним отраслей также оставались в Инте и Воркуте во время их перехода из «среднего» города-крепости в обычный город, и они продолжали играть важную роль в городской жизни.

Все, кто жил в этих городах, выиграли от успешной эксплуатации угольных шахт, и этот фактор, похоже, проделал долгий путь для поддержания относительной социальной гармонии в *городе-комбинате*. Примеры, описанные выше, по общему признанию, ограничены. Но они действительно демонстрируют, что преэминентность в населении и трудовой практике означала, что многие из институциональных, социальных и экономических отношений продолжали жить после массовых освобождений 1950-х и быстрой трансформации ГУЛАГа.

Постоянное присутствие стольких бывших заключенных, изгнанников и должностных лиц лагеря означало, что многие отношения и практики, которые начались в одном конкретном политическом и

экономическом контексте, продолжали существовать в городе-комбинате, хотя и в несколько измененных формах. Так же, как лагерный комплекс не был четко ограничен в пространстве, он также не был ограничен во времени, и он продолжал оказывать долгосрочное воздействие на Воркуту и тысячи сообществ, связанных с ГУЛАГом по всему Советскому Союзу.

Те воркутяне, которые приехали сюда за длинным рублем, отличались варварским отношением к городу и природе. Переступив порог своей квартиры, такой воркутянин ведет себя на лестнице, во дворе и на улице хуже москвича, потому что, прожив на Воркуте десять или даже двадцать лет, он не чувствует себя здесь постоянным жителем, оттого ничего и не бережет. Подъезды в наших домах грязны, ободраны, двери разбиты, дворы между однообразными, унылыми пятиэтажными домами утопают в грязи, потому что коммунальные службы чистят только две-три центральные улицы, а жители бросают мусор где попало. Весной, когда сходит снег, – у нас это бывает в июне – мы выходим на субботники убирать наши дворы, чтобы на другой же день снова их загадить.

В Инте начиная с марта 1958 в течение года были ликвидированы все подразделения МВД, разобраны все вышки и ограды из колючей проволоки. Что касается заключенных, то специальная комиссия летом 1956 г. стала в срочном порядке пересматривать их дела. При этом подавляющее большинство тут же освобождалось из-под стражи как необоснованно репрессированные, а оставшихся переводили продолжать заключение в Воркуту, на цементный завод или на юг Коми края для работы на лесоповале.

Большинство отправляли в Красноярский край, на строительство Тайшетской железной дороги... Столь массовое и непредвиденное освобождение заключенных обернулось для них новой трагедией, правда, временного характера, перед каждым встал вопрос, где же жить? Выход был найден трагикомический – освобожденных людей вновь возвращали в бывшие лагерные бараки, превращаемые в своего рода квартирники для малосемейных или в общежития для одиночек.

Заключение

Только в 1953–1958 гг. приблизительно 105 000 заключенных были освобождены из лагеря в Воркуте и около 30 000 в Инте [34]. Хотя не все из этих бывших заключенных остались в городе, осторожная оценка предполагает, что по крайней мере одна треть населения Воркуты и одна пятая часть Инты в конце 1950-х гг. состояла из бывших заключенных и ссыльных. Эти бывшие заключенные вместе с десятками тысяч вербованных, в основном демобилизованных солдат и комсомольцев-добровольцев, которые приехали в город в рамках различных кампаний волонтерской трудовой мобилизации, такие как «социальный призыв» Хрущева, начатый в 1956 г., сумели противостоять тем, кто приехал в Инту и Воркуту за длинным рублем и о которых так презрительно отзывались П.О. Бурсиан и П.И. Негретов. С притоком населения бывшие заключенные и ссыльные обеспечили социальную опору города.

К началу 1960 г. шахты Воркуты отработали всё, что можно было отработать по примитивным технологическим схемам. Отработали свои запасы и были закрыты шахты № 2, 3, 4, 6, 8, 12, 19. Строительство новых шахт неминуемо должно было привести к удорожанию и без того не дешёвого воркутинского угля. Раздались первые голоса в пользу того, чтобы не строить новые шахты, а отработать имеющиеся и закрыть город. Тогда этого не произошло. Учёные и практики доказали, что глупо брать за основу расчетов стоимость тонны угля.

День городов-крепостей миновал, и теперь городское сообщество – это, прежде всего, место концентрации населения и промышленной деятельности на географической карте, тесно связанное с личными и имущественными интересами всех граждан в сфере его влияния, которая часто распространяется на и за пределами самого города [35]. Важно заметить (вслед за И.Л. Жеребцовым), что города *строятся и разрушаются силами закона и экономики, спроса и предложения, денежного потока и прибыли, в гораздо большей степени, чем силой идеалов, намерений, талантов и видения архитекторов и проектировщиков.*

Старая концепция города-крепости как общего предприятия (некоторые авторы считают хозяйство городов ГУЛАГа разновидностью феодального поместья) очень резко и драматично была ослаблена из-за разрушения его стен и превращения в более открытое состояние [36].

Таким образом, история Воркутского Гулага заканчивается в начале 1960-х гг., когда зона перестала быть определяющим фактором в городе. Правда, исправительно-трудовой лагерь существует в Воркуте и по сей день. Городская зона исчезла в прошлом, но ее социальный облик интересен не только с точки зрения исторического любопытства. Город современных шахтеров вырос на ядре заключенных, он существует в пространственных рамках, созданных в соответствии с логикой строительства концентрационного лагеря. Не так давно жесткие нормы, которые содержали шахтеров в порядке на шахтах, были отменены. Свободные шахтеры, начиная с периода Отечественной войны, пришли к зональным шахтам и заняли статусное положение рядом с заключенными.

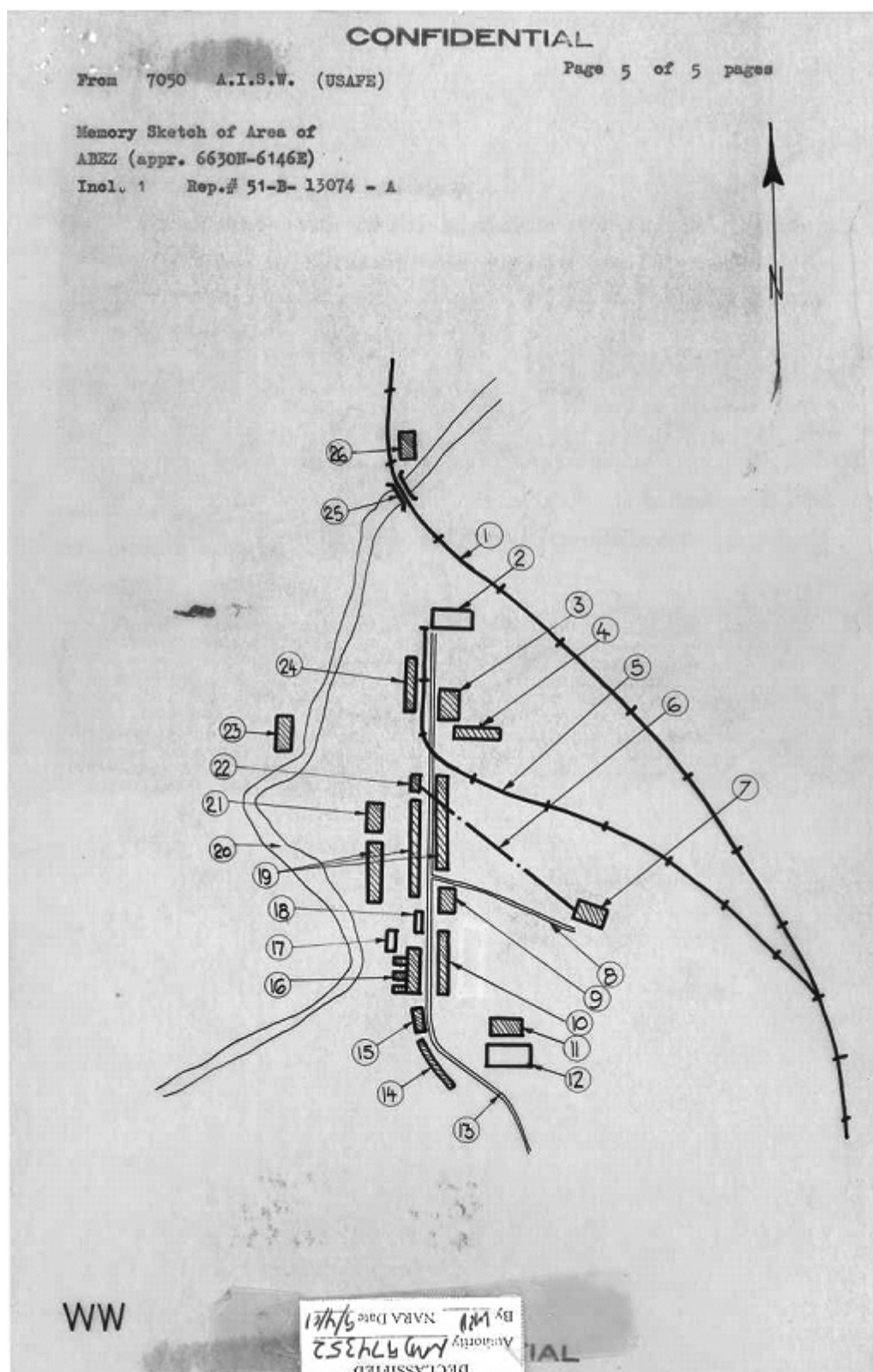
Тюрьма плавно превратилась в современную шахту, сохранив в ней свой дух. Новые поколения мигрантов прибыли в Воркуту и не имели никакой личной связи с ГУЛАГом, но они были погружены в атмосферу,

созданную в течение трех десятилетий, и, не замечая этого, были пропитаны им. Это источник уникального колорита Воркуты, легко замечаемого посетителями: крайняя географическая удаленность и отсутствие духа провинциализма, суровый нрав и мятежный дух, психологии временных работников, которых могут вытащить отсюда в любой день и глубокая враждебность к властям.

Литература источники

1. Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983. Исследования и материалы, серия 1-я, выпуск 23-й.
2. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность: Сб. научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.
3. Frances L. Bernstein, Christopher Burton, Dan Healey. Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. Northern Illinois University Press, 2013. P.15. Рец.: Slavic review 2013 v. 40; 936–8.
4. Эптельбаум Энн. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с. Раздел «Санчасть: больницы и врачи».
5. Историко-культурный атлас г. Ухты / Ред.-составитель И.Д.Воронцова. Ухта: Изд-во Титул, 2009. 507 с. Раздел «История медицины и здравоохранения Ухты» (с. 355–376); Афанасьева Т.Г., Терентьева С.Б. Времена не выбирают: Из истории здравоохранения Печорского края. Сыктывкар, 2012. 271 с. URL: <https://neb.nbrkomi.ru/docs/common/RKOMIBIBL0000322778> (дата обращения: 18.11.2019); Григорова Н.И. Летопись интинского здравоохранения: взгляд сквозь время. Инта, 2013. 400 с. URL: https://infourok.ru/kniga_o_vrachah_goroda_inta.-398939.htm (дата обращения: 18.11.2019); Максимова Л.А., Беловол А.А. Городское население в Коми АССР в 1930–1950-е годы // Историческая демография. 2019. № 1 (23). С. 19–22; Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар, 2005. Очерк Г.В.Загайновой о населении Коми АССР в Историко-культурном атласе Республики Коми начинается с 1959 года, то есть выходит за пределы хронологических рамок данной статьи (с. 208–227).
6. Barenberg Alan. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press. 2014.
7. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998. 600 с.; Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000; Морозов Н.А. Воркутлаг // Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: Изд. дом Дрофа; изд-во ДиК, 1997. С. 132–133.
8. Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983; Кустышев А.Н. Применение подневольного труда в ходе освоения недр Коми АССР // Актуальные проблемы отечественной историографии. СПб.: Нестор, 1997. С. 47–49; Фаузер В. Население // Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 57–60; Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа, вып. 17).
9. “GULAG” The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia, New Edition Prepared for the Free Trade Union-Committee of the American Federation of Labor, 1951; Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983; Печорский угольный бассейн. Сб.статей. Сыктывкар: Коми кн.изд-во, изд-е комбината Воркутуголь, 1957. 328 с.; Морозов Н.А. Операция «Wringer»: из истории деятельности американских спецслужб: (1946–1956) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Тезисы докладов III региональной научно-теоретической конференции (22 апреля 2004 г., Сыктывкар): В 2-х ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2004. Ч. II. С. 77–80; Морозов Н.А. История интинских лагпунктов // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Мат-ы Всеросс. науч. конф. (Сыктывкар, 29–31 окт. 2007 г.). Сыктывкар, 2009. С. 180–200; Морозов Н.А. Документы коллекции «Wringer» Национального архива США как источник по истории Коми АССР (1945–1955 гг.) // Становление и развитие системы управления в России. Сб. науч. статей. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. Вып. 7. С. 31–41; Морозов Н.А. Новые документы по истории территориального развития Воркуто-Интинского региона РК в послевоенный период (1945–1955) // История и перспективы развития Северных регионов России. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. С. 32–35.
10. Ложникова И.Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы: Автореф. на соиск. уч. ст. кандидата культурологии. М., 2008. 21 с.; Морозов Н.А. Дж. Стаффорд против Г. Эспенлауба: неизвестная страница Великой Отечественной // Былые годы. Сочи. 2010. № 3 (17). С. 5–10; Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Лабунова О.В. Культурная эволюция заполярного города: от города-концлагеря к городу-призраку (часть 1) Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар // Журнал Известия КНЦ УрО РАН, 2018.
11. Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) // Региональные исследования (Смоленский гос.ун-т). 2017. № 2 (56). С. 33–43.
12. Панин Димитрий. Солженицын и действительность. Париж, 1975.
13. Петкевич Т. Жизнь – сапожок непарный. В 2-х кн. М.: Балтийские сезоны, 2017. 1048 с.
14. Эптельбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 44.
15. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис, 1994. С. 607.
16. Подсчитано автором на основе архивных источников ГАРФ и НАРК с использованием некоторых данных из статьи В. Ильина (1999).

17. Шолмер Дж. Воркута / Пер.с нем. Роберт Ки // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1799. Л. 251–255.
18. Barnes Steven A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011; Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
19. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Петрозаводск: Изд-во Карелия, 1991. С. 167–168.
20. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1869. Л. 6.
21. Wringer Reports 52B-9655A (042), p.1; Угольная сокровищница Севера: Сб. документов и материалов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 300.
22. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 1; Д. 554. Л. 1, 6.
23. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.
24. Там же. Л. 11.
25. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 575. Л. 16–17, 18–19.
26. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 575. Л. 36–37.
27. Быховский Б.В. Живое слово: Повесть об одной судьбе. Б.м., 1994. 182 с.
28. Васюхнов С.С. Чересполосица // Петля-3: Воспоминания, очерки, документы / Сост. Е.А. Кулькин. Волгоград, 1996. С. 56–125.
29. Малумян А. Июль пятьдесят третьего / Пер. с франц. Л. Новиковой // Воля. 1997. № 6–7. С. 127–135; Šerėnas Algirdas (1930–1998). Vorkutos mirties lageriai. Vilnius, 1997. 672 p.
30. Негретов П. Все дороги ведут на Воркуту. Benson, Vermont, 1985. 235 с.
31. Петров Н.В. История империи ГУЛАГ, гл.11. URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava11.htm> (дата обращения: 18.11.2019).
32. Пиклер Э. Современные формы проявления госпитализма // Особенности развития личности ребенка, лишённого родительского попечительства. Дети с отклоняющимся поведением / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1989. С. 31–38.
33. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность: Сб. науч. трудов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.
34. Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. P. 203.
35. Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) // Региональные исследования (Смоленский гос.ун-т). 2017. № 2 (56). С. 33–43.
36. Morris D. Self-Reliant Cities: Energy and the Transformation of Urban America, New Rules Project, Minneapolis. 2008. 115 p.

Расшифровка схемы:

- 1 – ж.д. Инта-Воркута
- 2 – лесопильный завод, три рамы
- 3 – лагпункт на 1000–1800 чел., семь бараков, много иностранцев

- 4 – гарнизон охраны, 4 барака на 250–300 чел.
- 5 – ветка ж.д.
- 6 – высоковольтная линия электропередачи
- 7 – поселковая электростанция
- 8 – грунтовая дорога
- 9 – женский лагпункт на 500 чел.
- 10 – поселок вольнонаемных
- 11 – мужской лагпункт на 3000 заключенных, много иностранцев
- 12 – футбольное поле
- 13 – дорога через поселок в направлении на юго-восток
- 14 – Южный поселок из нескольких десятков небольших деревянных домов
- 15 – детский сад
- 16 – казарма охраны в три крыла на 300 человек. Сгорела в 1949 г., обвинили немецких военнопленных, которых срочно отправили обратно в Инту на шахты.
- 17 – котельная, 20х10х10 м
- 18 – двухэтажный деревянный клуб, 20х30х12 м
- 19 – бараки вольнонаемных, 10х6х5 м., каждый на 20–25 жителей
- 20 – река Уса
- 21 – рыбоконсервный завод, здание 30х40х20 м., двухэтажное, в 1949 г. уже не действовал.
- 22 – трансформаторная подстанция, кирпичная, 7х7х5 м
- 23 – деревня Абезь, где в 1946-48 гг. шла разведка на нефть, безуспешная.
- 24 – овощехранилище Абезьского лаготделения
- 25 – мост через Усу, длина около 3 км
- 26 – лагпункт, около 1000 заключенных, большинство – политические

*Е.Ю. Захарова**

БАКАЛЛАГ как градообразующий фактор в истории Металлургического района города Челябинска

В статье рассматривается история создания Металлургического района города Челябинска на базе существовавшего здесь в годы Великой Отечественной войны БАКАЛЛАГа, где находились немцы-трудармейцы.

Ключевые слова: ГУЛАГ, трудармейцы, БАКАЛЛАГ, Великая Отечественная война, Челябинск

E. Y. Zakharova

BACALLAG as a city-forming factor in the history of the Metallurgical district of the city of Chelyabinsk

The article discusses the history of the creation of the Metallurgical District of the city of Chelyabinsk on the basis of the BACALLAG, which existed here during the Great Patriotic War, where the Germans were workers.

Key words: GULAG, labor soldiers, BACALLAG, World War II, Chelyabinsk

Сегодня Металлургический район города Челябинска часто называют «городом металлургов», а жителей района – металлургами. Территория будущего района вошла в состав города Челябинска в 1949 г. Но первое поселение – деревня Першино – появилось еще в 1743 г.

В начале 30-х гг. XX в. было решено начать промышленную добычу шпатового железняка на Бакальском руднике Златоустовского уезда, залежи которого были известны с конца XIX в. Первоначально завод планировали построить недалеко от рудника в городе Бакал, но в 1931 г. было принято постановление Правительства о строительстве металлургического (сталелитейного) завода на Першинской площадке под Челябинском [1]. Так в 1931 г. недалеко от деревни Першино появился небольшой поселок жилья для строителей, который получил название Бакал. Но вскоре строительство было приостановлено, а руководитель стройки М.А. Жариков был арестован и сослан на лесозаготовки, где и погиб. Реабилитирован он будет уже посмертно, в 1957 г. [2].

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война, и было решено вернуться к строительству металлургического завода в Челябинске, но теперь за строительство завода отвечал глава НКВД Л.П. Берия, который руководил всей системой ГУЛАГа. Стройка в Челябинске получила название БАКАЛЛАГ, потом – ЧелябЛАГ, а позднее – Челябметаллургстрой. Руководил строительством нового завода и являлся начальником всех лагерей БАКАЛЛАГа генерал А.Н. Комаровский. С февраля 1942 г. в статусе трудармейцев в БАКАЛЛАГ прибывают советские немцы [3]. Позднее национальный состав заключенных был несколько расширен как за счет советских граждан, так и представителей других государств (Финляндии, США, Италии, Румынии и др.).

Сегодня хорошо изучены общие вопросы истории системы ГУЛАГа на территории Урала [4]. С нравственно-этической точки зрения трудно переоценить издание в первые десятилетия XXI в. Книг Памяти по отдельным лагерям (в том числе – БАКАЛЛАГа [5]), где представлены биограммы узников системы ГУЛАГа.

Работа по подготовке и публикации документов из Объединенного Государственного архива Челябинской области о советских немцах на строительстве Челябинского металлургического завода проведена Е.Н. Туровой [6], определены общая численность трудармейцев и основные потоки их поступления в БАКАЛЛАГ. В публикациях также нашли отражение условия работы, быта и система наказаний трудармейцев [7]. В 2018 г. появилась первая коллективная монография, посвященная исправительно-трудовому лагерю БАКАЛЛАГ–Бакалстрой–Челябметаллургстрой [8].

Строительные площадки БАКАЛЛАГа располагались не только на территории будущего Металлургического района, но и в других местах Челябинской и нынешней Свердловской областей. На территории будущего района Челябинска дислоцировалось 12 лагерей. Вся территорию строительства, включая деревню Першино, обнесли двойным рядом колючей проволоки. Общая длина заграждения составила 30 км, через

* Захарова Елена Юрьевна (Челябинск) – Почетный работник основного общего образования РФ, старший преподаватель Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования; 454113, г. Челябинск, ул. Красноармейская, д.88, zahlena74@gmail.com

равные промежутки располагались контрольные вышки. Основная территория имеет четкие ландшафтные границы, очерченные рекой Миасс и реликтовым Каштакским бором, а заводская строительная площадка замкнула это пространство. Объект был полностью засекречен.

Каждый лагерь располагался отдельно и имел свою заградительную систему из колючей проволоки с дополнительными конвойными вышками. В каком порядке строились лагеря, пока установить не удалось. Железнодорожный состав прибывал в Мельничный тупик [9]. Это на другом берегу реки Миасс возле мельзавода «Победа» (бывшая мельница бр. Степановых). Людей высаживали, строили колоннами. Дальше они двигались по мосту через реку. Мост, по которому в район идет транспорт сегодня, появился в конце 1950-х гг. А первый был разобран, но сохранилась его фотография 1946 г. Напротив моста располагалась вахта – вход в лагерную территорию (ныне – общежитие по ул. Комаровского 13-А). От вахты шел прямой асфальтированный (или просто покрытый хорошо укатанным гравием) путь. Слева от дороги – Управление строительством и БАКАЛЛАГом (ныне – территория тубдиспансера).

Большинство трудармейцев – это мужчины. Но в системе БАКАЛЛАГа, как указывают воспоминания очевидцев, был женский лагерь № 13 в районе ул. Павелецкой, где сегодня располагается женская колония. Есть информация, что на ее территории частично сохранились строения бывшего лагеря (отдельные бараки, которые существенно перестроены).

Также бывшие трудармейцы отмечают, что были и смешанные лагеря, например – лагерь № 1, границы которого очерчивают современные улицы Черкасская, 50-летия ВЛКСМ и шоссе Metallургов. До середины 90-х гг. XX в. здесь сохранялось одноэтажное здание барачного типа, которое функционировало до этого времени как баня. Старожилы утверждают, что эта баня существует со времен войны. Здание было разрушено во время строительства автостоянки и автозаправки в начале XXI в. Достоверно известно, что главным основанием для выбора места постройки нового здания католического костела (ул. 50 лет ВЛКСМ, 16-А) [10] стали воспоминания немцев-трудармейцев о лагере, располагавшемся здесь во время Великой Отечественной войны.

Южную часть лагерей в единое пространство связывала железнодорожная ветка, которая тянулась от промышленной зоны (ЧЭМК), ее тупик был в лагере стройотряда № 6. В изученных нами официальных документах назначение этой дороги установить не удалось. Сами лагеря располагались по обе стороны железнодорожной ветки. Все свидетельства очевидцев говорят о том, что эта узкоколейка не использовалась для транспортировки будущих трудармейцев в лагеря, но, по всей видимости, использовалась для хозяйственных нужд. Имелся железнодорожный переезд в районе пересечения современных улиц Сталеваров и Винницкая. Следы этого переезда сохранялись до начала 1990-х гг. в виде остатков ограждений и не закрытого асфальтом железнодорожного полотна. Наиболее ярко следы этой железнодорожной ветки сохранились в районе улицы Черкасская, где до начала 1970-х гг. располагался мост через это железнодорожное полотно. Фотографий моста нами обнаружено не было. Все очевидцы утверждают, что девятиэтажные дома, построенные в 80-е гг. (ул. Черкасская 2-А, Шоссе Metallургов 35-б, 47-А, ул. 50 лет ВЛКСМ 4), располагаются пунктиром прямо по бывшей железнодорожной насыпи. Справа от железнодорожной ветки на некотором удалении располагался стройотряд № 8. Ныне здесь располагается мужская колония.

Далее справа по маршруту дороги располагался лагерь № 7. Пространство вокруг лагеря было застроено в 1950-х – начале 1960-х гг. На части лагеря между улицами Шоссе Metallургов и Пятницкой возник рынок (сегодня – рынок «Мехеевский»). Очевидцы указывают на то, что закрытые торговые ряды располагались в одноэтажных барачных зданиях вдоль заборов рынка, а между ними была большая ровная торговая площадь, где разместили ряды деревянных прилавков. На пространстве за ул. Пятницкой до ул. Пекинской до конца 1970-х гг. сохранялись отдельные бараки и их фундаменты. В начале 1980-х гг. на этом месте некоторое время был пустырь. Сегодня здесь располагается школа № 73 и здание районной налоговой службы. Вероятно, что это бывший плац лагеря, где проходили ежедневные построения и развод на работу.

В начале железнодорожной ветки с левой стороны располагались лагеря (или лагерь) стройотрядов № 9 и № 10. Сегодня часть этой территории современного поселка Молодежный застроена жилыми домами, а часть территории занимает колония для несовершеннолетних. Следы планировки бывшего лагеря нами не выявлены. Свидетельства очевидцев показывают, что на территории одного из этих строительных отрядов располагался центральный лазарет. Именно отсюда всех умерших отправляли в братскую могилу, которая располагалась в районе шлакоотвалов ЧМК. Здесь в 1990-е гг. по инициативе германской стороны был установлен памятный знак в виде католического креста.

Сопоставление данных топонимики и воспоминаний очевидцев позволяют нам утверждать, что место работы стройотряда № 5 – Каменный карьер, который сегодня располагается на западной окраине Metallургического района. Информации для определения места этого лагеря недостаточно. По официальным документам стройотряды № 15 и № 16 работали на одном объекте. Точно зная дислокацию стройотряда № 15, мы

предполагаем, что стройотряд № 16 располагался где-то неподалеку. Особенности застройки этого участка позволяют нам выдвинуть версию о том, что на месте этих лагерей долгое время располагалось тепличное хозяйство ЧМК. Стройотряд № 3 работал на ТЭЦстрое. Можно предполагать, что трудармейцы этого отряда проживали относительно недалеко от места работы. Опрос старожилов современного хутора Миасский подтвердил факт нахождения здесь в годы войны лагеря, в котором располагались лица немецкой национальности. Сегодня лагерь строительного отряда № 2 – это территория современного торгового комплекса «Орбита», который располагается с правой стороны от железнодорожного полотна Мельничного тупика и на противоположном берегу от основной территории лагеря.

Самым большим был лагерь стройотряда № 6, пространство которого очерчивается улицами Черкасская, П. Калмыкова и шоссе Metallургов. Именно здесь располагается улица Комаровского. Рассекреченные архивные документы свидетельствуют о том, что его рукой были подписаны многочисленные приказы о расстрелах и жестоких наказаниях трудармейцев. За зданием вахты (ул. Комаровского 13-А.) сохранился лагерьный плац (ныне – территория школы № 42). На плацу проводили распределение трудармейцев по лагерям и ежедневные построения в стройотряде № 6. За плацем стояли бараки, построенные еще до войны для первых строителей завода (пятиэтажки 1960-х гг. по ул. Комаровского построены на месте бараков и полностью повторяют их расположение). По левой стороне от лагерьной вахты имелись дополнительные линии колючих заграждений, которые образовывали отдельную зону. В зоне располагались землянки, в которых жили трудармейцы, а также их столовая, баня, красный уголок и др.

Шоссе Metallургов можно рассматривать своеобразной границей между лагерьной жизнью и полноценной. Севернее этого шоссе трудармейцы строили так называемый Соцгород (до ул. Мира), где жили прибывавшие на завод металлурги. Сохранившиеся до наших дней дома этих кварталов имеют необычную (европейскую) архитектуру [11]. Планировку Соцгорода разрабатывали ленинградские архитекторы, поэтому главный принцип этой части современного района – прямые параллельные протяженные улицы, которые делятся на кварталы перпендикулярами других улиц.

Сохранились отдельные фотографии 1941–1942 гг. для фотоальбома-отчета НКВД и фотоальбом 1946 г. МВД СССР Челябинметаллургстрой «Гужтранспортное хозяйство», что позволяет визуализировать это пространство. Отдельные фотографии можно привязать к конкретным пространствам современного Metallургического района.

В 1946 г. часть трудармейцев была переведена на строительство химкомбината «Маяк» (ныне – г. Озёрск). Все категории трудармейцев после 1948 г. были демобилизованы из рабочих стройотрядов НКВД и переведены на спецпоселение здесь же. Расселяли их в наспех перестроенных лагерьных бараках или вновь построенных домах без коммунальных удобств. Свободно покинуть эту территорию бывшие трудармейцы смогли только после 1957 г., когда получили паспорта.

В 1949 г. территория бывшего БАКАЛЛАГа вошла в черту города Челябинска как административная единица – Metallургический район. Вплоть до наших дней район сохранил свою основную территорию в рамках пространства бывшего лагеря, основные транспортные магистрали района соответствуют границам между лагерями. За прошедшие десятилетия следы ГУЛАГа исчезли с лица района, но сохранились кварталы, построенные трудармейцами. Память об истинных первостроителях нашего района пока не нашла своего отражения в пространстве Metallургического района: нет улиц, названных в честь этих людей, нет музея БАКАЛЛАГа.

«Архипелаг ГУЛАГ» включал в себя огромные территории СССР. Во многих регионах лагеря располагались по соседству с населенными пунктами или в некотором отдалении от них. С крушением системы ГУЛАГа лагерьные зоны оказались заброшенными и забытыми, из многих поселков при лагерях уехало все население. В отличие от них БАКАЛЛАГ стал основой для образования нового административного района города Челябинска.

Источники и литература

1. Челябинский металлургический комбинат. Сквозь годы: Исторический очерк. Челябинск: Челябинский металлургический комбинат, 1994. 495 с.
2. Челябинск: Энциклопедия / Сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1121 с.
3. Кригер В. Патриоты или предатели: полит. и уголов. процессы против рос. немцев в 1942–1946 гг.: [с.: 95-98: о работе чекистов Бакаллага Челябинметаллургстроя (ЧМС) НКВД по вынесению приговоров трудармейцам] // Родина. 2002. № 10. С. 93–98.
4. Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук; Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Маламуд Г.Я. Использование труда мобилизованных советских немцев в промышленности Урала в 1940-х гг. // Урал в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. Екатеринбург: НИСО УрО

- РАН, БКИ, 1998. Ч. 1. С. 454–457; *Турова Е.П.* Под опекой НКВД // Челябинск. История моего города. Книга для чтения / Под ред. В.С. Боже, Г.С. Шкребня. Челябинск: АБРИС, 2005. С. 203–206.
5. GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946 / Авторы-составители: В. М. Кириллов, С. Л. Разинков и др. М.: МСНК; Нижний Тагил: НТГСПА, 2011–2014. Т. 1–4.
6. *Турова Е.П.* Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода, 1942–1945 гг. // Советские архивы. 1992. № 2. С. 72–83; *Турова Е.П.* Документы Объединенного Госархива Челябинской области о советских немцах на строительстве Челябинского металлургического завода // Научно-информационный бюллетень – 2000. 33 (23). С. 8–11.
7. *Турова Е. П.* Приказано: расстрелять // Врата Рифея: Сб. М.: Московский писатель, 1996. С. 290–296.
8. Фрицляндия на Урале. Российские немцы в лагере принудительного труда Бакаллаг-Челябметаллургстрой. 1942–1946 / Авт. кол. под ред. В.М. Кириллова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 799 с.: ил. – (История сталинизма).
9. Мельничный тупик // Челябинский металлург. 1997. 12 июня.
10. *Бажанова, А.Д., Захарова, Е.Ю.* Архитектурная история католических храмов Челябинска // Гороховские чтения: Материалы IV региональной музейной конференции. Челябинск, 2013. С. 215–218.
11. *Коньшева Е.В.* Ансамбль соцгорода ЧМЗ: [застройка улиц р-на: 30-50-е гг. XX века] // Челябинская область. Архитектура. Строительство. 2004. № 4 (7). С. 8–9.

М.Ф. Абдуразаков*

Влияние советской власти на процесс урбанизации в Казахстане (вторая половина XX в.)

В статье прослеживаются основные тенденции процесса урбанизации в Казахстане во второй половине XX в. Анализируются историография и современное состояние по изучению указанной тематики. В наши дни история урбанизации становится одним из актуальнейших исторических направлений. Исторический опыт развитых стран мира говорит о том, что уровень урбанизации является важнейшим фактором в изучении социально-экономического развития государства.

Ключевые слова: урбанизация, история Казахстана, советский период, историография, города Казахстана, численность городского населения, миграция

M.F. Abdurazakov

Influence of Soviet Authority on the Process Urbanizations in Kazakhstan (second half of the XX century)

The main trends in the urbanization process in Kazakhstan in the second half of the twentieth century are traced in the article. Historiography and the current state of the study of this topic are analyzed. Nowadays, the history of urbanization is becoming one of the most relevant historical areas. The historical experience of developed countries of the world suggests that the level of urbanization is the most important factor in the study of the socio-economic development of the state.

Key words: urbanization, history of Kazakhstan, the Soviet period, historiography, cities of Kazakhstan, urban population, migration

Процесс урбанизации в Казахстане набирает обороты, очевидны рост и увеличение числа городов и соответственно городского населения. В этой связи, по нашему мнению, становится наиболее актуальным изучение исторического опыта становления процесса урбанизации во второй половине XX в., когда происходят важнейшие изменения в социально-экономическом портрете Казахской ССР.

Исследуя историю формирования процесса урбанизации в Казахстане, отметим наличие определенной историографической базы. Среди многих научных трудов стоит выделить многотомник «Советский Союз», изданный в 1970 г., где один из томов был посвящен Казахстану. В книге даются описания различных районов Казахстана, городов и достопримечательностей, приводятся природно-географические показатели [1].

Многие ученые, изучая историю становления и развития городов Казахстана XX в., уделяли большое внимание анализу социально-экономических, этнодемографических и культурных аспектов. При этом основной интерес занимают работы, связанные с исследованием отдельных городов Казахстана. Так, в работах Х.Б. Табылдиева был описан город Гурьев (ныне – город Атырау) [2], А.К. Иваненковым рассматривалась история формирования населения города Караганды [3], А. Абдрасилов подверг анализу историю формирования города Джамбул (ныне – город Тараз) [4], А.С. Елагин – город Костанай [5]. Однако анализируя работы, написанные исследователями в советский период, отметим, что в основном советскими учеными рассматривались только позитивные моменты, связанные с исследованием периода формирования и развития городской индустрии, а изучению отрицательных сторон уделялись лишь небольшие абзацы. Все вышеуказанные работы были опубликованы в 1970-х – начале 1980-х гг., что позволяет выделить аспект изучения отдельных городов как образцов развития городской культуры Казахстана.

Отдельно выделим работы, изданные в середине 1980-х гг., в которых исследовались некоторые стороны процесса урбанизации в Казахстане. К примеру, проблемы народонаселения и изучения региональных особенностей Казахской ССР были рассмотрены А. Петровым [6]. По утверждению автора, ускорение темпов

* Абдуразаков Мадияр Фуркатович (Нур-Султан, Республика Казахстан) – докторант специальности «6D020300-История» Евразийского национального университета Л.Н. Гумилева; 010000, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева 2; e-mail: madi13@bk.ru.

промышленного развития сыграло важную роль в усилении темпов территориального перемещения населения, что привело к росту городского населения. Однако в 1960–1970-х гг., по данным исследователя, происходит формирование отрицательного сальдо механического движения, которое складывалось в результате обмена со всеми экономическими районами РСФСР и другими союзными республиками, что отразилось на динамике городского населения региона [6, с. 37]. В это же время публикуется работа У.М. Исакова, где автор, рассматривая историю формирования городов Казахстана, уделяет особое внимание исследованию социально-экономической сферы. Также отдельно исследуются такие стороны процесса урбанизации Казахстана, как связи с общегосударственными и региональными проблемами, особенности территориального размещения населения, связанные с развитием производственных сил, типами и размерами поселений, ограничением роста больших, малых и средних городов, регулирование миграционных потоков населения, обобщение накопленного опыта строительства городов и т.д. [7].

Качественно новыми подходами к исследуемому вопросу отличаются работы М.Х. Асылбекова, написанные как отдельно [8], так и совместно с А.Ш. Алтаевым [9; 10] и опубликованные в 1990-е гг. В данных работах анализируются социально-экономические, демографические и политические последствия индустриализации, а также особенности формирования национальных кадров рабочего класса. В данных работах отмечается, что высокий миграционный приток в Казахстан из других регионов Советского Союза явился следствием командно-административных методов руководства в период коллективизации, форсированной индустриализации и позже – в связи с индустриальной направленностью развития.

Отдельно выделим работы ученых в области демографии, в частности, Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко, исследовавших демографические, миграционные и урбанизационные процессы современного Казахстана. В книге ученые исследуют такие элементы процесса урбанизации, как тенденции изменения численности и этнической структуры населения Казахстана, его социальный состав, вопросы миграции [11]. Другой исследователь В.В. Козина рассматривает демографические процессы на территории Казахстана за период с конца XIX до начала XXI в., в ходе изучения которого заостряет внимание на следующих сторонах: численность и размещение населения, естественное движение и миграционные процессы, формирование и развитие структурных элементов народонаселения [12].

Переходя к работам, опубликованным в 2000-е гг., важно отметить статью Д.А. Гали, где автор анализирует развитие системы городских поселений в Казахстане в 1959–1999 гг. Исследователем была проведена большая исследовательская работа. В частности, классифицированы городские поселения в зависимости от количества проживающего в нем населения, изучены особенности их формирования, дана статистическая оценка урбанизационных процессов как в целом по Казахстану, так и по регионам в отдельности [13].

Обобщая работы указанных авторов, можно сделать следующий свод данных по истории формирования процесса урбанизации в Казахстане.

По итогам Первой переписи населения Российской империи в Казахстане проживало 4 млн 333 тыс. чел., из них 93,6% людей проживало в сельской местности, а остальные 6,4% жителей проживали в 22 небольших городах Казахстана. Самым крупным городом был город Орал (36,4 тыс.), Верный (Алматы) (22,7 тыс.), Семей (20,2 тыс.), Петропавл (19,7 тыс.). В остальных городах проживало менее 10 тыс. чел. [14, с. 634]. По этим данным мы можем видеть, что в конце XIX в. Казахстан был аграрным краем.

Города дореволюционного периода возникали главным образом как военно-административные и торговые пункты. Одинокими, редкими точками они были разбросаны на крупных реках в северной части Казахстана, вдоль обильно орошаемых горными речками предгорий на востоке и юго-востоке и по Сырдарье – на юге. Самые древние из них – Чимкент, Туркестан (Яссы), Джамбул (Тараз) – упоминаются в VI–XII вв. Однако большинство старых городов основано при русской колонизации края в XVII–XIX вв. [1, с. 122].

После образования СССР развитие Казахстана обрело другое направление. Данный факт повлиял и на процесс урбанизации в Казахстане. По данным Всесоюзной переписи населения в 1926 г. в республике насчитывалось 6 198 467 чел. В 27 малых городах проживало 519 тыс. или 8,4% населения [14, с. 640]. Здесь важно отметить тот факт, что в это время на территории Казахстана больших городов не было. В общей сложности в Казахстане насчитывалось 50 городов и поселков городского типа.

В 20–30-гг. XX в. в соответствии со стратегическими планами большевиков происходит преобразование Советского Союза из аграрной в промышленную страну. Казахстан занимал важную роль в этой стратегической структуре. В связи с обновлением сельского хозяйства и развитием добычи полезных ископаемых начали строить новые населенные пункты. Одновременно в данный период происходят массовые репрессии и гонения казахской интеллигенции, массовый голод, в связи с чем численность казахского народа понесла значительный ущерб [14, с. 639].

Основными причинами возникновения городов и рабочих поселков в советский период были добыча и переработка полезных ископаемых и крупное железнодорожное строительство. В основном это были регио-

ны Центрального Казахстана, горные районы и пустыни Прикаспия, богатые полезными ископаемыми. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городах Казахстана проживало 27,8% населения. Всего общее количество городов насчитывало 81 [1, с. 122]. Тенденции советской урбанизации сильно отличались по регионам СССР и природно-климатическим зонам Казахстана. Ход расселения неразрывно связан с развитием градостроительства, которое осуществлялось в соответствии с научной идеологией социализма. Быстрое экономическое освоение природных богатств края для использования их в качестве сырьевой базы для социалистической экономики являлось одним из приоритетов политики социализма в Казахстане [13, с. 91].

В период Великой Отечественной войны ускоренно рос промышленный потенциал городов в Казахстане и происходил приток населения с оккупированных территорий. Всего, включая послевоенный восстановительный период, численность горожан за 10 лет (1941–1951) выросла на 695 тыс., а сельских жителей сократилась на 307 тыс. чел. [15, с. 108].

В ходе промышленного строительства в годы войны поднимались новые города и рабочие поселки. По источникам 1945 г. в республике насчитывалось 33 города и 107 городских поселков. Абсолютная численность городского населения в 1939–1945 гг. выросла на 30%, тем самым городское население Казахстана составило 37,7%, что стало результатом миграции на территорию республики огромного количества людей [14, с. 651].

В 1950–1960-е гг., вследствие действий советского руководства по укрупнению колхозов (1950–1951), освоению целинных и залежных земель (1954–1956) и преобразованию колхозов в совхозы (1957–1958), происходит интенсивный рост аульного (сельского) населения, темпы которого значительно превысили численность городского. Таким образом, в 1951–1956 гг. численность горожан в Казахстане увеличилась на 740 тыс., а численность сельских жителей – на 937 тыс. чел. [16, с. 16].

Но уже к концу 50-х и к началу 60-х гг. XX в. ситуация начала меняться. В ходе освоения целины в Казахстане строились города, в больших масштабах шло строительство жилых домов, предприятий и дорог, соединяющих города. В силу нехватки квалифицированных кадров разных отраслей приехавших для освоения целины людей (переселенцев) заселяли в города. Помимо этого в данный период изменилась социально-классовая структура, городское население возрастало за счет миграции сельского населения в города. Следует отметить, что в местах первоначального заселения городов условия были неблагоприятными как для проживания мигрантов, так и для развития промышленной и бытовой инфраструктуры. Поэтому для удержания жителей и прибывающих рабочих формировались города, «в которых создавались относительно благоприятные социально-экономические условия: центральное обеспечение, различные материальные и иные стимулы. Активно внедрялась в практику система поощрений как по заработной плате, так и по продовольственному и иному обеспечению [13, с. 92].

В результате бурных миграционных потоков за период с 1939 по 1959 г. численность населения Казахстана выросла почти в полтора раза и составила 9 294 741 чел. Произошли значительные изменения в расселении населения. В 1959 г. в Казахстане было зафиксировано уже 182 городских поселения, в том числе 43 города и 139 поселков городского типа. Количество горожан, по сравнению с 1939 г., возросло в 2,4 раза, а их удельный вес увеличился с 27,7 до 43,7%, или в 1,6 раза. Таким образом, Казахстан по удельному весу городского населения приблизился к общесоюзному показателю (48%) [14, с. 652].

Таблица 1

Показатели городского и сельского населения (1959–1989 гг.) [17, с. 33]

Общее население	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
	9 294 741 чел.	13 008 726 чел.	14 684 283 чел.	16 464 400 чел.
Городское население (в процентном соотношении)	43,8%	50,3%	53,9%	57,1%
Сельское население (в процентном соотношении)	56,2 %	49,7%	46,1%	42,9%

К началу 1969 г. насчитывалось 75 городов и 168 поселков городского типа. Теперь в республике 15 городов, имеющих более 100 тыс. жителей. Крупнейшие среди них – столица республики Алма-Ата, население которой увеличилось в советский период в 16,5 раз и теперь приближается к 750 тыс. чел., и шахтерская столица Казахстана – Караганда, насчитывавшая более полумиллиона жителей. Более 200 тыс. жителей в Чимкенте, Усть-Каменогорске и Семипалатинске. Около 200 тыс. жителей составляла численность Джамбула, Павлодара и Целинограда, население в Петропавловске и Темиртау превысило 150 тыс. чел. Вторую группу составили «средние» города – с населением от 50 тыс. до 100 тыс. жителей. Самую многочисленную группу – «малые» города, имеющие менее 50 тыс. жителей [1, с. 119].

По таблице мы можем видеть, что процесс урбанизации неизменно рос. В сравнении 1959 г. в 1970 г. количество городов выросло на 40%. В 1970–1979 гг. количество городов выросло на 21%. В 1979–1989 гг.

количество городов в республике выросло на 19,5%. Количество горожан в республике во второй половине XX в. неизменно росло. Если в 1959 г. 43,8 %, то в 1970 г. составил 50,3%, в 1979 г. – 53,9%, а в 1989 г. – 57,1% [14, с. 655]. Таким образом, численность горожан начала преобладать. Данные 1989 г. приблизились к всесоюзным результатам (66%). В 1989 г. в Узбекской ССР уровень урбанизации составлял 41%, Кыргызской ССР – 38%, Таджикской ССР – 32%, Туркменской ССР – 45%, Грузинской ССР – 56%, Азербайджанской – 54% и Молдавской – 47% [18]. В 1989 г. в республике насчитывалось 84 города, из них 32 города с более 50 тыс. жителей и один город с миллионным населением (Алматы) [19, с. 10]. В первой половине XX в. размещение городских объектов было в основном на востоке, севере и на юге, во второй половине XX в. формирование городов происходило уже по всему Казахстану. Так, в Центральном Казахстане, на месте бывших кочевий, выросли крупные промышленные города – Караганда и Темиртау, Балхан и Жезказган, а также десятки других городских поселений [1, с. 122]. Именно Центральный Казахстан стал крупнейшим индустриальным районом республики, где города и рабочие поселки служили основной формой расселения для большинства жителей.

При этом основная часть предприятий была расположена в северных, центральных и восточных регионах Казахстана [20, с. 30–31]. В развитии урбанизации в Казахстане сыграли важную роль и центры горнодобывающей промышленности. Городские поселения этого типа в своем размещении повторяют карту разрабатываемых месторождений полезных ископаемых. Примером этого служат города Экибастуз, Рудный и др. [1, с. 124]. Упомянем и про города, которые строились на транспортных путях, на железнодорожных магистралях. Они возникли либо в узлах железных дорог (Арысь, Чу), либо при стыке с магистралью важных автомобильных трактов (Аягуз), либо при пересечении дорогой речных долин с развитым в них земледелием (Уштобе). Известны также города, возникшие вдоль крупных озер (Аральск, Форт-Шевченко) и рек – по Уралу и Иртышу [1, с. 124].

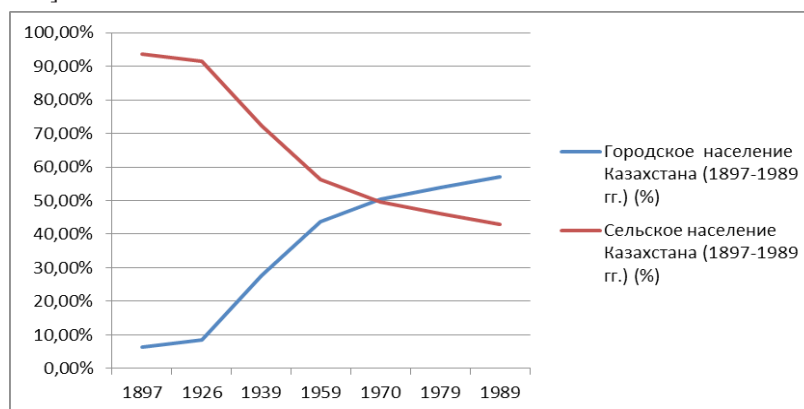

Диаграмма 1. Городское и сельское население Казахстана (1897–1989 гг.) [14, с. 632–662]

Очень распространены в Казахстане, особенно в густонаселенных сельскохозяйственных районах, «малые» города, выросшие из сельских поселений. Малые города Казахстана – наиболее яркий пример последствий своеобразия исторического формирования, развития населения и регионов. Если рассмотреть в ретроспективе, то характерной чертой развития социально-экономических и демографических процессов в послевоенный период являлся рост численности городского населения в Казахстане. По мнению исследователя А. Уалтаевой, неуклонно бурно возрастала сеть небольших городских поселений. Наиболее урбанизированными регионами с преобладанием городского населения стали Центральный, Восточный и Северный Казахстан [21, с. 30–31].

Вокруг некоторых крупных городов появились и небольшие города-спутники, возникают агломерации городов. Во второй половине XX в. самая крупная в республике агломерация сложилась вокруг Караганды и Темиртау. Крупная агломерация городских поселений возникла и вокруг Алма-Аты, куда входили заводские и фабричные поселки, бывшие станицы и села, преобразованные в города. Усть-Каменогорск и Чимкент, Джамбул и Актюбинск тесно связаны с городами и поселками при рудниках, а Гурьев – с поселками при нефтепромыслах, обеспечивающих эти города сырьем. Павлодар вместе с Экибастузом и Ермаком, а Кустанай в паре с Рудным образовали новые промышленные узлы союзного значения [1, с. 125].

Исследователь А. Уалтаева в формировании населения малых городов с середины XX в. в Казахстане выделяет несколько периодов. Первый (1950–1960-е гг.) – происходит формирование населения за счет механического прироста, второй (межпереписной период – 1970–1989-е гг.) – естественный прирост и начало миграционного оттока населения, и третий (период с начала 1990-х гг. до начала XXI в.) – сокращение общей численности почти во всех городах. Так, по мнению А. Уалтаевой, наибольший прирост населения малых

городов приходится на первый период, за счет миграционного притока населения из сельской местности и по организованному властями набору с регионов СССР. Возведение строительных предприятий, расширение производства, высокая заработная плата, строительство культурных, образовательных, оздоровительных объектов, развитие городской инфраструктуры способствовали приезду людей в развивающиеся малые города. В основном это была молодежь мужского пола. Возрастанию численности городского населения способствовал тот факт, что наиболее многочисленные села переводились в статус поселков городского типа [21, с. 4].

Помимо данных утверждений, исследователь, проанализировав социально-экономическую ситуацию в городах, приходит к такому выводу, что в 1950–1960-е гг. снижается уровень смертности за счет улучшения медицинского обслуживания, соблюдения техники безопасности на производстве, применения новых технологий, профессионального обследования и профилактики заболеваний, бесплатных медицинских услуг, всё это также повлияло на рост численности горожан в стране. В результате проделанных исследований можно сделать вывод, что с 1991 г. происходят значительные изменения динамики демографического развития жителей городов и сел в Казахстане. Эти изменения обусловлены рядом объективных причин. Рассматривая процесс урбанизации в Казахстане во второй половине XX в., мы можем видеть, что в республике сложилась система городских поселений, имеющая четырехуровневую управленческую структуру. Это малые (от 3 до 49 тыс. чел.), средние (от 50 до 100 тыс. чел.) и крупные (свыше 100 тыс. чел.) города, а также поселки городского типа. Исследование особенностей и тенденций урбанизации в условиях глобализации, ее возрастающей роли в индустриально-инновационном развитии страны составляет важную научную и практическую проблему... Города, обладая огромными научно-производственными потенциалами, выступали центрами инновационных и технологических связей. От эффективного использования этого потенциала, правильного определения стратегии и направлений развития городов во многом зависела конкурентоспособность казахстанской экономики. Если в 1917 г. горожане составляли 18% населения страны, в 1959-м – 48%, в 1970-м – 56%, к моменту распада СССР – 66%. В целом по СССР доминировали малые города (с числом жителей от 50 и менее 20 тыс.) [21, с. 34].

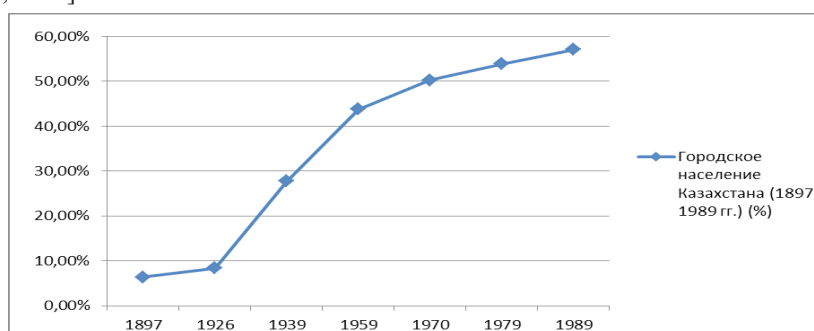

Диаграмма 2. Рост городского населения Казахстана (1897–1989 гг.) [14, с. 632–662]

Стратегия развития городов Советского Союза остановилась после развала огромной империи. Остановка промышленных предприятий привела к краху некоторых городов, которые расцветали в свое время. Если в 50–70-е гг. XX в. миграционный приток повлиял на причину роста численности населения городов всех уровней, то основной причиной сокращения численности населения в городах стал миграционный отток. Наиболее теряющими население в середине 1990-х гг. были промышленно развитые Каратау, Аркалык, Зыряновск, Риддер, Курчатов и другие города. В связи с закрытием чаще единственного градообразующего предприятия, высококвалифицированные специалисты искали новые места приложения своих трудовых ресурсов. Во всяком случае, мы не исключаем, что развитие урбанизации в Казахстане во второй половине XX в. повлияло на развитие Казахстана по всем направлениям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. К настоящему времени сложилась определенная историографическая база по изучению процесса урбанизации на территории Казахстана в советский период. В основном выделяется четыре периода, отличающиеся друг от друга аспектами изучения: 1970 – начало 1980-х гг. – отдельные города, середина 1980-х до 1990-х – отдельные стороны развития городской культуры, 1990-е гг. – комплексные работы, исследующие несколько сфер процесса урбанизации, 2000-е гг. – системный подход.

Немаловажным представляются мнения исследователей, что активизация процесса урбанизации в Казахстане – направление советской политики. Отметим ряд обобщающих закономерностей: использование городских агломераций для разработки природных ресурсов и строительства железнодорожных магистралей, транспортных узлов, интенсивный рост промышленности, наличие основного притока населения за счет использования миграции.

Источники и литература

1. Советский Союз. Казахстан. М., 1970. 408 с.
2. Табылдиев Х.Б. История социалистического Гурьева (1917–1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1973. 24 с.
3. Иваненко А.К. История формирования населения г. Караганды в период создания третьей угольной базы СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1973. 27 с.
4. Абдралилов А. История г. Джамбула (Аулие-Ата) в 1917–1940 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1981. 26 с.
5. Елагин А.С. Кустанай: вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата: Наука, 1979. 183 с.
6. Петров А. Региональные особенности формирования населения городов Казахстана (60–70-е гг. XX в.) // Проблемы социально-экономического и этно-демографического развития городов Казахстана. Тематический сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава вузов Министерства просвещения КазССР КазНПИ им. Абая. Алма-Ата, 1985. С. 37.
7. Искаков У.М. Города Казахстана: проблемы социально-экономического развития. Алма-Ата: Наука, 1985. 160 с.
8. Асылбеков М.Х. Индустриализация Казахстана и ее социально-экономические последствия // Мысль. 1993. № 4. С. 85–90.
9. Асылбеков М.Х., Алтаев А.Ш. Тяжкое наследие прошлого // Мысль. 1995. № 3. С. 60–64.
10. Асылбеков М.Х., Алтаев А.Ш. О концептуальном переосмыслении проблем истории индустриального развития и рабочего класса Казахстана // Вестник НАН РК. 1993. № 4. С. 66–75.
11. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. 157 с.
12. Козина В.В. Демографическая история Казахстана: Учеб. пос. Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. 145 с.
13. Гали Д.А. Развитие системы городских поселений и процессов расселения населения в Казахстане в 1959–1999 гг. (урбанизационный аспект) // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 90–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-sistemy-gorodskih-poseleniy-i-protsessov-rasseleniya-naseleniya-v-kazahstane-v-1959-1999-gg-urbanizatsionnyy-aspekt> (дата обращения: 04.09.2019).
14. Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық, 4-том. Алматы: «Атамұра», 2010. 752 б.
15. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата: Гылым, 1991. 192 с.
16. Асылбеков М.Х., Құдайбергенова А.И. Қазақстан халқының әлеуметтік-демографиялық жағдайы (1939–1959 ж.ж.). Алматы: «Өркениет» баспасы, 2005. 160 б.
17. Жұмасұлтанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 2000. 152 с.
18. Брук С. Население мира. М., 1981. 192 с.
19. Народное хозяйство Казахстана (Статистический сборник). Алма-Ата, 1990.
20. Алтаев А.Ш. Социальное развитие рабочих промышленности Казахстана (1970–1990 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 1996. 49 с.
21. Уалтаева А. Малые города Казахстана: информационно-исторический аспект. Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. 311 с.

А.М. Мацук*

Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг.**

В статье рассмотрена динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг. Для сравнения приведены данные за более ранний период. Выделена и проанализирована доля учащихся на рассматриваемой территории из численности учащихся в целом по РСФСР. В результате исследования сделаны выводы о двойственном характере отмеченных изменений в динамике численности учащихся. С одной стороны, прослеженная динамика имела отрицательный вектор развития, с другой – являлась результатом оптимизации и усовершенствования изучаемой системы.

Ключевые слова: среднее специальное образование, финно-угорские республики, РСФСР, численность учащихся, вторая половина 1950-х гг.

A.M. Matsuk

The dynamics of the number of students in secondary specialized institutions in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s

The article discusses the dynamics of the number of students in secondary specialized educational institutions in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s. For comparison, data are presented for an earlier period. The proportion of students in the territory under consideration from the number of students in the whole of the RSFSR was identified and analyzed. As a result of the study, conclusions are drawn about the dual nature of the noted changes in the dynamics of the number of students. On the one hand, the tracked dynamics had a negative development vector; and on the other, it was the result of optimization and improvement of the system under study.

Key words: secondary specialized education, Finno-Ugric republics, RSFSR, number of students, second half of the 1950s

К началу второй половины XX в. в Советском Союзе в целом и в РСФСР в частности сложилась система средних специальных учебных заведений. Несмотря на то, что в последующие годы она претерпела существенные изменения, заключавшиеся в основном в увеличении количества учебных заведений, ротации их подчиненности между министерствами и ведомствами и росте численности учащихся, «костяк» данной системы был сформирован в 1950-е гг. В различных регионах России процесс формирования изучаемой системы проходил хоть и по единому вектору, однако со своей спецификой [см. напр.: 1–3].

Проблема развития системы среднего специального образования в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине XX в. в определенной степени освещена в ряде научных работ. Например, Я.Н. Безносиков подробно рассмотрел историю развития данной системы в Коми АССР в 1950–1960-е гг. [4, с. 104–107, 147–159], А.М. Мацук выявил основные этапы развития изучаемой системы в Коми республике в 1950–1980-е гг. [5], С.В. Бархатова проанализировала некоторые аспекты данного вопроса на примере Карельской АССР в 1950-е гг. [6, с. 13–14, 33, 35], А.Э. Зусин осветил основные моменты развития системы среднего специального образования Мордовской АССР во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. [7], Н.И. Обухова проследила влияние государственной политики на развитие среднего специального образования в Удмуртской АССР в середине 1940–1950-х гг. [8]. Часть авторов представили в своих работах исследования отдельных

* Мацук Александр Михайлович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, almmatsuk@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

аспектов развития изучаемой системы в конкретных финно-угорских республиках в рамках обозначенного периода [см., напр.: 9–16 и др.]. Некоторые факты по исследуемой проблеме представлены в обобщающих научных трудах по истории финно-угорских республик [см., напр.: 17–22 и др.].

Тем не менее комплексного исследования истории развития системы среднего специального образования в финно-угорских республиках РСФСР в рамках 1950–1980-х гг. не проводилось. В связи с этим представляется актуальным изучение общих для очерченных территорий аспектов проблемы развития данной системы.

В представленной статье на основе данных, содержащихся в статистических сборниках «Народное хозяйство РСФСР», впервые прослежена ежегодная динамика численности учащихся техникумов и училищ финно-угорских республик РСФСР во второй половине 1950-х гг., а также выделена доля данного показателя в общем показателе по РСФСР. К финно-угорским республикам в рамках обозначенного периода относились Карельская, Коми, Марийская, Мордовская и Удмуртская АССР. Для наглядности информация представлена в виде таблицы и диаграммы. Для сравнения также приведены данные за более ранний период.

Таблица 1

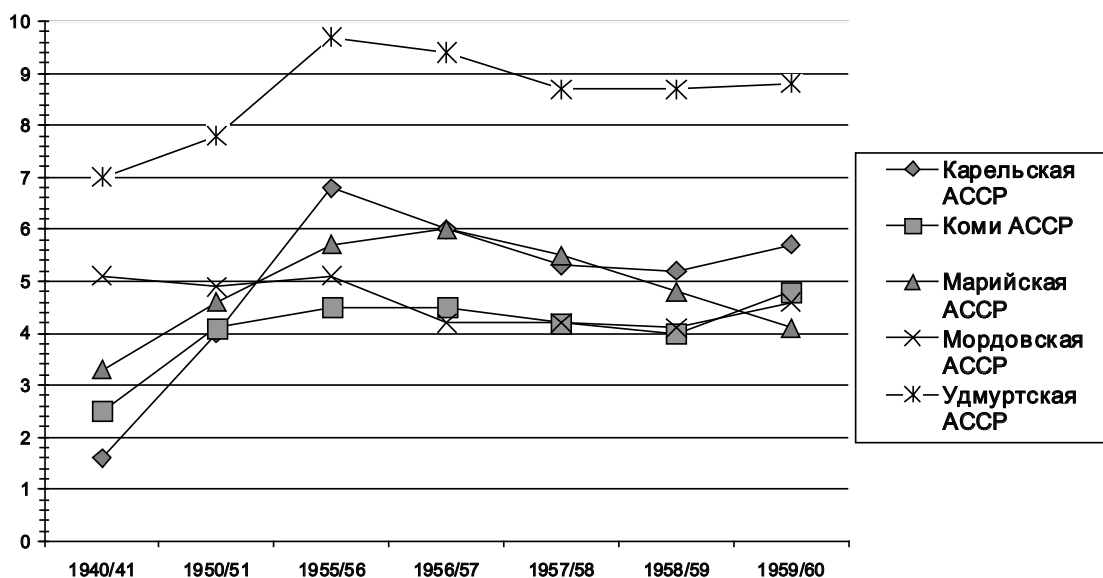
**Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений
финно-угорских республик РСФСР**

	Учебный год						
	1940/41	1950/51	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся, тыс. чел.						
РСФСР	594,0	810,0	1201,0	1243,6	1199,0	1154,6	1162,2
Карельская АССР	1,6	4,0	6,8	6,0	5,3	5,2	5,7
Коми АССР	2,5	4,1	4,5	4,5	4,2	4,0	4,8
Марийская АССР	3,3	4,6	5,7	6,0	5,5	4,8	4,1
Мордовская АССР	5,1	4,9	5,1	4,2	4,2	4,1	4,6
Удмуртская АССР	7,0	7,8	9,7	9,4	8,7	8,7	8,8
Всего по финно-угорским республикам	19,5	25,4	31,8	30,1	27,9	26,8	28
Доля от РСФСР	3,28%	3,14%	2,65%	2,42%	2,33%	2,32%	2,41%

Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М.: Государственное статистическое издательство, 1957. С. 326, 327, 328; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статистический ежегодник. М.: Государственное статистическое издательство, 1959. С. 460, 461; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 523, 524.

Диаграмма 1

**Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений
финно-угорских республик РСФСР**

Из представленной информации видно, что динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений финно-угорских республик РСФСР в целом имела схожий вектор. К середине 1950-х гг.

количество учащихся значительно возросло, что было связано как с увеличением приема в действующие учебные заведения, введением новых специальностей, так и с открытием новых техникумов и училищ. Однако, несмотря на положительную динамику, доля учащихся в финно-угорских республиках от всей численности по РСФСР уменьшалась.

С 1955/56 до 1958/59 учебного года включительно на изучаемой территории наблюдается общее снижение числа учащихся. В Коми и Марийской АССР начало подобного снижения было зафиксировано годом позднее. Выделенная доля численности учащихся техникумов и училищ в финно-угорских республиках от общего показателя по РСФСР продолжала стабильно снижаться до 1958/59 учебного года. Я.Н. Безносиков и С.В. Бархатова, изучавшие историю среднего специального образования в Коми и Карельской АССР соответственно, указывали в своих исследованиях сокращение и объединение ряда учебных заведений как основную причину данного процесса [4, с. 105, 106; 6, с. 14].

Подчеркнем, что отрицательный вектор развития рассматриваемого показателя во второй половине 1950-х гг. был характерен не только для финно-угорских республик. На Европейском Севере России с середины 1950-х гг. также отмечено подобное снижение численности учащихся техникумов и училищ, которое наблюдалось и по всей РСФСР в целом. В статье, посвященной влиянию реформы образования второй половины 1950-х гг. на развитие системы среднего специального образования, мы проанализировали данный процесс и сделали вывод о том, что, несмотря на сокращение количества учебных заведений и числа учащихся, удалось провести оптимизацию изучаемой системы в целом, закрыв или объединив узкопрофильные учебные заведения [3].

Как видно из имеющихся данных, уже с 1959/60 учебного года в большинстве финно-угорских республик отмечено изменение показателя численности учащихся техникумов и училищ в сторону увеличения. Отметим, что этот процесс положительно отразился и на векторе изменения доли от числа всех учащихся по РСФСР.

Таким образом, видимую отрицательную динамику численности учащихся системы среднего специального образования в финно-угорских республиках РСФСР не стоит оценивать только в негативном ключе. Несмотря на общее снижение данного показателя во второй половине 1950-х гг., в определенной мере удалось повысить качество подготовки специалистов среднего звена и в дальнейшем вновь увеличивать объем массы учащихся.

Источники и литература

1. Мацук А.М. Развитие системы среднего специального образования на Европейском Севере России в 1920-е – 1980-е годы: динамика количества техникумов и числа учащихся // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2014. № 4 (28). С. 46–73.
2. Мацук А.М. Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в 1950-х – 1980-х гг.: сходства и различия // Историческая демография. 2018. № 2 (22). С. 31–34.
3. Мацук А.М. Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1 (41). С. 101–109.
4. Безносиков Я.Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 176 с.
5. Мацук А.М. Развитие системы среднего специального образования в Коми АССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ КРАГСиУ, 2017. С. 234–247.
6. Бархатова С.В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960). Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 29 дек. 1988 г. / Карельский филиал АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. 39 с.
7. Зусин А.Э. Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. Саранск, 2006. С. 92–96.
8. Обухова Н.И. Государственная политика и реалии развития высшего и среднего специального образования Удмуртии в послевоенное десятилетие (1946–1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 26 с.
9. Клементьев Е.И. Основные тенденции развития инженерно-технических кадров лесной промышленности Карелии (1945 г. – конец 1950-х годов) // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 16–17.
10. Гагиева А.К. Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20–90-е годы XX века (на материалах Республики Коми). Саратов, 2004. 216 с.
11. Полтавская Г.П., Бойков В.К., Гагиева А.К. Кооперативное образование в Республике Коми. Сыктывкар: РИО СФ ОУ ВПО ЦС РФ "МУПК", 2005. 322 с.
12. Золотарев О.В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы). Сыктывкар: КГПИ, 2009. 133 с.
13. Мацук А.М. Развитие угольной, нефтяной и газовой промышленности в Коми АССР и подготовка технических кадров в 1950–1980-е гг. // Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2014. № 4 (232). С. 20–24.

14. *Мацук А.М.* Народное хозяйство Коми АССР и специализация учреждений среднего специального образования в 1950-х – 1980-х гг. (на примере средних специальных учебных заведений сферы промышленности и транспорта) // Социокультурные аспекты развития Северных территорий (Республика Коми. История и современность): сб. статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. С. 114–118.
15. *Мацук А.М.* Подготовка кадров для сферы торговли и бытового обслуживания населения в средних специальных учебных заведениях Коми АССР в 1950-е – 1980-е гг. // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: Материалы Пятого Всероссийского научного семинара (21–23 сентября 2016 г., Сыктывкар): в 2 ч. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. Ч. I. С. 219–223.
16. *Мацук А.М.* Подготовка специалистов среднего звена для сельского хозяйства Коми АССР в 1950–1980-е гг. // Республика Коми на полиэтничной карте России. Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 95-летию образования Коми Автономии. Сыктывкар, 2016. С. 196–202.
17. Очерки истории Карелии. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. Т. 2. С. 472, 500–501.
18. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 742, 743, 816.
19. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 411, 468–469.
20. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. С. 436, 547.
21. История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. С. 555, 637.
22. История Удмуртии: XX век. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 334, 371, 424.

УДК 930:314.7/9:331(470.13)"195/202"

DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-67-74

*И.Л. Жеребцов, И.Г. Назарова, Г.Н. Фаузер**

Демография, труд, расселение населения в Республике Коми: историография середины XX – начала XXI в.**

В статье рассмотрены публикации по демографии, социально-трудовым отношениям и расселению населения в Республике Коми, российском Севере и Арктике за относительно длительный период времени (середина XX – начало XXI в.). Анализируются как монографические работы, так и отдельные публикации: препринты, брошюры, статьи.

Ключевые слова: Арктика, Север, Республика Коми, демография, труд, расселение населения, миграция

I.L. Zherebcov, I.G. Nazarova, G.N. Fauzer

Demography, labor, resettlement in the Komi Republic: historiography for the mid-20th century and the beginning of the 21st century

The article discusses publications on demography, social and labor relations and resettlement in the Komi Republic, in the Russian North and the Arctic in the middle of the 20th and beginning of the 21st centuries. The authors analyze monographic works, as well as individual publications: preprints, brochures, articles.

Key words: Arctic, North, Komi Republic, demography, labor, population resettlement, migration

Введение

Не один десяток лет изучаются демографические процессы, социально-трудовые отношения, развитие трудового и человеческого потенциалов, расселение населения. Познавательная работа, где приводится историография работ по демографии, экономике труда, общей и экономической социологии [1]. Заслуживают внимание публикации, где отражена история развития демографической науки – от теории к практике; приводится анализ работ по демографии, вклад демографической науки в практику; описаны диссертации по демографии, экономической социологии, экономике труда [2; 3].

Вопросы расселения населения рассмотрены в «Историко-демографическом справочнике», написанном на основе большого архивного и опубликованного материала, а также разнообразной литературы, представляет собой справочник по истории населенных пунктов Республики Коми – как всех ныне существующих, так и запустевших в XX веке. В нем содержатся сведения о примерном времени возникновения и запустения поселений, их местоположении и административной принадлежности, о происхождении первопоселенцев, динамике изменения численности жителей, древнейших фамилиях местного населения, основных событиях истории. История населенных пунктов издавна привлекала внимание ученых и краеведов. Много сделал для

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru; **Назарова Инесса Георгиевна** (Ухта) – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики Ухтинского государственного технического университета, 169300, г. Ухта, ул. Первомайская, 13, e-mail: inazarova@ugtu.net; **Фаузер Галина Николаевна** (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

** Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019–2021 гг.).

ее изучения этнограф Л.Н. Жеребцов. В его книгах: «Расселение коми в XV–XIX вв.» (1972 г.), «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века» (1972 г.), «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (1982 г.) и во многих других работах приведены данные о времени возникновения многих сел и деревень Коми края, об их основателях, о фамилиях жителей, об особенностях культуры, быта, хозяйства [4, с. 2–3].

Энциклопедический характер носит монография: «От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века». В книге в научно-популярной форме рассказывается об истории заселения территории современной Республики Коми со времени появления первых людей до рубежа XX и XXI вв. В издании приводятся сведения о том, сколько было жителей на территории современной Республики Коми в разное время, что заставляло их переселяться с места на место, где и когда возникали населенные пункты, каков был национальный состав населения, а также другие данные об этнодемографических процессах, происходивших в регионе на протяжении многих веков [5].

Научно-популярные статьи по демографии, труду, расселению и миграции населения можно найти в трехтомной энциклопедии: «Республика Коми» [6] и двухтомнике: «История Коми с древнейших времен до современности» [7]. Представляют интерес работы, раскрывающие значение принудительных миграций на заселение Коми края в 1930–1950 гг. [8; 9; 10; 11]. Заслуживает внимания обзор работ по заселению и образованию поселений в российской и мировой Арктике.

Демографические исследования

Родоначальником демографических исследований в Коми крае можно считать А.С. Забоева, известного под псевдонимом «Сан-Антус». В 1928 г. в журнале «Коми му» он публикует статью: «Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми». В работе рассматривается рациональное расселение населения по территории области, оно связывается с миграционными процессами. «Перенаселение – тяжелая гиря на всем хозяйстве Области, оно мешает поступательному движению и развитию производительных сил. При настоящих исторически создавшихся условиях, даже если описанный процесс расселения на языке Обстатбюро действительно соответствовал действительности, то и тогда он был не достаточен и его (расселение) необходимо было усилить. Данные показывают, что расселение идет в массе своей внутри своего уезда. Необходимо расселение сделать внутриобластным, т.к. только оно действительно разрешит вопрос. Надо всячески содействовать заселению Печоры и некоторых еще не заселенных притоков Вычегды. Расселение даст могучий толчок развитию хозяйства, улучшит положение народа и даст выход из «вечного» тупика бедности, «оскудения», малоземельности, которые до сих пор не уничтожены и субъективно в чем мы начинаем быть виноватыми, благодаря нашему невниманию к этой проблеме» [12, с. 11].

Проведение демографических исследований на постоянной основе связано с созданием в 1944 г. в Коми АССР Базы академии наук (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР). В 1950 гг. республика начинает активно развиваться, в связи с чем необходимо было знать, сколько трудовых ресурсов воспроизведет сама республика, а сколько необходимо будет привлечь из регионов России, из республик Союза ССР [13].

Организатором демографического направления стал проф. В.П. Подоплелов. В 1973 г. он защищает докторскую диссертацию: «Население и трудовые ресурсы как фактор развития и размещения производительных сил экономических районов (на примере Коми АССР)». С 1980 гг. демографические исследования стали активно проводиться в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера и в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Работы по демографии, труду и расселению населения размещены на сайтах: <http://vvfauzer.ru> и <http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>.

В 1980-х гг. демографические исследования, основанные на статистических данных, дополняются социологическими опросами. Первое социологическое исследование по демографической тематике было проведено среди женщин Ижемского района в 1989 г. Основным научным интересом состоял в изучении репродуктивного поведения коми женщин [14].

По демографической тематике ведутся фундаментальные исследования. За последние годы в ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН выполнены следующие НИР: «Регулирование региональных процессов воспроизводства и занятости населения» (№ ГР 01.200.004379, 2000–2003 гг.); «Формирование и использование трудового потенциала в отраслях топливно-энергетического комплекса Республики Коми в процессе реформирования» (№ ГР 01.2.00306302, 2003–2006 гг.) [15]; «Социально-трудовые проблемы северных территорий: состояние, тенденции, механизм управления» (№ ГР 01.2.00702819, 2007–2009 гг.) [16]; «Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение и социальные системы» (№ ГР 01201051314, 2010–2012 гг.) [17]; «Репродуктивные и миграционные установки населения северных регионов России» (№ ГР 01201355947, 2013–2015 гг.) [18]; «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–

2018 гг.) [19]. В настоящее время вместе с историками выполняется НИР: «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019–2021).

Демографические исследования находят широкую поддержку в РФФИ. В 2000 г. демографами и историками был выполнен совместный грант: «Естественно-географические и социально-политические факторы этнодемографического развития Крайнего Севера Евразии (I–II тысячелетие н.э.)» (№04-06-80411, 2004–2006; рук. Жеребцов И.Л., исполн. Фаузер В.В.). В 2019 г. выигран грант в конкурсе «Экспансия» на публикацию обзорной статьи: «Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий» (№19-110-5009, 2019–2020 гг., рук. Фаузер В.В., исполн. Лыткина Т.С., Смирнов А.В.).

Новым направлением в демографических исследованиях стало изучение устойчивого развития по демографическим показателям/факторам. Выходит работа: «Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям». В статье рассматриваются теоретические положения концепции устойчивого развития (УР) в планетарном масштабе. Показывается, что переход к устойчивому развитию был обусловлен всем ходом социально-экономического развития мирового социума. Противоречия между потребностями населения, возможностями экономики и способностью планеты к сохранению биоразнообразия без внешнего вмешательства достигли критической точки. В XX в. возросло неравенство внутри стран и между ними. Существуют огромные диспропорции в распределении возможностей, богатства и власти. Одной из ключевых проблем остается гендерное неравенство. Понимая остроту возникших противоречий, мировое сообщество под эгидой Организации Объединенных Наций принимает основополагающие документы, определившие цели и задачи развития человечества до 2015, а затем до 2030 г. В одном из первых документов «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития. Рассмотрено шесть систем показателей оценки устойчивого развития. При всей комплексности измерения устойчивого развития, недостаточно полно представлены показатели по оценке демографических процессов, они явно «однобокие» и не отражают все стороны демографической динамики. Учитывая это, предлагаются авторские подходы оценки устойчивого развития на основе демографических показателей. Предложенные два подхода позволяют дифференцировать северные регионы по степени демографической устойчивости на четыре группы: критическая, низкая, средняя и высокая. Отмечается, что все северные регионы с 2000 по 2015 г. улучшили свою демографическую устойчивость, и что все годы она была выше среднероссийского уровня [20].

Продолжением изучения УР стала публикация статьи: «Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение». В ней отмечается, что тема устойчивого развития в современном контексте сформировалась благодаря международным докладам «Пределы роста» и «Наше общее будущее», конференциям в Рио-де-Жанейро, «Декларации тысячелетия» и документу «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». В указанных документах отмечалась важность выработки показателей по оценке устойчивого развития. Однако практика показала, что универсальный набор показателей на страновом и международном уровнях по-прежнему не разработан. В основных системах индикаторов устойчивого развития недостаточно представлены демографические показатели, использование которых позволит перейти к новой оценке – демографической устойчивости. С начала 1990-х гг. по теме устойчивого развития опубликовано более 35 тыс. отечественных работ, но демографической тематике уделено всего 1,3%.

Предложено демографическую устойчивость оценивать по 13 показателям. Рассчитанный на их основе интегральный индекс демографической устойчивости позволил все северные регионы ранжировать по степени устойчивости: критическая, низкая, средняя, высокая. С 2000 по 2015 г. произошло повышение демографической устойчивости: не стало регионов с критической устойчивостью, но большая часть по-прежнему характеризуется низкой и средней устойчивостью.

Обосновано, что демографическая устойчивость северных регионов достигается, когда: имеет место расширенное воспроизводство населения; трудоспособная часть населения является достаточной для обеспечения отраслей народного хозяйства ресурсами труда; количество вступающих в трудовую деятельность превосходит выбывающие человеческие ресурсы; половозрастные пропорции оптимальны; идет постоянное сокращение разницы в ожидаемой продолжительности жизни между полами, городом и селом, отдельными этносами; отрицательный миграционный баланс территории складывается в результате того, что количество выбывающих лиц старше трудоспособного возраста и потерявших трудоспособность превышает прибывающие миграционные потоки из лиц трудоспособного возраста [21].

Демографическое измерение социально-трудовых отношений

Трудовая тематика в демографическом измерении нашла отражение в двух монографиях. В книге «Социально-трудовые отношения: демографическое измерение» отмечается, что в последние десятилетия

социально-трудовые отношения претерпели существенные изменения, что привело к неравенству в доступе к экономическим и социальным ресурсам у разных групп населения. Дифференциация стала особенно заметна при найме/увольнении, оплате труда, карьерном росте работников в зависимости от их социально-демографических характеристик. В работе раскрывается сущность социально-трудовых отношений, оценивается их развитие в современной России, в условиях экономического и демографического кризисов. Также рассмотрены демографические и миграционные факторы формирования населения Севера России, для каждого субъекта определен детерминирующий фактор, оценена демографическая ситуация и ее влияние на трудоустроенность. В заключительной части монографии приводятся результаты социологического опроса работников городских предприятий Республики Коми, позволяющие оценить возможность решения проблемы демографической дифференциации в развитии социально-трудовых отношений [22].

В следующей монографии: «Демографическое измерение социально-экономических процессов» рассматриваются теоретические и практические аспекты потребительского поведения населения северных городов; выявлена демографическая дифференциация потребительских предпочтений населения при покупке продовольственных и промышленных товаров; демографические характеристики респондентов оказались важными при выборе товаров отечественного или импортного производства, наибольшей дифференциации потребительские предпочтения респондентов подвержены в зависимости от их возраста. Освещаются теоретические и практические аспекты кредитного поведения населения; анализируется социально-демографический состав членов КПКГ «КредитЪ»; приводятся оригинальные данные социологического опроса экспертов, на основе которых раскрывается кредитное поведение населения с учетом их социально-демографических характеристик и то, как при помощи кредитной политики можно решить демографические и миграционные проблемы общества [23].

Представляет интерес монография, обобщающая все рассматриваемые направления: «Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение». В ней рассмотрены теоретические аспекты становления и развития социально-трудовых отношений; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования социально-трудовых отношений. Проанализирован зарубежный опыт регулирования трудовых отношений. Раскрыто демографическое развитие северных регионов России. Анализ статистической и социологической информации позволил раскрыть территориально-отраслевые особенности развития социально-трудовых отношений на городских предприятиях Республики Коми. В отдельный блок вынесены вопросы расселения населения. Отличает монографию от аналогичных работ по данной проблематике то, что социально-трудовые отношения рассмотрены с позиций демографического развития общества [17].

Ряд публикаций посвящен трудовому потенциалу Республики Коми. В 2007 г. публикуется научный доклад: «Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми». В нем раскрыты проблемы демографического развития России, Российского Севера и Республики Коми за последний межпереписной период. Особое внимание уделяется демографическому развитию Республики Коми, где все процессы рассмотрены, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. Отмечается особая роль миграции в формировании населения северных территорий, его структур. Раскрываются причины низкой рождаемости и высокой смертности. Показывается взаимосвязь между демографическими процессами и трудовым потенциалом республики, раскрываются причины его неудовлетворительного использования. Даются рекомендации по улучшению демографической ситуации и использованию трудового потенциала [24]. В статье: «Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми» предлагается система показателей, позволяющих количественно оценить демографический, трудовой и жизненный потенциалы региона. Приводятся примеры оценки демографического, трудового и жизненного потенциалов населения Республики Коми и отдельных муниципальных образований [25].

Новым подходом изучения трудовых процессов стала оценка их устойчивости, описанное в статье: «Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение». В ней отмечается, что устойчивое развитие не конечная цель, а динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Показана историческая обусловленность перехода человечества к устойчивому развитию, раскрывается хронология Концепций устойчивого развития от доклада Брундтланд до Повестки дня – 2030. Проанализированы шесть международных систем показателей устойчивого развития, в каждой из них выделены социально-трудовые и показатели уровня жизни. Отмечается, что общим недостатком всех систем является то, что предлагаемые в них показатели плохо адаптированы к российской статистике. Подчеркивается важность определения набора трудовых показателей и разработки методики по оценке устойчивого развития. Новизна исследования заключается в авторском подходе к оценке устойчивого развития по трудовым показателям. Трудовая устойчивость оценена по четырем факторам, включающим двенадцать трудовых показателей. На основе опроса экспертов определено влияние каждого трудового фактора и показателя на устойчивое развитие. Рассчитан

интегральный индекс трудовой устойчивости, используя его, все северные регионы ранжированы по степени устойчивости: критическая, низкая, средняя, высокая. Полученные результаты позволили сделать вывод, что трудовая устойчивость северных регионов с 2000 по 2015 г. значительно возросла; нет ни одного региона с критической степенью трудовой устойчивости, только в Тыве она низкая, а пять регионов имеют высокую степень устойчивости [26].

Началом изучения арктической тематики стала статья: «Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности». В работе рассматриваются теоретические подходы отечественных и зарубежных ученых к понятию локальных рынков труда, сравниваются различные взгляды на их сущность и определение, приводятся типы рынков труда с учетом уровня локализации. Предлагается авторская классификация арктических локальных рынков труда по видам экономической деятельности в составе шести групп: добывающие, обрабатывающие, инфраструктурные, социальные, смешанные и закрытые. Выявлены и описаны социально-демографические и трудовые особенности каждой группы локальных рынков труда [27].

Расселение населения

Особый интерес представляют публикации о расселении населения, под которым понимается распределение населения по территории страны или региона в процессе формирования новых и развития существующих населенных мест с учетом размещения мест приложения труда, быта и отдыха; включает территориальные взаимосвязи и миграцию населения.

В числе первых исследователей вопросов расселения населения можно назвать Г.В. Загайнову. В ее исследованиях узловыми были темы заселения и расселения населения по территории Республики Коми [28]. В работе: «Специфика заселения районов Европейского Северо-Востока СССР» отмечалось, что заселение территории исторически шло по рекам. Реки были единственными путями сообщения. С ними были связаны места рыболовства, развитие животноводства на пойменных лугах, благоприятные почвенные условия для земледелия. Наиболее значительные села были приурочены, как правило, к устьям притоков крупных рек, о чем свидетельствуют и данные топонимики в части их названий: Усть-Кулом, Усть-Вымь, Усть-Цильма и др. [29, с. 18–19].

В 1996 г. выходит брошюра: «Расселение населения и его особенности в северных районах». В ней рассматриваются региональные проблемы расселения населения, присущие Российскому Северу; устанавливаются характерные особенности расселения населения в северных районах, определяемые суровостью климата, видом разрабатываемых природных ресурсов и их долговечностью; предлагается стратегическая и тактическая цель совершенствования системы расселения по природно-климатическим зонам и ресурсным факторам [30]. В 1998 г. публикуется статья: «Особенности территориальной организации расселения населения в районах Севера (на примере Республики Коми)» [31].

В 2001 г. расселенческая тематика получила развитие в монографии: «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция». Делается вывод, что расселение тесно связано с интересами и потребностями производства и обусловлено размещением производственных и социальных организаций по той или иной территории. Однако нельзя понимать дословно, что рисунок расселения обусловлен лишь производством. Эта зависимость исторически изменчива. В настоящее время все большее понимание получает следующая точка зрения: размещение производства должно учитывать особенности жизнедеятельности населения конкретной территории, качество трудового и демографического потенциала [32, с. 75].

Важное место занимает **сельское расселение**, для которого характерны: низкая плотность населения, мелкоселенность и редкая сеть населенных пунктов, приуроченность к долинам рек, большое число сельских населенных пунктов несельскохозяйственного профиля, неразвитость транспортных связей, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, высокая локализация коренного населения и т.д. В работах отмечается, что попытки механического укрупнения сельских поселений за счет ликвидации мелких не привели к решению проблем сельского расселения, а создали новые – разрушение старой сети поселений, обезлюдение отдаленных сельских поселений, потеря сельскохозяйственных угодий [33; 34; 35].

Фундаментальным трудом по сельскому расселению можно считать монографию «Сельское население Коми в середине XIX–XX века: расселение, состав, численность». В работе, написанной на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, охарактеризована динамика сельского населения региона с середины XIX в. до конца XX в. Анализируются его численность и состав, воспроизводство и миграции, выявляется специфика расселения [36].

Исследования сельского расселения были продолжены в 2010 гг. Выходят две взаимосвязанные статьи: «Сельское население северного региона: особенности жизнедеятельности, динамика и расселение» [37] и «Сельское население северного региона: демографические структуры и характеристики расселения» [38]. В них рассматриваются вопросы расселения сельского населения; раскрываются факторы, влияющие на характер протекания демографических процессов и этнический состав сельского населения; приводятся основные

характеристики их расселения; анализируется взаимосвязь системы расселения с социально-экономическими процессами, протекающими в регионе.

Расселение населения в российской Арктике

В последние годы стали проводиться исследования, посвященные расселению населения в российской и мировой Арктике. В числе первых работ из этой серии стала публикация: «Особенности расселения населения в Арктической зоне России». В ней рассмотрены теоретические вопросы расселения населения в Арктической зоне Российской Федерации, проанализированы изменения системы расселения в 2000-х гг., выполнена группировка поселений по числу жителей; показана динамика населения городов Арктики, описаны состояние и перспективы развития поселков городского типа, приводится статистический материал переписей населения за 1979–2010 гг. и данные текущего учета населения за 2015 г. [39].

Продолжила эту серию работа: «Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности». В статье раскрыты особенности «арктического районирования»; приводится анализ динамики численности населения; дается группировка городских округов и муниципальных районов по численности населения, занимаемой площади и плотности населения; раскрывается специфика административно-территориального устройства; исследована степень неравномерности размещения населения; рассчитаны показатели, характеризующие заселенность Арктики; показана пространственная дифференциация размещения экономики и населения; даются рекомендации по плотности населенных пунктов [40].

История заселения российской Арктики раскрыта в статье: «Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям». В статье рассмотрены история образования городских поселений в российской Арктике с XIV по XXI в., численность и состав населения с 1939 по 2017 г. По времени возникновения и выполняемым функциям все городские поселения разделены на три группы. Предложена авторская периодизация развития российской Арктики, в основе которой лежат динамика численности населения и количество создаваемых городских поселений в тот или иной период времени. Проанализирована динамика численности и структуры населения, выделены два периода: период роста численности населения до 1989 г. и его снижения в последующие годы. Отмечено, что в последние десять лет снизились темпы убыли населения и наметился рост населения в двух автономных округах и в четырех городах Арктики [41].

Новый взгляд на систему расселения в Арктике представляет статья: «Методика определения опорных поселений российской Арктики». В начале XX в. одновременно с разведкой месторождений полезных ископаемых, их добычей и транспортировкой в южнее расположенные регионы начинает формироваться система расселения в районах нового хозяйственного освоения Севера России. Накопленной практики в XVIII–XIX вв. по строительству городов как торговых и промышленных центров, морских портов и военных поселений в отдаленных местностях было недостаточно. Необходимо было определиться с формами расселения, количественными параметрами создаваемых населенных пунктов, степенью их комфортности. В результате дискуссий и приобретенных знаний было достигнуто согласие о строительстве крупных городов с постоянным населением. Предлагалось на Севере создавать базовые города, а в прилегающих районах опорные города, выполняющие инфраструктурные функции. Были предложены количественные ориентиры по численности населения для каждой группы поселений: опорные 300 тыс. жителей, базовые 80–150 тыс., промышленные 15–30 тыс., вахтенные и экспедиционные поселки 3–5 тыс. жителей. С выделением на Севере России арктической зоны как самостоятельного объекта управления, включающей девять опорных зон, появилась потребность обосновать каркас расселения, отвечающий новым требованиям. Исходя из этого, в работе ставится цель разработать методику расчета Индекса Опорного Поселения, позволяющего отнести городское поселение: к многофункциональному опорному поселению, к опорному поселению, к поселению имеющего перспективы стать опорным, к поселению, не соответствующему критериям опорного. Построение индекса опорных поселений основано на трех методологических принципах: комплексности, целостности, учета агломерационного эффекта. Расчет индекса опорных поселений Арктики базируется на концепции демографической гравитации. Полученные результаты позволили для каждой опорной зоны Арктики определить опорные поселения, центры развития прилегающих территорий [42].

Мировой Арктике посвящена статья: «Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика». В ней рассматривается Мировая Арктика и ее составные части: российская, североамериканская и западноевропейская. Приводятся основные природно-географические характеристики, затрагиваются вопросы расселения населения, особенности возникновения и развития арктических городов. Особое внимание уделено дифференциации стран и отдельных территорий по плотности населения и валовому региональному продукту на душу населения. Делается вывод, что в XXI в. Мировая Арктика уверенно превращается из северной периферии в зону пристального внимания всех экономически развитых стран [43].

Заключение

Несмотря на проделанную работу по анализу публикаций по демографии, социально-трудовым отношениям и расселению населения многие научные направления остались не охваченными и оказались за рамками данной статьи. Это относится к работам по воспроизводству [44] и старению населения [45], демографической политике [46], миграции населения [47], распределению власти в семье [48], социальному исключению [49] и многим другим. Эту работу предстоит еще сделать либо авторам, либо молодым исследователям, которых манит исследовательский труд.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России // Историческая демография. 2017. № 1. С. 87–98.
2. Фаузер В.В. История развития демографической науки: от теории к практике // Историческая демография. 2017. № 1. С. 68–75.
3. Фаузер В.В. История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми // Историческая демография. 2019. № 1. С. 52–60.
4. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. 580 с.
5. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова, Д.В. Вишнякова, Н.М. Игнатова, Е.Н. Рожкин, В.В. Фаузер, Ю.П. Шабает. Сыктывкар, 2014. 296 с.
6. Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. Т. 1. 472 с.
7. История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2. 688 с.
8. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. / Ин-т языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2009. 192 с.
9. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Принудительные миграции советского периода: хронология и масштабы // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / Отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. Т. I. С. 124–131.
10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. № 3. С. 151–168.
11. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 1 (84). С. 90–109.
12. Сан-Антус. Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. 1928. № 1. С. 7–12.
13. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. редактор Н.Д. Цахая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа. Вып. 13).
14. Фаузер В.В. Детность семьи и некоторые установки репродуктивного поведения // Социально-экономическое развитие районов Севера. Сыктывкар, 1991. С. 61–68 (Тр. Коми НЦ УрО АН СССР, № 119).
15. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 176 с.
16. Фаузер В.В., Стукалов И.Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ. М.: Экон-Информ, 2009. 310 с. (Б-ка демографа. Вып. 12).
17. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коришонов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Отв. ред. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2012. 311 с. (Б-ка демографа. Вып. 15).
18. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа. Вып. 17).
19. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Д.В. Юрков, Г.Н. Фаузер, Т.С. Лыткина; Отв. ред. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2018. 215 с. (Б-ка демографа. Вып. 21).
20. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2018. № 2. С. 71–89.
21. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1370–1382. DOI: 10.17059/2018-4-24.
22. Фаузер В.В., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 192 с.
23. Фаузер В.В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Экон-Информ, 2012. 179 с. (Б-ка демографа. Вып. 16).

24. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 492).
25. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: Научный журнал. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. С. 105–111.
26. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 120–136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8.
27. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. 2019. № 2 (34). С. 4–17. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-4-17.
28. Загайнова Г.В. Географические сдвиги в расселении населения Коми АССР за 1959–1970 гг. // Географические исследования в Коми АССР. Л.: Географическое общество СССР, 1976. С. 17–21.
29. Загайнова Г.В. Специфика заселения районов Европейского Северо-Востока СССР // Известия Коми филиала Географического общества СССР. Сыктывкар, 1969. Вып. 2. С. 15–20.
30. Фаузер В.В., Жиделева В.В., Загайнова Г.В. Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар: Академия социальных наук, ИЭСПС Коми НЦ УрО РАН, СГУ. 1996. 29 с.
31. Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Особенности территориальной организации расселения населения в районах Севера (на примере Республики Коми) // Проблемы региональной экономики. Ижевск, 1998. № 3–5. С. 130–143.
32. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
33. Фаузер В.В., Парначев А.А., Загайнова Г.В. Сельское население Республики Коми: численность, состав, расселение. Сыктывкар: ИЭСПС Коми НЦ УрО РАН, 1996. 40 с.
34. Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Проблемы сельского расселения Республики Коми // Проблемы региональной экономики. Ижевск, 1997. № 3–4. С. 57–64.
35. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. 176 с.
36. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX–XX века: расселение, состав, численность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.
37. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Сельское население северного региона: особенности жизнедеятельности, динамика и расселение // Корпоративное управление и инвестиционное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2011. № 4.
38. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Сельское население северного региона: демографические структуры и характеристики расселения // Корпоративное управление и инвестиционное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2012. № 1.
39. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.
40. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 18–31. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.
41. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130.
42. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Методика определения опорных поселений российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2.
43. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 3–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22.
44. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. Сыктывкар, 1996. 112 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).
45. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / Отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).
46. Теоретические основы демографической политики: цели, приоритеты, принципы / д.э.н., проф. В.В. Фаузер, к.э.н. Л.А. Попова, Г.В. Загайнова, В.Я. Сквозников / Под ред. проф. В.В. Фаузера. Сыктывкар, 2001. 24 с.
47. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 141–149.
48. Лыткина Т.С. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17.
49. Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 87–109.

В.И. Силин

**Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г.,
как демографический источник**

В статье приводятся данные о населении Печорского края, снятые с неизвестного источника «Карта Печорского края образуемого материком Печорской системы вод, состоящим в частях уезда: Мезенского, Архангельского, Устьсысольского, Вологодского и Чердынского, Пермской губернии и объемлющего сего пространства приблизительно 35.000.000 десятин, составлена запасным лесничим штабс-капитаном Боровским в 1853 г. Масштаб в английском дюйме 60 верст (1:2500000)». Автор предполагает, что карта могла быть создана либо по заказу М.К. Сидорова, либо В.Н. Латкина для проведения работ Печорской компании.

Ключевые слова: Коми край, Печора, Мезень, население Коми края, географические карты

V.I. Silin

**Map of the Pechora region, compiled by Borovsky in 1853,
as a demographic source**

The paper presents data on the population of the Pechora region, taken from an unknown source "The map of the Pechora region formed by the mainland of the Pechora water system, consisting of parts of the uyezd: Mezen, Arkhangelsk, Ustysolsk, Vologda and Cherdynsk, Perm province, and covering this space of approximately 35,000,000 tithes, compiled by the reserve Forester staff-captain Borovsky in 1853. The scale in English inch is 60 versts (1:2500000)". The author suggests that the map could have been created either by order of M.K. Sidorov or V.N. Latkin for the work of the Pechora company.

Key words: the Komi region, Pechora, Mezen, the population of the Komi region, maps

Национальная библиотека Республики Коми – богатейшее хранилище источников и документов по истории и географии Коми края. В рамках Дней Арктики (27.02.2017 г.) состоялась презентация географических карт из фондов библиотеки. Конечно, была показана только малая часть карт, так как их поиск требует времени и специальных занятий. Во множестве книг различного направления содержатся и мелкомасштабные, и крупномасштабные карты. В публикации приводим сведения о карте: «Карта Печорского края образуемого материком Печорской системы вод, состоящим в частях уезда: Мезенского, Архангельского, Устьсысольского, Вологодского и Чердынского, Пермской губернии и объемлющего сего пространства приблизительно 35.000.000 десятин, составлена запасным лесничим штабс-капитаном Боровским в 1853 г. Масштаб в английском дюйме 60 верст (1:2500000)». Происхождение карты пока неизвестно.

На карте показаны сведения по населению Печорского края (для каждой деревни обозначено число дворов и число душ мужского пола), сведения о типах лесонасаждений (господствующие породы: ель, лиственница, др.), отмечена северная граница леса. Приведена таблица, «показывающая состав, обширность, степень населенности и материальные силы Печорского края» – число рук мужского пола по уездам (рабочие ресурсы), число лошадей, площадь лесов и др.

Составлена карта на основе геогностической карты всего края, изданной в 1846 г. А.А. Кейзерлингом и П.И. Крузенштерном по наблюдениям в 1852 г., капитаном флота 2 ранга Крузенштерном некоторых водных путей всего края части Мезенского уезда; по съемочным планам 1801–1802 гг., составленными на Печорскую часть Мезенского уезда землемером Титулярным советником Кузнецовым и флота лейтенантом Бабаевым; по общим географическим картам Европейской России, по собственным на месте топографическим наблюдениям и частично по показаниям местных жителей.

Точно назначение карты неизвестно, но можно предположить, что она могла быть заказана либо М.К. Сидоровым, либо В.Н. Латкиным для функционирования и проведения работ Печорской компаний.

Количество дворов и душ мужского и женского полов по деревням

№	Населенные пункты	Число дворов/душ	Число дворов (д.), жителей (ж.), женщин (жен.), мужчин (м.)/год по И.Л.Жербцову (2000)
1	Андегская	5/54	—
2	Пойловская	10/35	—
3	Куйская	20/62	—
4	Макаровская	8/17?	—
5	Якутенская	10/27	—
6	Тельвисочная	88/62	—
7	Устинская	95/74	—
8	с.Пустозерское	23/59	—
9	Лобаская	27/61	—
10	Великовисочная	63/209	—
11	Оксинск	37/107	—
12	Голобковская	5/-	—
13	Бедовская	25/-	—
14	Сопка	78/13?	—
15	На реке Сула две деревни без данных – Коткина и Мысова		
16	д. Абрамова	—	—
17	д. Зайцева	—	—
18	д. Лаврентьева	—	—
19	Хабариха	11/30	1850 г. 60 ж. (30 м., 30 жен.)
20	д. Сергеева щель	—	1850 г. 128 ж. (65 ж., 63 жен.)
21	с. Усть-Цилемская	289/915	1859 г. 178 д., 1411 ж. (696 м., 715 жен.)
22	По реке Цильма: д. Трусова	—	1859 г. 5 д., 45 ж. (20 м., 25 жен.)
23	д. Носова	77/49	—
24	По реке Пижда: Великопоженский Скит	2/3	—
25	д. Новоселовская	—	—
26	д. Левкина	—	первое упоминание в 1918 г.
27	д. Артемья	—	—
28	д. Карпушевы	—	1859 г. 13 д., 116 ж. (52 м., 64 жен.)
29	По реке Ижма: Усть-Ижма	80/107	1850 г. 206 ж. (109 м., 97 жен.)
30	Красноборское	81/331	1850 г. 689 ж. (334 м., 355 жен.)
31	Сизябское	214/933	1850 г. 1878 ж. (935 м., 943 жен.)
32	Ижемское	744/617	1873 г. 170 д. 1842 ж.
33	Мохчинское	—	1850 г. 1419 ж. (682 м. 737 жен.)
34	Ластинская	50?/184	1850 г. 401 ж. (184 м., 217 жен.)
35	Кось-ельская	43/157	1859 г. 7 д. 67 ж. (30 м., 37 жен.)
36	Кедвадомская	14/80	1859 г. 20 д. 178 ж. (80 м., 98 жен.)
37	Поромевская	16/75	1850 г. 145 ж. (77 м., 68 жен.)
38	Винлинская	5/31	1859 г. 7д. 56 ж. (30 м., 26 жен.)
39	Усть-Ухта	70/50	1850 г. 135 ж (59 м., 76 жен.)
	Выше по Ижме (д. Усть-Ухта) проходит граница с Вологодской губернией – Усть-Сысольский уезд.		
40	Большепоженская	—	1850 г. 31 ж. (17 м., 14 жен.)
41	Лачак	—	1859 г. 7д. 59 ж. (28 м., 50 жен.)
42	Чулки	—	—
43	Роздынь	—	—
44	Деревни по Печоре: Няшгайское	8/25	1859 г. 10 д. 69 ж. (27 м., 42 жен.)
45	Новик-Беж	3/14	1859 г. 4 д. 46 ж. (25 м., 21 жен.)
46	Брыкаланская	50/764	1859 г. 49 д. 378 ж. (196 м., 182 жен.)
47	Просканская	5/16	1859 г. 5д. 58 ж. (27 м., 31 жен.)

№	Населенные пункты	Число дворов/душ	Число дворов (д.), жителей (ж.), женщин (жен.), мужчин (м.)/год по И.Л.Жеребцову (2000)
48	Деревни по реке Уса:		
49	Усть-Уса	–	–
	Усть-Колва	12/57	1850 г.106 ж. (51 м., 55 жен.)
50	Деревни по реке Печора:		
	Усть-Лыжа	3/17	–
51	Соколова	–	–
52	Усть-Кожва	26/89	1859 г. 34 д. 261 ж. (119 м., 142 жен.)
53	Красный Бор (выше деревни проходит граница с Усть-Сысольским уездом)	6/14	1850 г. 689 ж.(334 м., 355 жен.)
54	Конец-Борская	57/12	1859 г. 5 д. 38 ж. (13 м., 25 жен.)
55	Оранецкая	18/51	1859 г. 20 д. 106 ж.(45 м.,61 жен.)
56	Усть-Воя	5/12	1859 г. 5д. 25 ж. (11 м., 14 жен.)
57	Усть-Соплеса	–	1859 г. 6 д. 37 ж. (17 м., 20 жен.)
58	Усть-Щугор	24/67	1859 г. 26 д. 167 ж. (71 м., 96 жен.)
59	Подчерье	30/80	1859 г. 32 д. 220 ж. (93 м., 127 жен.)
60	Вуктыльская	6/11	–
61	Дутово	–	1859 г. 9 д. 56 ж. (24 м., 32 жен.)
62	Кузь-Дибож	16/40	1859 г. 18 д. 92 ж. (40 м., 52 жен.)
63	Савин-Борская	24/84	1859 г. 24 д. 158 ж. (66 м., 92 жен.)
64	Джемина	2/9	–
65	Пашнинская	7/19	1859 г. 9 д. 59 ж. (25 м., 34 жен.)
66	Евтюгинская	7/19	–
67	Мишка-Иван	5/14	–
68	Митрофанова	8/26	1859 г. 10 д. 60 ж. (31 м., 29 жен.)
69	Колябож	–	–
70	Скаляповская	19/54	1859 г. 23 д. 103 ж.
71	Троицкое	98/283	1859 г. 108 д. 648 ж. (289 м., 359 жен.)
72	По реке Сойва: Сойкинск	5/13	–
73	По реке Печора: УстьЛяга	4/18	–
74	Усть-Илычская	14/38	1859 г. 15 д. 104 ж. (46 м., 58 жен.)
75	По реке Илыч: Когильдым	2/10	–
76	Сарь-ю	–	–
77	По реке Печоре: Усть-Пожег (на границе Усть-Сысольского и Чердынского уездов)	7/28	–
78	Якшинская пристань	2/36	–
79	Усть-Волосница	–	–
80	Усть-Унья	8/22	–

Примечание: В числителе – число дворов, в знаменателе – число душ мужского пола, прочерк – не указаны данные на карте, вопросительный знак – трудно различимая цифра на карте.

Источник: Жеребцов И.Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 444 с.

Помимо количества населения деревень на карте Боровиковского приведена таблица, показывающая состав, обширность, степень населенности и материальные силы Печорского края. Данные о площадях, типах лесов и др. приведены по лесным дачам. Приведем некоторые общие данные по Печорскому краю (1 десятина (казенная) = 0,0109254 квадратный километр [км²]): площадь общая 34637832 десятины; площадь под лесонасаждениями 16500000 десятин; под тундрой 8500000 десятин; под угодьями 90000 десятин; неудобные площади 9547832 десятин. Число селений, деревень и выселков – 133, число душ мужского пола по 9 ревизии – 8674, на первую ревизскую душу приходится всего пространств 4000 десятин; число годных рабочих рук мужского пола – 4745; лошадей – 3881, оленей государственных крестьян – 97030, самоедских оленей – 17378.

Всего с карты сняты данные о 80 деревнях в бассейне Печоры с притоками. Поскольку карта была составлена в 1853 г., цифры по населению могли быть взяты из данных 9 ревизии (1850 г.), а возможно и предыдущих, данные на 1859 г. – по результатам 10 ревизии (1857–1859 гг.), поэтому цифры значительно не совпадают. Многие цифры на карте при сравнении с данными И.Л. Жеребцова вызывают сомнения, например, данные по селу Ижемская, данные по с. Сизябское на карте отсутствуют. С другой стороны, при сравнении данных карты и других источников можно сделать выводы о динамике расселения.

О.А. Куратов*

**Материалы Центрального статистического комитета
Министерства внутренних дел Российской империи как источник
по истории миграции населения Европейского Севера России
во второй половине XIX в.**

В статье производится попытка проанализировать возможность изучения миграционных процессов на территории Европейского Севера России во второй половине XIX в. по материалам Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Особое внимание уделяется характеристике статистической работы уникальных государственных учреждений – губернских статистических комитетов.

Ключевые слова: миграции, статистические источники, Европейский Север России

O.A. Kuratov

**Materials of the Central Statistical Committee
of the Ministry of the Interior of the Russian Empire as a historical source
on the history of the European North of Russia population migration
in the second half of the 19th century**

The article attempts to analyze the possibility of studying migration processes in the European North of Russia in the second half of the XIX century based on the materials of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior. Particular attention is paid to the characteristic of the statistical work of unique state institutions – provincial statistical committees.

Key words: migration, statistical sources, European North of Russia

Материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи представляют большой интерес для изучения демографической ситуации в пореформенной России. В частности, материалы губернских статистических комитетов могут рассматриваться как важный источник по истории миграций населения Европейского Севера во второй половине XIX в. Обратимся к краткой характеристике этого административно-статистического учреждения.

Центральный Статистический Комитет (далее – ЦСК) оформился в качестве самостоятельного учреждения в 1863 г. согласно подписанному Императором Александром II Положению об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел (на основе Статистического отдела, существовавшего в структуре ведомства с 1834 г.) [1, с. 164].

Главной задачей ЦСК, согласно Положению, являлось производство статистических работ по Министерству внутренних дел, а именно:

- 1) сбор, проверка, обработка поступающих ежегодно из местных комитетов сведений;
- 2) разработка статистических данных, доставляемых другими ведомствами;
- 3) передача другим ведомствам статистических данных;
- 4) различные единовременные статистические работы, выполняемые по поручению министра внутренних дел [2, с. 414].

Итак, основная функция Комитета состояла в сборе статистических материалов, а также в их анализе, систематизации и предоставлении в соответствии с установленными сроками. Главным печатным изданием ЦСК был ежегодный «Статистический временник Российской Империи», издававшийся с 1866 г., который по праву может считаться первым российским статистическим сборником [2, с. 55]. Наибольшее собрание документов, связанных с деятельностью ЦСК, находится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фонде Ф-1290. Здесь собраны статистические сведения о численности и движении населения по

* Куратов Олег Александрович (Сыктывкар) – аспирант сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26; e-mail: kuratov.oleg@mail.ru

губерниям России, об иностранных подданных, проживающих в России (по губерниям), а также статистические описания городов и губерний [4].

Еще в 1834 г. параллельно с созданием центрального статистического органа в каждой губернии создаются подчиненные ему, но самостоятельные административно-статистические учреждения – губернские статистические комитеты (ГСК) [5, с. 52]. Первое время, однако, они практически бездействовали, пока в 1853 г. вводится государственное финансирование, что позволяет губернским комитетам стать важнейшими государственными статистическими органами [6, с. 9]. Работа ГСК предполагала масштабное изучение губернии, отдельных городов, жителей. В обязанности комитета входили не только «обязательные труды» (предоставление сведений о количестве и качестве земель, о народонаселении – т.е. смертности, рождаемости, числе различных профессий и т.д., а также проверка и обработка этих сведений по однообразным формам). В число «необязательных» работ комитета входила обязанность составления подробных описаний губерний и «замечательных местностей» в топографическом, историческом, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях, а также издание этих трудов [1, с. 163]. В большинстве губерний ГСК стали единственными научными и издательскими центрами [7, с. 228].

Традиционно в исторической и историко-демографической литературе на основе географо-хозяйственного принципа к Европейскому Северу относят три российские губернии: Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую. Соответственно во всех губернских городах имелись статистические комитеты. На основе данных Архангельского и Вологодского комитетов перейдем к более подробному анализу их деятельности.

Архангельский губернский статистический комитет (далее – АГСК) являлся одним из территориальных учреждений ЦСК при МВД. Созданный в апреле 1835 г. на основе правительственного указа 1834 г., он просуществовал до 1917 г., когда был реорганизован в Статистическое бюро Архангельской губернской земской управы.

Активная деятельность комитета начинается в 1860-х гг. Главными сферами интересов комитета были вопросы народонаселения и усовершенствования методик сбора статистических данных. По поручению Центрального статистического комитета была организована перепись населения, составлены списки населенных мест, собирались сведения о землях, числе строений в уездных городах и многое другое.

Структура АГСК и направления его работы соответствовали требованиям, предъявляемым властями к данным учреждениям. Председателем АГСК являлся губернатор, в Комитет также входили его помощник, избираемый на три года, непременные члены, занимавшие высшие должностные посты в губернии. Действительные члены комитета избирались из местных общественных деятелей. Почетными членами являлись граждане, пожертвовавшие значительные суммы на статистическую работу. Штатного низового аппарата в уездах у статистического комитета не было. Необходимую информацию доставляли добровольные корреспонденты, полицейские чины, исполнительные органы управления уездов, волостей, а также священнослужители. Члены комитета работали на общественных началах, их деятельность ограничивалась доставкой в комитет копий отчетов, других официальных сведений по ведомству и согласование сформированных годовых отчетов губернатора [8, с. 18].

Для проверки и пополнения на местах первоначальных сведений, собираемых официальным путем, члены статистического комитета с разрешения губернатора могли выезжать в разные места губернии. Председатель комитета организовывал собрания, на которых рассматривались задачи, стоящие перед учреждением, заслушивались и обсуждались доклады участников заседаний, принимались решения по изменению состава АГСК, он же регулировал проблемы сбора, обобщения статистической информации, контролировал сроки предоставления данных вышестоящему начальству. Комитет регулярно проводил заседания и ежегодно отчитывался о своей деятельности. Сотрудниками АГСК подчеркивалась важность статистического учета для управленческой, научной и информационной деятельности.

Губернский статистический комитет собирал, проверял и приводил сведения в единообразный порядок, вносил их в таблицы по полученным от статистического отделения МВД формам, составлял по этим сведениям точные описания губернии в целом или отдельно по некоторым отраслям хозяйства, промышленности и торговли.

Комитет сам издавал свои труды и практически все исследования, предпринятые им. Все издания, выпущенные комитетом, условно можно подразделить на несколько групп:

1. Первая отражала работу Комитета: журналы и протоколы заседаний статистического комитета, отчеты «о действиях и занятиях»;
2. Вторая группа содержала ведомости о числе ремесленников, промышленников, числе фабрик и заводов, посевах и урожае хлебов, животноводстве, сведения о промыслах, экономическом положении крестьян, о сборе повинностей, движении населения, заболеваниях населения в губернии, народном образовании;
3. Третья группа – издания комитета, выходившие ежегодно или с некоторой периодичностью: труды, сборники, памятные и справочные книжки, адрес-календари [9].

Вологодский губернский статистический комитет (ВГСК) создается в мае 1835 г. на основании распоряжения губернатора [10]. Документы ВГСК в большом количестве хранятся в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО). Основную часть статистических данных включает фонд Ф-17 – Вологодский губернский статистический комитет (1834–1917).

Рассмотрим на примере материалов, хранящихся в ГАВО, содержание основного документа, который готовил каждый ГСК – ежегодного всеподданнейшего отчета губернатора и приложения к нему. Отчет представлял собой сложный документ, имеющий значительное количество таблиц. Приложения и таблицы составлялись на основании статистических данных, представлявшихся исправниками, духовенством, представителями судебных и учебных заведений, казенными палатами, земскими управами. Первоначально статистическим комитетом заполнялось 77 таблиц, отсылаемых затем в МВД. В 1857 г., в виду сложности сбора сведений, число таблиц было сокращено до 13. В них обозначалось число жителей по сословиям и вероисповеданиям, число родившихся и умерших, число браков, населенных местностей, зданий в городах, церквей и других богослужебных зданий, число заводов и фабрик, ремесленников и выданных торговых свидетельств [11]. В документе отсутствует раздел, который бы полноценно освещал перемещения населения внутри губернии или за ее пределы. Однако в отчетах даны подробные данные о доходности отхожих промыслов, которые определяются как временные трудовые миграции – уход крестьян из деревень, то есть с мест постоянного жительства, на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства. В таблицах представлены основные отхожие отрасли, которые привлекали местное население, что позволяет оценить размах и динамику развития отходничества.

Необходимо учитывать ряд трудностей, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, использующий данные статистических ведомств. Известный специалист по исторической географии В.К. Яцунский отмечал, что при изучении динамики массовых явлений прошлого историку приходится сопоставлять между собою данные различных статистических источников, что осложняется их неполнотой и часто отрывочностью сохранившихся данных [12, с. 34]. Это в полной мере относится и к данным губернских статистических комитетов.

Итак, во второй половине XIX в. губернские статистические комитеты стали важнейшими центрами научно-исторической деятельности в русской провинции. Основными их задачами являлись сбор, оформление и представление многочисленных статистических сведений. Документы, созданные губернскими статистическими комитетами, являются важным источником по проблемам социально-политической и экономической жизни, миграционным процессам пореформенной России на Европейском Севере. Несмотря на значительный информационный потенциал, материалы статистических комитетов северных губерний пока достаточно слабо вводятся в научный оборот.

Источники и литература

1. Министерство внутренних дел: [1802–1902]: Ист. очерк. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1902. 225 с. URL: <http://elibrary.ru/nodes/4045-ministerstvo-vnutrennih-del-1802-1902-ist-ocherk-spb-1902> (дата обращения: 09.10.2019).
2. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
3. Высочайше утвержденное Положение об устройстве статистической части при Министерстве Внутренних Дел // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXVI. № 39566. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885 гг. С. 412–414. URL: <https://runivers.ru/lib/book3136> (дата обращения: 09.10.2019).
4. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 г.: В 4-х т. Т. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. 302 с.
6. Бондарева Г.А. Становление статистики в российской провинции: середина XIX столетия – 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 23 с.
7. Еремеева В.Л. Губернские статистические комитеты 1860–1890-х годов и развитие исторической науки в Российской провинции (на материале Костромской и Ярославской губерний) // Вестник КГУ. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gubernskie-statisticheskie-komitety-1860-h-1890-h-godov-i-razvitiie-istoricheskoy-nauki-v-rossiyskoy-provintsii-na-materiale-kostromskoy-i> (дата обращения: 20.10.2019).
8. Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 36 с.
9. Издания Архангельского губернского статистического комитета // Электронная краеведческая библиотека «Русский Север» [Электронный ресурс] URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=26> (дата обращения: 12.10.2019).
10. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
11. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.
12. Яцунский В.К. О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению: сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.: Наука, 1964. С. 26–36.

Г.К. Лисовская*

Трудовая миграция в Коми крае конца XIX – начала XX в. по произведениям К.Ф. Жакова

Статья посвящена изучению трудовой миграции коми крестьян начала XX в. на материале произведений К.Ф. Жакова (1866–1926). Феномен отходничества рассмотрен коми учёным и писателем как экономическое, социальное, психологическое явление. Исследовано влияние сезонных работ на образ жизни крестьян, показано формирование у отходников новой идентичности.

Ключевые слова: трудовая миграция, К.Ф. Жаков, этнологический очерк, художественная проза, образ жизни отходника, новая ментальность.

G.K. Lisovskaya

Labor migration in the Komi region at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries based on the works of K.F. Zhakova

The article is devoted to the study of labor migration of Komi peasants of the early XX century on the basis of the works of K.F. Zhakova (1866–1926). The phenomenon of rejection was considered by the Komi scientist and writer as an economic, social, psychological phenomenon. The influence of seasonal work on the way of life of peasants is studied, and the formation of a new identity among the migrants is shown.

Key words: labor migration, K.F. Zhakov, ethnological essay, fiction, lifestyle of a migrant worker, a new mentality

Миграционные процессы играют большую роль в жизни населения Коми края. И.Л. Жеребцов писал о том, что «движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическую, социальную, политическую и культурную сферу жизни социума» [1].

В начале XX в. особенно интенсивно стало распространяться отходничество – особый вид трудовой миграции, связанный с временным уходом крестьян с постоянного места жительства. Коми исторической наукой заложена основа изучения отхода крестьян на заработки [2]. Феномен отходничества получил глубокое осмысление в работах коми ученого, писателя и философа К.Ф. Жакова (1866–1926). Впервые отходничество привлекло его внимание еще в годы учебы в Петербургском университете. Будучи студентом, К.Ф. Жаков был прикомандирован в Вологодскую губернию для сбора этнографического материала о коми-зырянах. 13 октября 1900 года на заседании отделения этнографии Русского географического общества он выступил с докладом «Этнологический очерк зырян», получив за него Серебряную медаль Общества. К.Ф. Жаков опубликовал его в 1901 г. в журнале «Живая старина». Рассматривая в этой работе различные факторы, влияющие на жизнь коми-зырян, он большое внимание уделил миграционным процессам в Коми крае. К.Ф. Жаков исследовал и трудовые мотивы отходников и особенности национального характера, которые способствовали выбору отходничества как модели жизненного поведения.

К.Ф. Жаков пишет: «Крестьяне стремятся в привольную, хлебобордную, с хорошими лугами Сибирь». Под Сибирью зырянин понимает Вятскую губернию, Пермскую, Тобольскую ... Молодые люди отправляются в Пермь, Кунгур и далее, чтобы найти новые пути жизни, посмотреть «обширные места» [3, с. 346].

Первым фактором, влияющим на психическое развитие зырян и трудовую миграцию народа, К.Ф. Жаков назвал занятие земледелием в местностях, мало урожайных – по берегам Выми и Вишеры, где часты ранние заморозки. «Здесь народ жил, конечно, всегда охотой, а теперь ходит на заводы в Пермскую губернию. Вычегда тоже не богата хлебом, только Локчим и Сысола (южные притоки Вычегды) имеют достаточно хлеба в урожайные годы» [3, с. 319]. Писатель приводит в этнологическом очерке настроения крестьян села Ыджидвидз. Рассуждая о том, где построить дом священнику, «многие говорили: Где хотите, там и стройте, все равно мы здесь не жильцы в своей местности: сегодня – завтра придется уйти нам всем в Сибирь или куда-нибудь» [3, с. 320].

* Лисовская Галина Константиновна (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Коммунистическая 26. 167982. t-mail: Lisovskaya 1330@gmail.com

По мнению ученого, на миграционную активность коми влияют не только материальные экономические причины, но психологические особенности зырян, которые определялись, в том числе, и особенностями местности. «Зыряне живут на Печоре, Ижме, Вычегде, на реках, довольно больших, окруженных беспредельными лесами, где полный простор для охотников, на лыжах пересекающих эти дремучие леса. Большие реки развивают отважность и предприимчивость; далекая охота, в сотнях вёрст от родного дома, делает человека чуждым домашнему очагу...» [3, с. 317].

К.Ф. Жаков подчеркивает подвижность, лёгкость в перемещении коми человека: «На любом пароходе, идущем по Вычегде, спросите вы их, куда они едут, и вы услышите, что эта баба с сыном возвращается из Киева, где была по обету. Вон те молодцы – один из Архангельска, где служил в торговой конторе, другой из Ирбита, где он арендует землю... Затем из разговора вы слышите: «Здесь на заводе!», «У нас на заводе». Вы спрашиваете, где их завод, – «Да здесь, Кутимский». Оказывается, они говорят о Пермской губернии и ее водах и таким тоном, как будто это в пяти верстах...» [3, 338].

Проблему учёный видит не в самом отходничестве, а в том, что оно приобретает тотальный характер, – лесной промысел по отношению к земледелию и охоте выходит на первый план в жизнедеятельности коми крестьян. В большинстве сел мужское население в массовых масштабах зимой занято сплавом леса и рубкой дров на заводах Пермской губернии. «Вся зима проходит вне дома, на холоде, отнимающим здоровье человека. А летом нанимаются сплавать лес по рекам Выми, Вишере и т.д. к Ускорью» [3, с. 348]. А.М. Мацук, исследовав количественные показатели отхожих промыслов и выдачи паспортов крестьянам Усть-Сысольска по материалам податных документов рубежа XIX–XX вв., пришел к выводу, что более половины отходников брали годовые паспорта [4, с. 23].

Отходничество – этот особый образ жизни, и соответственно формируется особый тип личности. Это люди более инициативные, смелые: «Вернувшись, некоторые из них приносят новые знания в ремёслах, новые песни, мудрость жизни в новых сказках. Эти люди и солдаты – культуртрегеры зырян. Через них идет все русское, начиная с ремесел и кончая сказками» [3, с. 346].

Устное народное творчество отразило русское влияние на коми в этот период через появление новых фольклорных жанров. Так, Н.С. Коровина в статье «Отражение миграционных процессов в коми фольклоре», приводит текст песни девушки про отходника, в которой отразился новый статус желанного жениха:

Каля ты дорё ветлі-да,	К Каля – озеру ходила,
Роч казаксё аддзылі,	Русский там стоит казак,
Визя кушака,	В полосатом кушаке,
Роч ной пальтоа,	В пальто из тонкого сукна,
Визя еджыд дөрёма.	В рубашке белой в полоску [5. с. 4].

Девушки мечтают о женихах-отходниках, ведь они почти городские – отличаются от других односельчан. Вот как их описывает К.Ф. Жаков: «Они одеты в пиджаки, брюки, калоши, их речь пестрит русскими словами... Они франты, они умны, они горды. Каждый из них думает завести себе двухэтажный дом и, если возможно, торговлю» [3, с. 34].

У некоторых крестьян, у занятых отхожим промыслом, появляется материальное благополучие, но большинство крестьян, по мнению К.Ф. Жакова, не стали богаче, а наоборот, потерялись в этих новых экономических реалиях. И чем дольше они были вне дома, тем более беззащитными они становились в большом «промышленном» мире.

Продолжением раздумий К.Ф. Жакова о судьбах коми крестьянства является художественная проза писателя, в ней также отразились его наблюдения во время многочисленных поездок на родину.

В сборниках рассказов «На Север в поисках за Памом-Бурмортом» (1905), «Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере» (1906), «В хвойных лесах. Рассказы коми морта» (1908), «Под шум северного ветра» (1913), романе «Сквозь строй жизни» (1912–1914) открывается широкая панорама жизни Коми края конца XIX – начала XX в. Для художественной прозы К.Ф. Жакова характерна этнографическая достоверность, узнаваемость национальных типов и национального образа жизни. Правда обстоятельств, запечатленная в них, выявляет социальный взгляд на деревенский быт. В них чувствуется глубокое проникновение в проблемы села. В произведениях отражено расслоение, обнищание крестьянства, миграционные процессы и связанные с ними человеческие драмы. В рассказе «На Богословский завод» (1906) изображен завод-монстр с изощренной системой закабаления рабочих, пожирающих их силы и здоровье, завод-муравейник, кишачий рабочими. Гибнут, калечатся крестьяне, растлеваются их души в вине, картах и пьяных драках. В рассказе показана вся «технология» превращения селян в сезонных рабочих на примере жителей из деревни Давпон. Зима только начинается, а корову кормить уже нечем, вот и поддаются они на агитацию заводского приказчика, расположившегося в волостном правлении. Со всех деревень к нему хлынули крестьяне. Он раздавал

авансы «направо и налево» по 20–25 рублей. «Старейшина, сидя у зеленого стола, взимал подати с задатков, данных приказчиком, подписывал и обратно забирал паспорта. Вместо последнего давалась проходное свидетельство до города. Сотни мужиков и подростков закабалили себя зауральскому заводу на целый год. Толпа была разделена на десятки, круг, состоящий из десятка, ручался за каждого из своих товарищей, что он доставит из дремучего леса столько-то сажень дров и к такому-то сроку в контору Богословского завода» [3, с. 221]. Крестьяне готовы к работе в тяжелых условиях, они обладают силой, трудолюбием. Но не все имеют навыки: «Убило Исаака огромной сосной, пихтой ушибло Степана Младшего Пора по домам, но «много было еще неприятности от куренного и от алчной конторы». Вычеты и учеты были бесконечны, то лишнее за припасы, то за порчу пилы, топора, печки, за разбитые стекла в лесных оконцах. Контора тянула, не выдавая паспорта» [3, с. 274]. Были и те, кто не возвращался домой. Михаил Елькин из Шошки много лет жил на заводе – все что зарабатывал, спуская на вино и карты, как и силач из Дава Степан Оплеснин: «Эти бедные зимогоры были в неоплатном долгу у завода», – пишет К.Ф. Жаков [3, с. 273]. Главные герои рассказа Филипп и Василий возвращаются домой: «Думали нажить 50 рублей, а заработали лишь 20» [3, с. 280].

Не от хорошей жизни решил сходить на пермские заводы Василий Кудряш «Василий Кудряш» (1913), мечтающий о доброй ладной жизни с любимой девушкой в новой избе. Но зажали его в тиски долговые чердынские купцы и местный ростовщик Попов. Даже удачная охота на спасала от нужды: «Чердынские приказчики слишком низко поставили цену рябчикам и белкам, а долг Кудряша, взятый им хлебом, возрос под их пальцами на счетах до большой цифры. Также поступил и Попов. Всякая мелочь, взятая из лавки, поставлена была высоко... Вся охотничья добыча Василия ушла как бы на проценты, долг почти не уменьшился...» [3, с. 139].

Возвращаясь домой, крестьянин вновь попадал в кабалу к деревенским ростовщикам. В связи с этой проблемой интересен рассказ «Страничка из жизни северной деревни» (1910). Здесь появляется новый для Коми края тип личности, отмеченный писателем. Это тип крестьянина – рабочего, от которого и происходила «классовая смута» в деревне. Егор, молодой человек со «стальными глазами», долгое время был на заработках, вернулся, «от крестьянской жизни отвык, ни пахать, ни косить не хотел» [3, с. 140]. Закончилось пребывание Егора в родной деревне тем, что ограбил он купца Ежова и исчез. Чужеродной была подобная психология для большей части его односельчан. «Нет ничего лучше крестьянства, – думал его брат Иван. – Только люби землю, да трудись, она не забудет тебя... Дай-ко я возьмусь поусерднее за землюшку, не поправлюсь ли, не выйду ли из бедности» [3, 144], Иван – тип национального коми характера. П. Сорокин определил важнейшую черту такого типа «кротость и непротивление злу» [6, с. 52]. Неистовая вера коми крестьянина в землю, в свой труд находит сочувствие у К.Ф. Жакова, однако действительность сурова и формирует людей без корней, таких, как солдат Арсений из рассказа «Неблагонадежный» и Агафья из одноименного рассказа, которая за легкой жизнью уехала в Петербург, «в няньки», презиравшая и крестьянский труд, и бедных городских родственников-интеллигентов.

К.Ф. Жаков выявил социальные последствия, связанные с трудовыми миграциями на длительный срок. Крестьяне утрачивают интерес к земледелию, – «стали презирать медленные пути обогащения», не так стали крепки семейные узы – «не стало прежней верности семье и дому» [3, с. 348], «грубение в нравах», страсть к алкоголю, утрачивается здоровье физическое и нравственное, происходит духовное оскудение.

Отличие кратковременного отходничества и от длительного отсутствия вдали от дома в языке народа выделяется терминологически. Н.С. Коровина отметила, что «в текстах некоторых песен отразились даже два термина отходничества: «Гуляйтём» – так говорили, когда отходники отправлялись на заработки на одну зиму, на один сезон. «Зимогоритём» – так называли отходников, уходивших на промыслы на несколько лет» [5, с. 2]. Термин «зимогор» в «Словаре русских народных говоров» помимо нейтрального – «сезонный рабочий на отхожих промыслах», имеет и значения уничижительные – «босьяк, бродяга», «непоседливый, неуравновешенный, безалаберный человек, бродяга» [7, с. 280]. Отрицательное значение понятия «зимогор» закрепилось в коми языке. В словаре диалектов коми языка зафиксированы такие его значения: «Зимогор – бродяга, бездельник, пропойца, картёжник, человек, забросивший хозяйство и скитающийся по свету» [8, с. 555].

Негативное значение этого понятия и сегодня существует в коми языке, так пьеса современного коми драматурга В. Леканова о коми лесорубах называется «Ми абу зимогоръяс» (Мы не зимогоры, 1968).

Но есть и другие персонажи в его произведениях, которых вынуждает отправиться из отчего дома не нужда или душевная пустота, а широта натуры и томление сердца. «Трудно жить и тесно жить в узком горлышке бутылки, в северной деревне, да и в южной тоже, человеку, широкому в плечах» [3, с. 97], пишет К.Ф. Жаков, хорошо понимая метания удалыца и музыканта Степана Васильевича из одноименного рассказа. Этот рассказ о долгом пути домой и обретении нового знания как итог его двадцатилетних скитаний в «Сибири широкой». За новым знанием, новым ремеслом отправился и Фалалей из Давпона на восток, «к славному городу Екатеринбург». Учиться у великого мастера Осипова и стал лучшим резчиком Коми края («Жизнь Фалалея», 1913). Тяга к знаниям заставила и самого писателя покинуть отчий дом.

В заключении можно отметить, что К.Ф. Жаков в своих работах показал жизнь отходников во всей её противоречивости и многоаспектности. Его произведения дают возможность комплексно взглянуть на их образ жизни, на изменения ментальности крестьян в связи с переходом их в статус сезонных рабочих, их экономическими и духовными приобретениями и потерями. Наблюдения К.Ф. Жакова над процессами, проходящими в крестьянском обществе в начале XX в., значимы в условиях экономической ситуации сегодняшнего дня (расслоение общества, появление новых «отходников» и т.д.). Проблемы, которые он ставит в «Этнологическом очерке зырян» и художественной прозе значимы не только для этнографии и литературоведения, но и для исторической науки, исторической психологии и других областей гуманитарного знания.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1998. С. 15.
2. История Коми АССР с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 429–432; Т. 2. С. 21–24, 79–86; Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005 и др.
3. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990.
4. Мацук М.А. Отход крестьян Усть-сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: **основание, направление, количественные** показатели // Историческая демография. Научный журнал. 2010. № 2 (6).
5. Коровина Н.С. Отражение миграционных процессов в коми фольклоре // Историческая демография. Научный журнал. 2019. № 1 (23).
6. Сорокин П.А. Грёзы Севера // Изв. Архангельского русского Севера. Журн. жизни северного Края. 1910. № 17. С. 52.
7. Словарь русских народных говоров. Вып 1–43. 1965–2010. М.; Л., СПб.: Наука, 1976. Вып. 11.
8. Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Словарь диалектов коми языка в двух томах. Том первый. А–О. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат A4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментариев располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. **Автоматические сноски не допускаются!**

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

8. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

9. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, prp21@bk.ru.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Аааааааааааа бббббббббббббббббб вввввввввввввв гггггггггггггггг [1]. Дддддддддддд ееееееееее жжжжжжжжжжжжжж [2]

Источники и литература

1. Иванов И.И., Петрова И.Н. Демографическая политика // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 15–16.

2. Сидоров В.В. Демография. М.: Дело, 2006. С. 75. (или: 557 с.).

3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.

4. Волков П. О войне // Красное знамя. 1990. 16 авг.

5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

6. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.

7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничнова, 1926 г.р., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.

8. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: [http:// www.library.by/portalus/modules/psychology](http://www.library.by/portalus/modules/psychology) (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

Материалы, опубликованные в журнале «Историческая демография», размещены в РИНЦ, а также на сайте ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН <http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>.

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

2019. № 2 (24).

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Формат 1 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 16.12.2019.

Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз. Заказ № 143.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

